

БЕССМЕРТНЫЙ

КНИГИ I и II

Джозеф Дж. Дьюи
(J. J. Dewey)

Издательство

GREAT AD-VENTURES

P.O.Box 8011
Boise, Idaho 83707
USA

Издательство "Great AD-Ventures", адрес: P.O. Box 8011; Boise, Idaho 83707, USA

Copyright © 1997 и 1998 by Joseph John Dewey (Джозеф Джон Дьюи)

Все права зарезервированы, включая право копировать эту книгу или её части в какой бы то ни было форме, со следующим исключением для Книги I.

Автор даёт читателям разрешение копировать и распространять Книгу I из этой серии в печатной или электронной форме при условии, что авторство материала признаётся за Дж.Дж.Дьюи, и копии произведения распространяются бесплатно.

Книга II и последующие требуют письменного разрешения автора на копирование и использование.

ISBN: 0-9665053-0-1

Первый тираж: июнь 1998 года,
второй тираж: апрель 1998 года,
третий тираж: февраль 2000 года,
четвёртый тираж: октябрь 2000 года,
пятый тираж: февраль 2001 года,
шестой тираж: январь 2003 года,
седьмой тираж: ноябрь 2003 года,
восьмой тираж: январь 2005 года.

Напечатано в США.

БЕССМЕРТНЫЙ

КНИГА I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Его (Иоанна) увидев, Пётр говорит Иисусу: "Господи! А он что?"

Иисус говорит ему: "Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того? Ты иди за Мною."

И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрёт. Но Иисус не сказал ему, что не умрёт, но: "Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того?"

От Иоанна 21:21-23

Иоанн, Возлюбленный, Богослов, апостол Иисуса, может быть, самый загадочный человек в истории, оживает в этой книге. Легенда гласит, что Иоанн никогда не умирал и до сих пор, как учитель, странствует по Земле.

Содержание этой первой книги и дополнительных серий про Бессмертного — может, правда, а может и нет. Это решать читателю. Но какое бы мнение ни сложилось, этот рассказ и учения в нём заслуживают серьёзного внимания.

Может быть, это самая хорошая книга, которую вы когда-либо читали!

Когда я закончил писать Книгу первую, мы захотели проверить реакцию читателей и бесплатно поместили книгу на некоторое время в Интернете. У нас были сомнения по поводу числа людей, которые её прочитают, не имея печатного экземпляра, потому что читателю пришлось бы читать её либо с экрана, либо распечатать на принтере и читать с разрозненных листов бумаги.

Мы были приятно удивлены результатами. Примерно из тысячи человек, скачавших текст, нам написали около трёхсот, бешено расхваливая книгу. Поскольку книге суждено быть спорной, мы были удивлены тем, что получили только одно негативное письмо. Даже те, кто не согласился с философией, получили удовольствие от сюжета.

Вот несколько отзывов, которые мы получили.

"Ваша книга, насколько я помню, была первой, которую я не мог отложить в сторону, пока не дочитал. Я просто сидел за компьютером и прочитал её целиком". (А.Д.)

"Каждая глава вашей книги говорила мне об уроках, которые я выучил за тридцать с лишним лет медицинской практики и разработки взаимодополняющего медицинского подхода к целительству". (Уи.С., доктор медицинских наук)

"Я получил книгу электронной почтой и без проблем загрузил её. Как только я начал читать её, то почувствовал прикосновение Духа Божьего, который живёт внутри меня, и понял, что всё, что вы написали — правда". (М.М.)

"Я только что закончил чтение вашей книги, но теперь мне тяжело поверить, что всё это вымысел. Когда выходит следующая книга?" (Е.Ф.)

"Недавно я закончил читать "Бессмертного". Спасибо вам! Я уже сказал десяткам и десяткам людей: "Если вы собираетесь в этом году прочитать только одну книгу, подумайте о том, чтобы ею стал "Бессмертный". И каждый, с кем я говорила, реагировал с энтузиазмом, в то время как я ждала и жду с нетерпением и информационный бюллетень, и следующую книгу". (Диана)

"Я не сводил глаз с компьютера, прокручивая и читая, пока не осознал, что я уже был на шестидесятой странице!" (В.Ф.Н.)

Это были комментарии читателей Книги I, но эти страницы также включают в себя и Книгу II, которая, как мы предчувствуем, будет ещё более стимулирующей и манящей. Итак, выберите время, чтобы вы могли читать без помех в течение нескольких часов, поскольку отложить книгу вам не захочется.

БЕССМЕРТНЫЙ

КНИГА I

БЕССМЕРТНЫЙ

КНИГА I

Джозеф Дж. Дьюи
(J. J. Dewey)

Глава 1

Элизабет

Я всегда хотел быть писателем, но, казалось, никогда не мог найти время претворить в жизнь свою мечту. По иронии судьбы, в моей жизни сейчас самое сложное время для начала такого проекта, но именно это я и должен сделать. В историю, которую я хочу рассказать, трудно поверить, так что я пишу её как беллетристику. Она слишком невероятна, чтобы преподнести её как быль. Тем не менее, я утверждаю, что принципы, которым она учит, истинные, и что многие читатели подтвердят это сердцем и душой.

Мне хотелось бы начать с Иоанна, но это, вероятно, не сработает. Я должен рассказать вам об Элизабет и что-нибудь о себе перед тем, как вы начнёте понимать.

Обо мне многого не расскажешь. Во многих отношениях я средний или ниже среднего. Если и есть во мне что-либо из ряда вон выходящее, так это, наверное, то, что по натуре я весьма любознателен. Я довольно много думал, почему реальность такова, какова она есть. Я всегда задавал себе множество вопросов, на которые невозможно ответить, такие как: "Кто или что есть Бог?", "Существует жизнь после смерти? Какой она будет?", "Какова цель жизни?", — вопросы, на которые, кажется, нет ответов.

Я встретил Элизабет около десяти лет назад. Мне было сорок три года, а Элизабет была на несколько лет младше.

Я как раз пробовал себя в сфере недвижимости после того как потерпел провал в нескольких начинаниях в бизнесе. Мы оба, Элизабет и я, раньше были женаты. Но поскольку мы хорошо ладили друг с другом после того как пережили трудные взаимоотношения с другими, мы оба чувствовали, что наконец овладели искусством супружества до такой степени, что со смешанными чувствами подумывали, не организовать ли нам семинары на эту тему.

Оставить детей с моей прежней женой было одним из наиболее трудных решений в моей жизни, да и ситуация была не из беспроигрышных. В ней проигрывали все. Тот факт, что я так много потерял в своих взаимоотношениях с детьми, и они потеряли в отношениях со мной, придавал особую важность тому, чтобы мои отношения с Элизабет так или иначе стоили бы этой великой жертвы.

Давайте двинемся отсюда вперёд. Я знаю, что многие из вас прошли через трудные браки и желали бы заново прожить жизнь со своими детьми. Но я знаю и ещё кое-что. Я знаю, что у всех вас есть в сердце желание встретить любовь вашей жизни, и полюбить, и оставаться влюблённым. Я знаю, что немногие из вас нашли то качество любви, которое вы ищете.

Да, это одна область, где моя жизнь была не совсем средней. Я нашёл любовь своей жизни. Я нашёл даже больше, чем искал. Я нашёл Элизабет.

После моего развода я начал преподавать в нескольких классах по программе обучения для взрослых для местных жителей. Длительное время моим хобби было изучение графологии, или как через почерк выявляется характер. Потом, спустя годы занятий на любительском уровне, я стал в ней весьма искусен, так что добровольно предлагал свои услуги.

Я каждый день благодарю Бога за то, что изучал анализ почерка, потому что без этого я мог бы и не узнать Элизабет.

В конце моего первого урока я попросил каждого в классе сдать мне образец своего почерка. Затем приступил к демонстрации того, что я был поистине точен в анализе каждого из них. Так вот, парапсихологические силы тут совсем ни при чём. Наоборот, это аналитический метод распознавания характера.

В классе было около двадцати человек, и я думал, что проанализировал каждого, когда встала Элизабет.

— Вы меня ещё не проанализировали, — сказала она.

— Извините, — сказал я. — А вы сдали образец?

— Да, сдала.

Я взял стопку образцов, вручил ей и сказал:

— Посмотрите, есть ли среди них ваш.

Она просмотрела их.

— Вот он, — сказала она, протягивая его мне. — Кажется, слился с другим образцом.

Я посмотрел на почерк. Посмотрел повторно. За годы я не только создал образ того, что искал в идеальной спутнице жизни, но и определил, как должен был выглядеть почерк моей идеальной спутницы. После многих лет и тысяч образцов почерка я наконец нашёл тот, который выглядел так, как я его представлял.

Я, наверное, смутил Элизабет, когда выпалил её качества. Её почерк показывал, что она очень умная, страстная, объективная и при том заботливая, целенаправленная и вместе с тем любознательная, любящая, и при этом с хорошим здравым смыслом.

Выдав ей с дюжину положительных черт, я отложил образец и хорошенько осмотрел её. Первое, что я заметил — очень привлекательное, почти что искрящееся лицо с пронзительными умными глазами, которые, казалось, время от времени сосредотачивались с огромным вниманием. В её глазах, которые выдавали её настроение в тот момент, была честность. С тех пор я стал звать их смеющимися глазами, потому что когда она счастлива, искорки в её глазах делают её чувства такими очевидными.

Ростом она была около пяти футов и трёх дюймов, со светло-каштановыми волосами, отличной фигурой — одной внешности достаточно, чтобы вызвать влечение у любого мужчины.

Где-то глубоко внутри себя я почему-то почувствовал, что женюсь на ней. Тотчас я попытался прогнать это чувство, но оно оставалось со мной в течение недели. Потом, после следующего урока я подошёл к ней и пригласил на чашку кофе, и всё остальное — уже в прошлом.

Я мог бы с лёгкостью написать книгу о наших взаимоотношениях, и о том, как они развивались, но не это главная цель этой книги, как вы скоро увидите. Что вам надо понять в данное время, — это то, что мы влюбились настолько, насколько только это возможно простым смертным. Вспомните ваш любимый рассказ о любви и умножьте эмоции на десять — и это были мы. Впервые в жизни я почувствовал, что реализовался, почувствовал себя уверенно. Казалось, ничего не могло пойти не так.

До того рокового дня...

Я очень чётко помню этот день. Я находился в гостиной, читая книгу, а Элизабет готовила нам вечернюю чашку кофе. Настал момент, когда она спускалась по лестнице, неся мне мою чашку, в точности так же, как делала каждый вечер.

Но на этот раз она упала с лестницы, ударившись до полубессознательного состояния.

Я подбежал к ней, держа её, пока она приходила в себя, и поднял её.

— Я не могу встать, — сказала она.

— Конечно, ты можешь, дорогая. Ты упала и сильно ушиблась. Просто отдохни минутку.

Она немного передохнула, но всё же не могла стоять.

Я помчался с ней в пункт неотложной помощи. Врач сказал мне, что им надо сделать некоторые анализы.

В конечном счёте, после трёх недель тестов мы обнаружили проблему. У неё был рассеянный склероз. У меня сжалось сердце, когда я спрашивал врача, насколько это было серьёзно, и сколько ей осталось жить.

— У разных людей по-разному, — сказал он. — Некоторые уходят быстро, другие держатся годами. Должен предупредить вас, однако, что, по-моему, болезнь у вашей жены прогрессирует быстро. Я полагаю, ей осталось жить где-то около года или двух. Хотя, как знать? Она может протянуть десять лет или больше, но вы должны подготовиться к худшему.

Сейчас она даже ходить не может. Возможно, силы могут частично вернуться к ней, но потом она их, вероятно, опять потеряет. Это вроде движения на шаг вперёд и на два шага назад. Рано или поздно болезнь одолевает тебя.

Сейчас у неё проблема с ногами, но дальше будет с другими частями тела. Ближе к концу она, вероятно, потеряет зрение и даже способность говорить и самостоятельно питаться. Надеюсь, вы её сильно любите, потому что она станет очень зависимой от вас.

— Я буду рядом с ней, — сказал я со слезами на глазах. — Мы сделаем всё, чего бы это ни стоило. Как-нибудь мы победим её.

— Просто будьте готовы смириться с этим. Не ожидайте слишком многого. Это может подорвать веру в ваши силы у вас обоих. Просто будьте благодарны, что у вас осталось год или два побыть вместе. Многие люди, с которыми я имел дело, и у которых внезапно забирали любимых, желали бы иметь всего пять минут на прощание с ними. У вас есть время на долгое, полное любви, прощание. Я бы посоветовал как можно лучше им воспользоваться.

— Я признателен за совет, доктор, но не отбирайте у нас надежду. Должен же существовать способ победить это.

— Я понимаю ваши чувства, — сказал он терпеливо, — но мой опыт подсказывает, что я должен делать всё, что могу, для того, чтобы подготовить вас к реальному миру.

— Я понимаю вас, — сказал я, — но я отказываюсь оставить надежду, каковы бы ни были шансы. Я всегда верил, что всё возможно.

— Чем могу, помогу, — тихо сказал врач.

Следующий год был весьма обескураживающим. Доктор оказался совершенно прав. Элизабет стало лучше на один шаг и хуже на два шага.

К ней отчасти вернулись сила в ногах, но позже она потеряла всю силу в ногах плюс частично и зрение. В течение этого года мы пробовали каждое лекарство, каждый продукт лечебного питания, каждое лекарственное растение, которые давали хоть какой-то шанс помочь, но, казалось, её здоровье не зависело ни от чего, что мы пробовали. В конце концов она достигла той точки, когда оказалась прикованной к креслу-каталке и едва могла самостоятельно кушать из-за своих трясущихся конечностей. К счастью, она ещё обладала умственными способностями, но врач предупредил меня, что в дальнейшем и они могли пропасть. В это время он сказал мне, что, похоже, её состояние ухудшалось, и она могла уйти весьма быстро. Она могла умереть через шесть месяцев или, быть может, протянуть несколько лет.

Однажды ночью, когда мы лежали вместе в постели, и я держал её в объятиях, я думал о годах, которые мы провели вместе. Я мысленно представил её полной сил — такой, какой она была, когда мы впервые познакомились, и такой, какой она была сейчас. Мне стало очень тоскливо. Почему такое должно было случиться с самой удивительной женщиной, которую я когда-либо встречал?

Пока я размышлял над этой ситуацией, я произнёс молитву из глубины своего сердца:

"Почему Бог даёт чему-то вроде этого случиться с таким замечательным человеком как моя жена? Казалось бы, надо быть серийным убийцей, чтобы заслужить такое наказание, но Элизабет никогда никого не обижала. Может быть, что-то очень малозначительное, но ничего, чтобы заслужить такую боль. Если это наказание, то оно кажется несправедливым и несоразмерным.

Даже священнослужители в наши дни говорят, что жизнь несправедлива. Если Ты воистину Бог, тогда одним из Твоих главных качеств должно быть справедливость и законность. Где справедливость и законность в этой ситуации? Я прошу не за себя, а за женщину, которую люблю. Несомненно, где-то, как-то, какой-то ответ существует".

Такого рода в основе своей была молитва, которую я произносил в мыслях от сердца по нескольку раз в день с тех пор, как заболела Элизабет. Однако, в этот вечер я произнёс её с колоссальным напряжением чувств и, плача от своих мыслей, уснул.

В ту ночь я впал в очень крепкий, глубокий и притом спокойный сон. Потом утром произошло кое-что весьма неожиданное. Я был в той точке, когда находишься между сном и бодрствованием. Я знаю, уже бывало несколько раз, когда я находился в этом состоянии и не был уверен, вижу ли сон или нет. Это был один из таких моментов.

На этот раз я первый раз услышал звон колокольчиков — нежный, проникающий, знакомый, мягкий и при этом очень натуральный.

В тот момент, когда я слышал его, я был уверен, что слышал настоящие колокольчики, звенящие, может быть, где-то за окном моей спальни, но потом я пробудился, поднялся в кровати, и звук исчез. Я не был уверен, действительно ли слышал их, или мне снилось. Тогда я опять улёгся спать и снова услышал колокольчики. Я проснулся, и звук опять затих. Потом этот процесс повторился в третий раз.

От одного приключения вроде этого я бы отмахнулся, пожав плечами, но трёхкратное повторение заставило меня подумать, что в этом был какой-то смысл.

Потом на следующее утро я вновь услышал колокольчики.

И на следующее утро снова.

Наконец я почувствовал, что должен упомянуть об этом Элизабет. Я поведал ей историю, и она сказала:

— Единственное, что я могу предположить, — это своеобразное послание или знак, предназначенный лишь тебе. Все три прошедшие ночи я спала рядом с тобой и не слышала никаких колокольчиков.

— Но если это некоторого рода послание, предназначенное лишь для меня, то какая от него польза? Я много думал об этом и не вижу никакого скрытого смысла в звоне колокольчиков.

— Ты в реальной жизни слышал колокольчики, которые по звуку были как-то похожи на эти?

— Ну, они звучали вроде рождественских колокольчиков и казались очень знакомыми. До Рождества осталось всего несколько недель. К нему это может это иметь отношение?

— Кто знает, — пожала плечами она, — может, ты просто слишком много думаешь о Рождестве. Как насчёт того, чтобы отвлечь свои мысли от колокольчиков, сходя в бакалею за покупками для меня? Возьми карандаш, и я дам тебе перечень.

Глава 2

Тайна колокольчиков

С тех пор, как заболела Элизабет, я делал большинство покупок для нас и, должен признаться, в этом здорово поднаторел. Я вырезал купоны, следил за распродажами, сравнивал торговые марки магазинов с национальными и делал многое другое. Я дошёл до того, что в какой-то мере стал получать удовольствие от шопинга и, вероятно, по-прежнему делал бы большую часть покупок, если бы Элизабет выздоровела.

Когда я подъехал к супермаркету "Альбертсонс" на 16-й улице и улице Штата в нашем славном городе Бойсе штата Айдахо, то в первый раз заметил, что были развешены рождественские украшения и продавались рождественские ёлки. Я не был уверен, были ли украшения только что повешены, или я в первый раз их заметил. Казалось, что Благодарение только что закончилось, и было слишком рано даже думать о Рождестве. Я почувствовал себя слегка как Скрудж, когда вылез из машины, думая о всех этих подарках, которые я должен купить, по сравнению с теми немногими, которые я получу. Помню, как входя в здание, думал, что было бы намного лучше, если бы Рождество наступало раз в пять лет...

Затем, когда я открыл дверь, все мысли покинули меня... Я услышал колокольчики! Это были те же самые колокольчики, которые я слышал в своём квази-сне, но на этот раз я был уверен, что бодрствовал, и колокольчики были взаправдашними. Я попятился назад за дверь и обернулся. К своему удивлению я увидел звонаря от Армии Спасения!

Меня поразило, что я не связал колокольчики, которые слышал во сне, с теми, что бывают у звонарей. Почему-то я не помню, чтобы они звучали так, как колокольчики передо мной. Звучание этих колокольчиков казалось таким чистым, благозвучным и почти что священным. Может быть, я просто никогда раньше их не слышал.

Звонарь был приятной наружности пожилым мужчиной лет около шестидесяти, гладко выбритым, с тёмными волосами и просто одетым. Некоторые из звонарей выглядят так, будто их взяли из приюта для бездомных, но этот такого впечатления не производил. До топ-менеджера по облику ему было очень далеко, но вместе с тем складывалось впечатление, что опустившимся нищим он никогда не станет. Если бы мне надо было угадать его профессию по его облику, я бы предположил, что он — учитель высшей школы или, может, даже торговец недвижимостью, как и я сам.

Я смотрел в его направлении около тридцати секунд, после чего он поймал мой взгляд и сказал:

— С Рождеством!

— С Рождеством, — сказал я, в полном смятении отступая обратно в магазин.

Пока я шёл по списку покупок моей жены, я пытался во всём этом найти смысл.

Я слышал колокольчики во время пробуждения три дня подряд и теперь я слышал эти же самые колокольчики в исполнении звонаря Армии Спасения в продуктовом магазине. В тот момент, когда я слышал колокольчики, я думал о Рождестве, как Скрудж. Может быть, мне давали какой-то сверхъестественный урок, как в кино. Возможно, мне говорили, что мне следует жертвовать бедным.

В финансовом отношении я и сам чувствовал себя одним из бедных, поскольку влез в крупные долги, и из-за болезни Элизабет у меня не было лишних денег. Тем не менее, может быть, мне полагалось отвлечься от собственных забот и подумать о других, у кого есть проблемы.

К тому времени, когда я закончил покупки, я решил дать звонарю пожертвование по пути к выходу. Ничего особенного, но, может, это было как раз тем, что мне полагалось сделать.

Когда я проходил мимо ведёрка, то бросил туда пятидолларовую купюру. Звонарь посмотрел мне в глаза и сказал:

— Спасибо. Счастливого Рождества.

В его взгляде было что-то, что меня встревожило. Кажется, у него были большие глаза с большими зрачками, и вид его утвердил меня в мысли, что он был учителем. Что-то в его облике заставило меня подумать, что он знал что-то такое, чего не знал я. Никогда я не испытывал такого чувства по отношению к незнакомцу, но именно такое чувство и вызывал этот человек.

Я сел в машину, поехал домой и проехал мимо ещё одного магазина, в котором оказался звонарь. Я опять припарковался, пошёл к колокольчикам и встал напротив того человека. Эти колокольчики звучали похоже, но не в точности так же, как у первого звонаря, и не так, как во сне.

Это возбудило моё любопытство, так что в течение следующей пары часов я исколесил весь город и посетил каждого звонаря, которого только смог найти. Каждый из них звучал подобно второму звонарю. Только первый звонарь издавал звук, который, как помню, я слышал во сне. Потом я подумал, а не играет ли шутки со мной мой рассудок. Может, я просто придумал, что первые колокольчики были какими же, как те во сне.

Элизабет была расстроена тем, что я так надолго отлучился за покупками, и волновалась за меня. Она быстро успокоилась, когда я рассказал ей, что произошло. Я закончил так:

— Может, это просто в моём воображении первый звонарь звучал так же, как те колокольчики в момент пробуждения.

— А может и нет, — сказала она. — Может, это своего рода знак. Может, тебе просто надлежало помнить о духе Рождества и дать то, что ты мог себе позволить, и это всё.

— Возможно, — сказал я, не будучи уверен, что она права.

Я чувствовал себя неустроенно по поводу любого из объяснений, которые мы могли бы дать этим колокольчикам. На следующее утро, когда, лёжа между бодрствованием и сном, я снова услышал колокольчики, меня ещё больше выбило из колеи. На этот раз их звук отдавался в течение нескольких секунд после того, как я полностью проснулся. Теперь я знал, что колокольчики не были плодом моего воображения. Я знал также, что послание колокольчиков оставалось нерешённым вопросом.

После того как я поделился этим с Элизабет, она сказала:ё

— Твоя догадка, что твой дух должен быть более жертвенным, может и верна. Прошлый раз ты дал пять долларов. Это вероятно всё, что мы пожертвовали бедным за год. Подумай об этом. Это не большое пожертвование. Я знаю, у нас не много денег, но мы можем сделать большее.

— Ты права, — сказал я. — На этот раз я подам пятьдесят долларов. Это, пожалуй, всё, что мы можем позволить, но мы можем дать столько.

Я вновь отправился в "Альбертсонс" на 16-й улице и опять подошёл к звонарю. Опять я услышал прекрасный звук. Определённо, это был тот самый звук, который я слышал во время пробуждения. Когда я начал ощущать его красоту, то почувствовал, как всё моё тело и душа стали резонировать с вибрацией колокольчиков. Каким-то образом они заставили меня почувствовать себя цельным, спокойным, сильным, родственным... Трудно нарисовать картину, но эффект был несомненным и сильным. Я положил две двадцатки и одну десятку в банку, посмотрел на звонаря и сказал:

— Счастливого Рождества.

— Очень признателен за ваш дар, — сказал звонарь.

Я пошёл назад, на несколько секунд уловив взгляд звонаря, перед тем как мы потеряли друг друга из виду. Я опять чувствовал себя неустроенно, когда ехал домой.

Придя домой, я сказал Элизабет:

— Дать пятьдесят долларов было хорошее дело, но я не думаю, что это ответ. Мы можем допустить, что ответ никак не связан с колокольчиками, Рождеством, духом жертвования, а с чем-то ещё?

— Что ещё это может быть? — спросила она.

— Может, это имеет отношение к тому человеку — звонарю?

— Ты сказал, что почувствовал, что он не такой?

— Да. Он был не такой... Может, он что-то знает?

— Если ты опять услышишь колокольчики, то, возможно, тебе следует его прощупать, — сказала она.

Глава 3

Звонарь

На следующее утро я вновь услышал колокольчики. Они продолжали звенеть в течение нескольких минут после того, как я полностью проснулся. На этот раз я решил, что должен поговорить с самим звонарём. Я чувствовал, что, возможно, неким образом у него мог быть ключ к этой тайне.

Я опять поехал к "Альбертсонс", и вот он стоял, исправно звоня в свой колокольчик. Я нервничал по поводу того, как подойти к нему, но заставил себя двинуться вперёд.

Я положил пару долларов в банку и смог произнести:

— Как идут дела сегодня?

— Прекрасно, — ответил он.

— Кто-нибудь отмечал, что звук вашего колокольчика кажется не таким, как у других звонарей в городе?

— Несколько человек заметили, — он улыбнулся с заметным удовольствием в глазах. — Причина, что мой колокольчик звучит по-другому, в том, что у меня свой собственный колокольчик.

— Я не знал, что у кого-то из звонарей есть собственные колокольчики.

— Я пользовался этим колокольчиком очень долго. Вот. Посмотрите, — он вложил его мне в руку.

Он был тёплый на ощупь, почти что вызывал пощипывание.

— Похоже, что на его поверхности какие-то древние выгравированные вручную иероглифы.

Я присмотрелся.

— Вот этот интересный. Выглядит вроде кругов на полях, оставленных инопланетянами, которые, помню, видел недавно. Вы знаете, что они означают?

— Значения наслаиваются и интерпретируются по уровням. Я понимаю несколько уровней, — сказал он.

После того как он произнёс это, я почувствовал, что мои подозрения были верными, что-то скрытое было в этом человеке. Я легонько позвонил в колокольчик у себя над ухом.

— У него самый прекрасный звук, который я когда-либо слышал, — сказал я.

— Да, — сказал мужчина, улыбаясь, — он действительно помогает с пожертвованиями. Только благодаря этому прекрасному звуку эта точка приносит в три с лишним раза больше, чем любая другая в городе.

— Интересно, — сказал я. — Кто-нибудь говорил вам, что слышал ваш колокольчик во сне?

Человек, казалось, был заметно потрясён:

— Давно никто не говорил, — сказал он. — А почему вы спрашиваете об этом?

Я рассказал ему о своём приключении с колокольчиками.

Он улыбнулся и сказал:

— Тогда вы тот, кого я ждал.

Я уставился на него широко открытыми глазами.

— Вы ждали меня? Почему? Это слишком странно, чтобы быть правдой.

— Если вы думаете сейчас, что это странно, просто подождите немного. Как вас звать, мой старый друг?

— Что вы имеете в виду под "старый друг"?

— Я объясню позже, когда вы будете готовы. А сейчас скажите мне своё имя.

Я прикинул: что плохого с того, если я скажу ему.

— Моё имя Дж. Дж. Дьюи. Друзья зовут меня Джо.

— Так первое "Дж" — это от "Джо" или "Джозеф"?

— В моём свидетельстве о рождении — Джозеф, но, как вы знаете, все Джозефы называют себя "Джо". "Джозеф" кажется немного религиозным. Пожалуй, единственный человек, который когда-либо звал меня так — это моя жена.

— Хорошо, что вы не религиозны. Тем не менее, Джозеф — это прекрасное и древнее имя. Знаете, что оно означает?

— Я, помнится, читал где-то, что оно означает "добавленный" или "причисленный".

— Тот, кто предложил это, по-настоящему иврит не понимал. В древние времена, когда отец называл своего сына Иосифом, он делал это с пониманием того, что у его сына будет громадный прирост, то есть, всё, что есть в нём хорошего, будет усилено и, в конце концов, породит изобилие всего, что даёт земля. Библейский Иосиф, которого продали в Египет, был идеальным примером тому. Он возростал в знании, добродетели и в конце концов стал самым богатым человеком на Земле.

— Неплохая, похоже, судьба, — сказал я. Этот человек был необычно осведомлённым для звонаря.

— Ваш второй инициал "Дж". Это сокращение чего?

— Джон, — сказал я.

— Как уместно! Это также и моё имя. Вы знаете, что означает это имя?

— Не думаю.

— Это имя происходит от еврейского Иовчанан. Любой словарь, дающий определение этому слову, упускает его полное значение. По сути, оно подразумевает, что человек с этим именем привлечёт внимание Бога в такой степени, что Бог будет относиться к нему по-дружески, как к себе равному. Некоторые говорят, оно означает "кому Бог благоволит", но значение более похоже на "друг Бога".

— Так сказали бы вы, что апостол Иоанн является тому отличным примером, поскольку его звали "возлюбленным" Иисуса или, может быть, Его лучшим другом? — спросил я.

Глаза Джона расширились от удивления, и он улыбнулся:

— Не думаю, что назвал бы его прекрасным примером.

Я задумался над тем, что он сказал. Замечание показалось мне весьма странным. "Конечно, Иоанн Возлюбленный был прекрасным примером", — подумал я.

Он опять переключил моё внимание на свой колокольчик.

— Видите вот этот символ здесь? — сказал он, взяв колокольчик.

Я посмотрел и ответил:

— Вы имеете в виду эти два переплетённых кольца?

— Да.

— У одного точка в середине, — отметил я.

— Это моё имя, — сказал Джон.

— Так этот символ означает "Джон"?

— И да, и нет, — сказал он. — Он идентифицирует меня, и я — Джон, но он не обязательно означает "Джон".

— Кажется, вы говорите загадками, — сказал я.

— Все учителя время от времени делают это, — сказал он, улыбаясь. — Я правильно расслышал, что ваша фамилия Дьюи?

— Да.

— Вы знаете, что она означает?

— Не уверен.

— Средневековые валлийцы переделали имя Давид или, по-гречески, Дабид, на что-то вроде Дави и в конечном счёте на Дьюи. Ты знаешь значение "Давид", мой старый друг?

Я опять удивился, почему он продолжал звать меня старым другом, но меня слишком заинтересовали имена, чтобы отвлекаться.

— Я вроде помню, что когда-то в воскресной школе узнал, что оно означает "возлюбленный".

— В этом случае общепринятое значение близко к сути. Оно значит "возлюбленный" или в смысле члена семьи, или близкого друга. Библейского царя Давида называли "человеком по сердцу самому Богу", и Бог проявлял милосердие к Давиду и его слабостям, как отец к своему собственному сыну.

— Откуда вы всё это знаете? Создаётся почти что такое впечатление, что вы знаете это по личному опыту.

Этот человек поистине возбуждал моё любопытство.

— Сейчас это не имеет значения, — ответил он. — Суть в том, что ты благословлён тремя имеющими глубокий смысл древними именами, которые помогут тебе выполнить свою миссию.

— Миссию? — ошарашенный, спросил я. На этом я ушёл бы, если бы этот человек не был таким пленительным.

— Твоё полное имя сильно значением. Сложенное вместе, оно значит что-то вроде: "Желания твоего сердца будут усилены и выполнены за счёт привлечения внимания Бога или его слуг". Если ты будешь пользоваться своей способностью к приумножению во благо, ты войдёшь в царствие Божье и станешь частью семьи Бога.

— Хорошо, что я раньше не знал значения своего имени, а то, может быть, заважничал бы.

— Ты далеко не единственный, в имени которого заключён прекрасный смысл. Почти все имена включают в себе много красоты и смысла. Печально, что древняя наука об именах и силе их смысла утрачена для мира. Но эта потеря временная. Человечество скоро вновь узнает могущество имён.

Я пристальнее изучил этого мудрого человека.

— Вы не просто звонарь, не так ли? Кто вы на самом деле?

Джон вздохнул, на мгновение посмотрел в небо, а потом на меня.

— Полагаю, пора рассказать кому-нибудь, но я могу рассказать тебе, только если ты слышал колокольчики, пробуждаясь ото сна. Ты ведь действительно слышал их, не правда ли?

— Да, я слышал их громко и отчётливо.

Джон на несколько секунд закрыл глаза, будто читал страницу из книги внутри своей головы, Он открыл их и сказал:

— Да. Ты в самом деле слышал их. Я не сомневаюсь в тебе. Это великий день. Не хочешь чашечку кофе в "Денни", когда я закончу свою смену? Осталось всего несколько минут.

Я не знал, был ли этот тип взаправду или нет. "Вероятно, нет", — подумал я, но, как я говорил, я очень любознательный человек. Я ответил:

— Не пойму, почему я нахожу ваши слова столь пленительными. Да, мне хотелось бы поговорить ещё...

Глава 4

Первое Причастие

Для меня показалось странным получать величайший духовный опыт в своей жизни за чашкой кофе в "Денни", но именно там это и произошло.

После того как мы получили кофе и обменялись любезностями о рождественском сезоне, я должен был продемонстрировать свою пытливость.

— У меня полно вопросов. Я хочу знать значение колокольчиков, кто вы, и что вы имели в виду под "миссией"?

— По одному, — улыбнулся он. — Что ты хочешь узнать в первую очередь?

— Вы знаете, почему я слышал колокольчики?

— Колокольчики были настроены на твои вибрации, и я вызывал тебя. Духовный закон таков, что я не мог прийти к тебе, а ты должен был отозваться и подойти ко мне. Ты услышал колокольчики и пришёл ко мне, как я и предвидел. Это всё, что я скажу тебе сейчас.

— Хорошо, я возьму любой лакомый кусочек, который смогу получить прямо сейчас. Можете мне сказать, кто вы? Очевидно, вы больше, чем звонарь, и, я думаю, больше, чем обычный человек...

— Если я просто возьму и выдам тебе ответ, ты мне не поверишь, — сказал он. — Подними вверх кисть правой руки, и пусть кончики твоих пальцев коснутся моих.

Делать это мне показалось какой-то дикостью. Я осмотрелся и увидел, что мы неплохо уединились в уголке, и подумал: "Ну и чёрт с ним", и приложил кончики своих пальцев к его.

— Теперь, не отрываясь, смотри мне в глаза, — сказал он.

Было странным делать это, но всё в этом человеке и события, приведшие к нашей встрече, казались странными, так что я подумал, что мне нечего терять, и смотрел ему в глаза, пока мы соприкасались кончиками пальцев. Поначалу, похоже, ничего не происходило.

— Продолжай смотреть, — сказал он, — и освободи свою голову от всех мыслей.

Содействуя ему, я почувствовал, что мой разум поплыл. Я подумал, что у нас происходило вулканское слияние умов, так как я ощутил слияние наших двух душ каким-то труднообъяснимым способом.

Он отстранил свои пальцы и спросил:

— Ну теперь скажи мне... Кто я?

Я обалдело отпрянул и воскликнул:

— Я знаю, кто вы. Вы — Джон!

Он улыбнулся и сказал:

— Ты с самого начала знал, что меня зовут Джон.

— Но вы не просто какой-то Джон. Вы — *тот Джон!*

— И что это за тот Джон?

— Вы — Иоанн, рыбак, сын Зеведеев, апостол... Возлюбленный... Откуда я это знаю?

— Я перевёл тебе часть своих воспоминаний. Ты веришь им?

— Вы правы. Если бы вы мне сказали сразу, я наверное подумал бы, что вы — ненормальный, но, видя ваши воспоминания, трудно отрицать. Часть меня верит тому, что я получил, но другая часть говорит, что это невозможно. Моему разуму нужно разобраться в этом. Мне нужно задать ещё пару вопросов.

— Спрашивай.

— Со дней апостолов прошло две тысячи лет. Значит, вы сейчас либо ангел, посланный обратно на Землю, либо воскресшее существо... Или, может быть, всё это мне просто снится.

— Это ни одно из названного, — сказал он.

— Но что же ещё это может быть? — спросил я.

— Есть ещё одна возможность, которую ты упустил. Намёк даётся в Библии.

Тут он полез в сумку, которую носил с собой, и вытащил Библию, очень старую на вид. Он нашёл отрывок, указал на него и сказал:

— Вот. Читай это... Строфы двадцать два и двадцать три в двадцать первой главе "От Иоанна".

Я взял Библию и посмотрел на неё. Шрифт был очень старинный. Она казалась переводом короля Джеймса, но шрифт был старо-романского стиля.

— Я полагаю, это самая первая печатная Библия короля Джеймса, — сказал я полусуто.

Он бросил на меня быстрый, довольно серьёзный взгляд и сказал:

— Не совсем. Первое издание было громоздким и неудобным для ношения с собой. Это более позднее, но всё же очень старое издание.

— Конечно, — сказал я, потешаясь про себя, — так какие строфы вы хотели, чтобы я прочитал?

— Двадцать вторую и двадцать третью. Имей в виду, что Иисус и Пётр говорили об апостоле Иоанне, который, как ты теперь помнишь, это я.

Я сделал паузу и прочитал эти строфы: "Пётр, увидев его (Иоанна), говорит Иисусу: "Господи, а что этот человек сделает?" Иисус говорит ему: "Если я хочу, чтобы он пребыл, пока я приду, что тебе до того? Ты следуй за мной". И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрёт; однако, Иисус не сказал: "Он не умрёт", но: "Если я захочу, чтобы он пребыл, пока я приду, что тебе до того?"

— Я помню этот библейский текст, — сказал я. — Он очень таинственный. Кажется, что он оставляет нерешённым вопрос, умрёт Иоанн или нет. Помню, я читал несколько легенд о том, что его сварили в масле, а он всё-таки выжил.

— Это не легенда. Меня кипятили в масле. Вдобавок к этому я был распят, меня пытали, закалывали, вешали и расстреливали несколько раз.

— Что же, вы прошли через всё это и никогда не умирали? — поражённый, спросил я.

— Обрати внимание на точную формулировку в священном писании. Она указывает, что воля Иисуса — чтобы я пребыл, пока он не придёт опять, тем не менее, он не сказал, что я не умру. Я умирал несколько раз, но был вновь оживлён и исцелён Богом... что-то вроде случая с Лазарем, за исключением того, что когда меня оживляли, я мог выбирать свой возраст, в котором буду воскрешён. Обычно я выбираю лет двадцать с небольшим.

— Но сейчас вам на вид около шестидесяти. Это тот возраст, который вы выбрали на этот раз?

— Нет, мой друг. Последний раз, когда я умер, меня оживили так, что я выглядел примерно на двадцать один. Это было тогда в 1944 году. С того времени я старел, как обычно. Возраст моего тела в настоящее время около семидесяти одного года.

— Вы хорошо выглядите для семидесяти одного, — заметил я с улыбкой.

— Я научился заботиться в разумных пределах о своём теле и научился преодолевать болезни. Я не болел уже около 1500 лет, и даже тогда я был неосторожен и был отравлен врагом, так что не болел по обычным причинам.

— Итак, как вы умерли в 1944 году?

— Был повешен на рояльной струне своенравным братом.

— Наверняка он был своенравным, это уж точно. Кто был этот человек?

— Адольф Гитлер.

— Гитлер! — воскликнул я.

Через несколько мгновений, пока я вбирал в себя этот миг, я спросил:

— Так вы были в концентрационном лагере или что-то вроде этого?

— Нет, — он на секунду остановился и продолжал. — Я жил среди немцев и помогал в попытке низложить нацистов изнутри.

Мои глаза расширились.

— Я помню, читал о мятеже против Гитлера, который возглавил одноглазый человек с тремя пальцами.

— Этот человек был Клаус Шенк фон Штауфенберг, который предпринял очень смелую попытку отстранить Гитлера от власти. Там я работал с небольшой группой конспираторов и воодушевлял их, но не всё, что делает ученик, достигает цели. После провала попытки Штауфенберга убить Гитлера, все, от кого даже пахло неприязню к Гитлеру, были убиты. Я не мог бежать и был одним из тех, на кого устроили облаву, и был повешен на рояльной проволоке, потому что они не могли найти обычной верёвки.

— А вы испытываете боль, когда вас убивают?

— Когда я получаю телесные повреждения, я чувствую то же, что чувствовал бы и любой другой человек, но я научился нейтрализовывать дискомфорт, отключаясь от него.

— Что же, когда вы умираете, и вас оживляют, вы сохраняете полную память о своём прошлом?

— Когда меня оживляют, я теряю уйму своих воспоминаний, но потом, посредством глубокого созерцательного размышления я научился возвращать себе наиболее важные. В этом, если угодно, заключается моё преимущество перед другими. У меня память, которая восходит к 2000 лет назад. Если бы мне пришлось писать рассказ о всей своей жизни, он занял бы много томов.

— И что вы делали за прошедшие пятьдесят лет?

— Это долгая история, но я дам тебе скелетный набросок. После того как меня оживили, я увидел, что следующей главной угрозой был Советский Союз, и я провёл большую часть своего времени там. Однако, мне не разрешается быть главным игроком. Моя миссия — это работать, вдохновлять и учить тех людей, которые могут изменить мир в положительную сторону. Таким образом, в России я работал с теми, кто стремился к свободе и демократии, и воодушевлял их на движение вперёд. Христос сказал мне, что моя работа помогла подготовить падение коммунизма и Берлинской стены.

Я также путешествовал в Китай и работал с Христом, чтобы воодушевить студентов на площади Тяньаньмэнь, но, как я тебе говорил, не всё, что я делаю, немедленно достигает цели.

Сейчас мы живём во время великих возможностей. Власть и тирания, которые правили коммунизмом в Советском Союзе, по существу пришли к концу. У нас всё ещё есть Китай и страны третьего мира, ядерное оружие которых будет предметом беспокойства, но я увидел окно возможности, когда я могу сделать перерыв и предложить миру некоторые чисто духовные учения. Я предвкушал это на протяжении нескольких жизней. Я только надеюсь, что ты готов к тому, что я должен дать тебе, мой друг.

— Я всегда интересовался философией, — сказал я, — и духовной стороной жизни. Если вы хотите учить меня, то я — губка, готовая впитывать. Однако, одно мне любопытно. Почему вы выбрали меня?

— Христос выбрал тебя. Он настроил мой колокольчик на твои вибрации и отправил меня в Бойсе, чтобы послать тебе вызов.

— Вызов?

— Да. Перед тем, как свершается любая великая работа, вначале должен быть отклик, при свободе воли, на какой-либо духовный вызов. Ты должен был дать ответ по свободной воле на колокольчики, которые ты слышал, и разыскивать меня, как я разыскивал тебя. Ученик должен встретиться с Учителем на полпути.

— Эта миссия, которая есть у вас для меня... Что, она тоже основывается на моей свободной воле?

— Конечно. Ты можешь её принять или отвергнуть. Немногие ученики, однако, отказываются от миссии учительства. Зато проблема в том, что большинство из них запарывают свои миссии тем, что стремятся к собственной славе, вместо того чтобы передавать её по цепочке, связывающей нас с Единым Богом.

— И что это за цепочка такая?

— Всякий раз, когда истинное знание приходит на Землю, оно приходит через цепочку душ, которые связаны с Единой Великой Жизнью. Если ты примешь миссию, ты будешь связан со мной, я связан с Христом, а Христос связан с сущностью, которую он называл *Отцом* в Новом Завете. Отец связан с Богом таким единством, что Он — одно с Богом, и Он является Богом во всех отношениях, насколько это может осознать средний человек. Все связи выше Отца Вечного настолько далеко за нашими пределами, что среднему человеку бесполезно о них думать.

— Вы имеете в виду, что есть жизни выше Иисуса и Отца Иисуса?

— Немного пользы будет, если вдаваться в подробности об этом сейчас, так как это кое-кого обидит, так как правда всегда задевает. Меня убивали много раз просто потому, что на меня смотрели, как на еретика.

Джон продолжал:

— Я скажу тебе такую вещь. Представь себе сознание одной лишь клетки в твоём теле. Теперь представь себе сознание всех твоих клеток, собранных вместе, которое является твоим собственным сознанием. Разрыв в сознательности между тобой и клеткой столь велик, что общение на индивидуальной основе нецелесообразно. Тем не менее, если у тебя проблема с ногой, которая состоит из миллиардов клеток, ты уделишь внимание её лечению и в ходе этого принесёшь пользу не только ноге в целом, но также и миллиардам индивидуальных клеток в ней.

Единый Бог управляет огромной вселенной, и как раз сейчас этот сектор и является ногой, которая болит. Ты и я — клетки, которые работают сообща со многими другими клетками, чтобы исцелить ногу. Это всё, что я скажу тебе об этом в данный момент. Нам надо плотно заняться твоей миссией, так как я не уверен, сколько времени пробуду с тобой.

— Почему вы не уверены?

— Если всплывёт на поверхность мировой кризис, меня могут отозвать от тебя.

— Хорошо. Постараюсь вас не отвлекать, — сказал я. Я поразился самому себе, что стал так доверчив, поскольку обычно я весьма скептичен по отношению к бредовым или странным заявлениям. Но причина, по которой я не мог ставить под вопрос правдивость этого человека, заключалась в том, что он казался таким знакомым, как старый друг, и я не мог отрицать те воспоминания, которые он внедрил мне в память. Я должен был спросить:

— В чём состоит моя миссия?

— Первая часть твоей миссии — учить Ключам.

— Что это за Ключи?

— Имеется двенадцать Ключей Знания, двенадцать Ключей Понимания и двенадцать Ключей Вечной Жизни. Мне надо обучить тебя им, и ты будешь учить им других.

— Вы уверены, что нашли подходящего человека? — спросил я. — Я немного преподавал, но я не Моисей.

— Моисей тоже не думал, что был великим учителем, но отлично справился.

— Ну, я бы отказался преподавать что-либо, что мне самому не понятно, — сказал я.

— Это в точности то качество, которое мы ищем в ученике, — сказал он.

— Вот что я вам скажу, — заявил я, — дайте мне какие-нибудь из ваших учений, я обдумаю их, и мы начнём с этого.

— По крайней мере, ты готов начать процесс, — сказал Джон, — но я могу выдавать тебе ключи только по очереди.

— Хорошо, я полагаю, не повредит выучить пару ключей, а затем, если они станут понятны, я мог бы продолжать.

— Логичное умозаключение, — констатировал Джон.

— Итак, когда мы начинаем? — спросил я.

— А что, если сейчас? — сказал Джон.

— Прямо сейчас? Боюсь, я не подготовлен. Мне даже не на чем писать.

— Это не ваш стандартный метод обучения, — сказал он, — никакая бумага тебе не понадобится.

— Что же тогда мне нужно?

— Тебе нужно использовать свою способность понимать так, как никогда ты не использовал её раньше...

В предвкушении, целых долгих пятнадцать секунд я не произнёс ни слова.

Глава 5

Намёки и Первый Ключ

Я собрался с силами и осведомился:

— Итак, как мы будем это делать?

— Если бы я просто сказал тебе ключи, твоё понимание их оказалось бы весьма ограниченным, и ты не оценил бы глубину знаний, которые лежат за ними. Вместо этого мы воспользуемся тем, что называется *интуитивным принципом*. Я дам тебе обрывки информации, или намёки, и ты обдумаешь, куда они тебя ведут, и дашь мне свой интуитивный отклик. Затем я дам тебе больше намёков, до тех пор пока ты не придёшь к пониманию этого принципа. Иногда это понимание приходит постепенно, а иной раз мгновенно, как вспышка света.

— Так вы собираетесь дать мне намёк сейчас?

— Да. Первый намёк тебе — это вопрос: "КТО ИЛИ ЧТО ТЫ?" Или если поставить его в первом лице, ты спросишь: "КТО ИЛИ ЧТО Я?" Всякий раз, когда тебе даётся намёк, тебе разрешается задавать достаточное количество вопросов, чтобы направление намёка уложилось у тебя в голове, разжигая твою интуицию. У тебя есть, что спросить?

— Я, пожалуй, попытаюсь угадать ответ. Он кажется достаточно простым. Я — это человеческое существо.

— Это определение твоего физического присутствия, но термин "человеческое существо" — это просто термин, сотрясающий воздух, ничего не говорящий о том, кто ты есть. Подумай снова. КТО ИЛИ ЧТО ТЫ?

Очевидно, Джон не собирался легко меня отпустить, так что я немного поразмышлял и ответил:

— Если я правильно помню, Священное Писание говорит, что мы якобы являемся сынами Божьими. Это то, что мы есть?

— Это верно, что ты человеческое существо. Ты также и сын Бога, как учит Писание. Но сказать, что ты человек или сын Божий, богоподобный или ангельский, значит немного. Это просто словесные выражения, у большинства из которых мало смысла. Позволь мне снова спросить тебя, КТО ИЛИ ЧТО ТЫ на самом деле?

Поначалу это казалось нетрудным, но я начал понимать, что это может быть сложнее, чем я думал. На некоторое время я задумался, перебирая в памяти все учения, которые мог припомнить, о том, кто я есть, и затем ответил:

— Некоторые говорят, что я дух или душа. Это то, что я есть?

— А что такое дух или душа?

— Ну, наверное, это я без своего тела. Вероятно, то, что продолжается после смерти.

— Если бы я сказал тебе, что ты дух, это говорило бы тебе о том, кто или что ты есть?

— Ну да. Пожалуй.

— Что это тебе говорит?

— Это говорит мне, что я... что я... ну, своего рода духовная сущность...

— Разве ты не усвоил из бейсик-инглиш, что не полагается давать определению слову тем же словом, которому ты даёшь определение? Ты не определяешь "красное", говоря: "Это красное". Ты не определяешь "дух", говоря: "Это дух". Позволь мне повторить. Если я говорю, что ты дух, что это говорит тебе?

Я уже собрался было определить дух, опять используя слово "дух", но поймал себя на этом и на некоторое время задумался.

— Наверное, если я дух, то я не материальный.

Тогда Джон потянулся ко мне и схватил меня за запястье.

— Но я чувствую твоё физическое существо. Так ты действительно дух?

— Ну, я думаю, я физическое существо с духом.

— Давай я кое-что тебе объясню, что ты должен помнить на протяжении этого курса. Я всегда буду говорить с тобой точно. Я не сказал, что у тебя есть дух, а спросил тебя, что бы это значило, если бы ты был духом.

— Наверное, это значило бы, что я не материальный.

— Наконец-то прогресс! — сказал Джон. — Но если ты не материальный, что тогда остаётся?

Я немного подумал.

— Дух, я полагаю.

Джон вздохнул.

— Повторяю снова, а что такое дух?

— Я точно не уверен... Может, жизнь, сущность, вибрация. Это то, чем мы являемся, когда мы не материальны.

— Но если ты дух, то ты им также являешься, когда ты материален. Если ты дух, тогда ты всегда дух. Думаешь, в тебе что-то меняется между тем, когда ты Дух, и когда ты не Дух?

— Думаю, что нет.

— Теперь у тебя есть пища для размышлений. Подумай над этим вопросом в течение следующей недели. Мы встретимся через семь дней и разберём твои соображения, и я дам тебе больше напутствий. Пожалуйста, повтори мне вопрос ещё раз.

— Что такое дух?

— Нет, друг мой. Это последовало за вопросом. Если ты собираешься получить правильный ответ, ты должен размышлять над правильным вопросом. Что это за вопрос?

— Кто я?

— Не совсем. Подумай опять. Какой был вопрос? Вспомни, что я сказал о точности формулировки.

— Он был: "Что такое я?"

— Подумай ещё.

Я вернулся мыслями к началу. Был он: " КТО ИЛИ ЧТО Я?"

— Правильно, мой друг. Теперь обдумывай эту точную формулировку и направление нашей беседы в течение следующей недели. Делай заметки о том, что приходит тебе в голову, независимо от того, сколь неуместными или нелепыми ни показались бы тебе эти мысли. Кроме того, держи эту мысли в голове, пока мы продвигаемся вперёд. Иногда намёки помогут тебе выявить направление, в котором тебе не следует двигаться, или неправильные ответы, так что в конце концов останется только путь истины.

— Интересно, — признательно кивнул я.

— Теперь позволь мне ещё раз спросить. Если бы я сказал тебе, что ты дух, это много сказало бы тебе о том, кто или что ты?

— Думаю, в действительности это не говорит мне многого.

— Ты прав. Даже если утверждение верно, оно очень мало значит для тебя или кого-то другого на твоём нынешнем уровне понимания. Когда ты освоишь и если ты освоишь первый принцип, ты, по крайней мере, получишь наряду с ним какую-то способность понимать.

— Увлекательно.

Я ощущал себя Споком в "Звёздном Пути", наблюдающим за развитой расой пришельцев.

— Время почти истекло. Мне надо идти.

— Джон, у меня есть ещё один вопрос.

— Да...

— Могу я поделиться тем, что узнал, со своей женой?

— Если ты добьёшься успеха, ты будешь делиться своими знаниями со всем миром. Поскольку судьбы мужчины и женщины таковы, чтобы стать единым, тебе следует делиться всем со своей заслуживающей доверия женой. Но больше никому не рассказывай о своих приключениях, пока не наступит подходящее время или пока ты не будешь отрезан от дальнейших учений. Дай-ка мне счёт.

— Кажется странным, чтобы апостол Иоанн покупал мне кофе. Я бы подумал, что кто-либо вашего уровня просто материализует то, что нужно.

— Как мало ты понимаешь правильное использование могущества, мой друг. В мире людском, взаимодействуя с людьми, я должен быть как человек, точно такой же, как ты. Ты узнаешь о силах позже, — он пожал мне руку. — А теперь, до свидания.

— Где и когда я увижу вас вновь?

— Я работаю звонарём семь дней в неделю в супермаркете "Альбертсонс". Меня легко найти. Возвращайся через семь дней, в следующий четверг, и мы продолжим урок.

— Хорошо. Непременно, — сказал я, наблюдая, как он заплатил за кофе и вышел за дверь. Я наполовину ожидал, что моргну и увижу, как, идя по тротуару, он исчезнет, но он не исчез. Он просто выглядел как обычный пожилой человек, прогуливающийся по аллее, пока не пропал из виду.

Глава 6

Начало знания

Объяснив за несколько минут, почему я задержался, я поведал Элизабет подробности своего разговора с Джоном.

— Я не знаю..., — сказала она. — В это весьма трудно поверить. Я думаю, что иногда ты слегка чересчур страстно желаешь верить в некоторые странные вещи, в которые ты лезешь. Я имею в виду — посмотри на это с моей точки зрения. В первый момент этот человек был просто звонарём Армии Спасения, а в следующую минуту он уже заставил тебя поверить, что он — апостол Иоанн со времени Христа. Ты попросил меня никому не рассказывать об этом. Ты не должен беспокоиться об этом. Боюсь, если я расскажу, то они тебя упекут. Тогда некому будет заботиться обо мне в эти мои последние месяцы на этой Земле.

— Я знаю, это звучит безумно, — сказал я, качая головой, — и никоим образом он не смог бы убедить меня за столь короткое время, но когда он положил свою руку рядом с моей и смотрел на меня, было так, как будто он и я — одна личность. На мгновение я увидел его мысли, его непорочность и его воспоминания с дней Иисуса. В этом было что-то неопишимо доподлинное. После передачи мыслей я уверен в том, что он — апостол Иоанн, твёрже, чем в том, что нахожусь здесь в этом доме в данный момент. Звучит, как безумие, но в этом случае ты должна мне поверить.

— Я верю тебе больше, чем кому-либо из тех, кого знаю, но иногда ты делаешь ошибки, и твои суждения не всегда безупречны. Я верю в твою искренность на сто процентов, но ты не непогрешим.

— Но ты ведь знаешь, я никогда тебе не лгал. Я говорю тебе, что Джон поместил свои мысли и некоторые из своих воспоминаний в мой ум ясно, как днём.

— Но меня там не было. Может, он какой-нибудь мастер-гипнотизёр, может, с дьявольскими намерениями.

— Не могу упрекать тебя в том, что сомневаешься. Я бы, вероятно, тоже усомнился, если бы ты пришла домой, рассказывая мне подобную историю.

— Я не говорю, что твой рассказ про Джона не правдивый. Просто я не убеждена. Однако, я скажу, что меня убедило бы.

— Что же?

— Помнишь, в Новом Завете написано, что Иисус дал своим ученикам такую же власть творить чудеса, которые он творил? Если я правильно помню, они проделали некоторые из удивительных исцелений, которые делал и Иисус.

— Ты права. Во мне даже засели кое-какие воспоминания Джона о некоторых великих чудесах, которых даже нет в Библии. У меня есть воспоминания о том, как Иоанн ходил по воде, а в другой раз он словом своим потушил огромный пожар и спас много жизней... Потом опять же он вернул мёртвого друга к жизни, прямо как Иисус Лазаря.

Глаза Элизабет просветлели:

— Итак, у него не должно быть проблем исцелить меня, не правда ли?

— Я знаю, он смог бы. Однако, он говорил о правильном использовании сил так, как будто я не понимал этого. Может, исцелить тебя — это что-то, чего ему по некой причине не разрешено делать. Во время Второй Мировой войны его повесили на рояльной струне, и он не был в состоянии спасти себя.

— Но в других случаях он был в состоянии воспользоваться силой Бога помочь.

— Да. Это правда. Я просто не хочу, чтобы мы обольщались надеждами, но ты права. Может быть, среди нас по земле ходит величайший творец чудес. Может, он не только держит в своих руках ключи от знания, но, возможно, он держит ключи от твоего будущего выздоровления.

— Есть только один способ выяснить. Тебе надо спросить его. Если он меня исцелит, я буду точно знать, что он апостол.

— Хорошо, думаю, от меня не убудет, если я спрошу. Стоит попробовать, но он велел мне прийти через неделю продолжить урок.

— Он сказал, что неделю тебе нельзя с ним разговаривать?

— Нет.

— Раз этот человек пил кофе в "Денни", он вероятно также и ест. Почему бы тебе не повидаться с ним завтра и не пригласить его на ужин? Тогда мы могли бы его спросить.

— Стоит попробовать, — сказал я.

Хорошо, если в эту ночь я проспал хоть пару часов. Ещё никогда я не чувствовал себя так беспокойно в предвкушении.

На следующее утро я совершил небольшую поездку за покупками. Как и следовало ожидать, он был на месте, звоня в свой колокольчик у входа в "Альбертсонс". Когда я подошёл, наши глаза встретились. Он коротко улыбнулся мне отцовской улыбкой.

— Мне пришлось подъехать в магазин за парой вещей, — сказал я. Это в действительности не было ложью. Мне были нужны пара вещей.

Выражение лица Джона стало более серьёзным:

— Я полагаю, тебе приходится делать все покупки, поскольку твоя жена не в состоянии.

— Откуда вы знаете про мою жену?

— Я не только передал тебе некоторые из своих воспоминаний, но и мимоходом схватил несколько твоих. Ты очень любишь свою жену, правда?

— Да. Очень.

— Я был в твоём положении почти две тысячи лет назад. Моя жена смертельно заболела, и мне пришлось наблюдать, как она чахла. Я ничего не мог сделать. Это до сих пор беспокоит меня, даже спустя всё это время.

— Вы имеете в виду, что творили все эти чудеса и не могли исцелить свою собственную жену? — у меня возникло нехорошее предчувствие, что, возможно, он будет не в состоянии помочь Элизабет.

— Да. Через меня Бог исцелил сотни людей, которых я даже не знал, но женщина, которую я любил, оказалась вне моей власти.

— Это звучит почти как Бог жесток, — сказал я с горечью.

— Не совсем, — сказал Джон с пониманием и сочувствием. — Любовь есть всегда, если мы видим общую картину. Вся боль и все болезни существуют, чтобы либо направлять, либо учить нас. Если мы не извлечём из болезни урок, тогда болезнь либо будет продолжаться, либо изменит форму, пока мы не умрём. Хоть моя жена была замечательной женщиной, она также была и упряма. Она не могла принять перемену, необходимую для того, чтобы вылечиться. Я думаю, некоторым образом, я выстрадал больше, чем она.

— Я знаю это чувство, — тихо сказал я.

— Ко многим людям, которых исцелил Иисус и его ученики, опять вернулись болезни, поскольку они не внесли необходимых поправок в свои жизни. Некоторые из этих людей превратились в наших врагов и покушались на нашу жизнь. Другие исцелились навсегда и оставались верными до конца.

Джон сделал паузу и посмотрел на меня с глубокой искренностью:

— Ты пришёл попросить меня исцелить твою жену, не правда ли?

Я был поражён его проникательностью, но затем ответил:

— Да. Это возможно? Считается, что она неизлечима.

— Помни, что говорил Мастер: "Всё возможно".

— Тогда вы это сделаете?

— Я скажу тебе, что смогу сделать, после того как встречу с ней. Я чувствую, что она хочет познакомиться со мной, чтобы узнать, взаправду ли я.

— Она попросила пригласить вас на ужин. Как насчёт сегодня вечером?

— Можешь подъехать за мной сюда в районе шести?

— Подъеду.

В шесть Джон ждал меня. Когда мы сели в машину, я сказал:

— Знаете, у меня к вам миллион вопросов.

— Это хороший знак, — сказал он. — Задавать вопросы — это начало познания.

Ты будешь удивлён количеством людей, которым будет нечего спросить, если даже им явился бы сам Бог.

— Вы шутите! Если есть доступ к источнику знаний, такому, как вы, то, надо полагать, средний человек из кожи вон будет лезть, задавая всевозможные вопросы.

— Многие люди, даже из тех, которые заявляют, что они ищущие или учителя, боятся правды. Когда сталкиваешься лицом к лицу с неоспоримой правдой, тебе надо либо подчиниться ей, либо жить как лицемер. Поскольку люди противятся переменам, они противятся истине. Поэтому у немногих найдётся более двух-трёх вопросов, которые они задали бы, даже если бы знали наверняка, что получают правильные ответы.

— Должно быть, я не средний. У меня, наверное, сотни вопросов!

— Таков порядок вещей. Ты или боишься правды и не хочешь знать больше, чем позволяет тебе твоя зона комфорта, или ты открыт для правды и перемен, и диапазон твоих распросов бесконечен.

— Поскольку это хорошо, что у меня есть вопросы, вы на них ответите?

— Можешь спрашивать всё, что хочешь. Я либо отвечу на твой вопрос, либо нет.

Это просто. Некоторые вещи тебе надлежит открыть самому. Иные скрыты от тебя с конкретной целью. Определённые прочие тайны тебе положено открыть в определённое время и в определённом месте.

— Давай начнём вот с чего. Вы действительно принимаете пищу, не правда ли, раз идёте на ужин?

— Да, — рассмеялся Джон, — каждую омоложенную жизнь я живу как простой смертный. Я так же завишу от пищи, как и ты.

— Вы вегетарианец или вы на специальной диете?

— При идеальных обстоятельствах я был бы вегетарианцем, но сейчас я стараюсь питаться, руководствуясь здравым смыслом. Я делаю всё необходимое, чтобы сохранять своё транспортное средство сильным и энергичным.

— Ваше транспортное средство?

— Да. Я имел а виду своё тело.

— А, хорошо, раз в Библии говорится, что вы были рыбаком, я подумал, что мы подадим вам лосось. Как вы на это смотрите?

— Лосось — это здорово, — улыбнулся он.

Когда мы входили в дом, Элизабет в своём кресле-каталке ждала в столовой.

— Итак, это наверное и есть тот таинственный человек, — её взгляд был дружелюбным, и, тем не менее, скептическим.

Джон пожал её протянутую для знакомства руку и сказал:

— А вы — Элизабет — женщина милосердия, силы и красоты. Я не кажусь вам знакомым?

Элизабет казалась озадаченной:

— Не уверена. Почему вы спрашиваете?

— Когда мы будем разговаривать, вам покажется, что вы меня знаете.

Он посмотрел в сторону кухни.

— Я могу чем-нибудь помочь с приготовлением пищи?

— Вы сможете сделать салат? — спросил я.

— Моя специальность, — гордо сказал он.

— Хорошо. Я займу вас работой, пока буду поджаривать куски лосося.

Глава 7

Вопросы

Пока мы с Джоном готовили ужин, Элизабет сидела в кресле-каталке за обеденным столом. Я почувствовал, что ей неловко от того, что мы составили друг другу компанию, а она была не в состоянии ничем нам помочь. Дело шло к тому, что если ей станет ещё хуже, то понадобится, чтобы кто-нибудь всё время находился с ней. Она по-прежнему настаивала, чтобы я ходил на работу в свои обычные часы, и что она могла заботиться о себе сама, но я начинал тревожиться за неё.

Я посмотрел в её сторону:

— Милая... У тебя есть какие-нибудь вопросы, которые ты хотела бы задать Джону?

— Вы, ребята, давайте, накрывайте на стол, а потом я дам Джону поесть.

Я посмотрел на Джона.

— Вы пьёте вино?

— Немного, время от времени.

— Как насчёт немножко Гевурцтраминера? Это наше любимое для особых случаев.

— У вас хороший вкус.

— Я немного нервничал, предлагая его вам. Как-никак, вашему современнику Иоанну Крестителю не положено было есть ничего, кроме саранчи и мёда.

— Но когда он сидел в тюрьме, он ел всё, что ему давали. Всякая пища, всякие элементы во вселенной хороши и полезны, если принимаются в надлежащем количестве, в подходящих комбинациях, и вредны, когда переходишь грань. Хинин — хороший пример. Его добавляли в ничтожных количествах в напитки в течение многих лет, но он смертелен, если принять его в сколь-нибудь значительном количестве.

Современные исследования показывают, что алкоголь в умеренных количествах оказывает благотворное влияние на сердце. Даже сигареты, если употребляются в небольших дозах, скажем, всего по две-три в неделю, могут благотворно стимулировать системы организма у некоторых людей. Беда с ними в том, что очень немногие обладают самоконтролем, чтобы ограничить употребление их, а также других веществ, к которым возникает привыкание.

— Как насчёт марихуаны? Как она может быть полезной?

— Марихуана, как ты её называешь, это лекарство, и должно назначаться знающим целителем. Её не следует использовать регулярно без совета доктора или духовного учителя. Злоупотребление может привести к отрицательному эффекту ослабления силы воли и задержки правильного использования энергетических центров головы. Чрезмерное злоупотребление может вызвать физические и прочие проблемы.

— Интересно, — сказал я.

Мы с Джоном подали кушанье к столу.

— Похоже, мы скоро будем готовы ужинать. Элизабет говорит, что я делаю лучшие стейки из лосося.

— Выглядят здорово, как во сне у француза, — сказал Джон, улыбаясь. — А лосось очень хорош для диеты Элизабет.

— Разрешите предложить тост, — сказал я, поднимая бокал. — Пусть всегда побеждает истина.

— Отличный тост, — улыбаясь, ответил Джон. — Я не первый раз слышу, как ты его поднимаешь, да и последним этот раз не будет.

Он заметил мой вопросительный взгляд.

— Не проси меня пока объяснить это замечание... Пусть всегда побеждает истина, — сказал он.

Мы с Джоном выпили до дна. Я всегда наполнял бокал Элизабет примерно до половины, чтобы она, со своими дрожащими руками, могла пить. Всё же она пролила пару капель.

— Простите, — сказала она, утираясь салфеткой.

— Не проблема, — сказал Джон. — Разве вы не обещали допросить меня?

— Да, у меня в самом деле есть несколько вопросов.

— Это, может быть, в некотором роде особый случай, — перебил Джон. — Впервые за несколько сот лет я открылся для расспросов при тех обстоятельствах, что знание о моей личности выложено на стол.

Элизабет положила вилку и протёрла рот.

— Итак, вы действительно думаете, что вы Иоанн Возлюбленный? Расскажите мне своими словами, кто вы. Это столь фантастическое заявление, что я хочу выслушать его из ваших уст.

Джон наклонился вперёд и задумчиво посмотрел на Элизабет.

— Термину "Возлюбленный" положил начало один из моих учеников, и по какой-то причине он прилип, и меня стали называть "ученик, которого возлюбил Иисус" в окончательном издании Евангелия от Иоанна. В то время я не чувствовал, что заслужил подобный титул. Тогда во многих отношениях я был до некоторой степени незрелым и не дотягивал до ученика Мастера. Каждый из нас в какой-то мере предал Его. Когда-нибудь я расскажу вам, почему Иисус выбрал меня скитаться по земле до тех пор, пока Он не придёт вновь. Некоторым образом, это была великая честь, и я был многократно вознаграждён, но всё же в других отношениях это было очень трудно.

— Что вы имеете в виду, говоря, что все вы предали Его в какой-то мере? — спросила Элизабет. — Я думала, все вы были святыми мужчинами.

— Иисус был единственным святым человеком среди нас, и даже это не было очевидным, пока не заглянешь вглубь. Ученики были намного зауряднее того, во что хотела бы заставить вас поверить любая церковь. Двенадцать апостолов были не намного более экстраординарными, чем группа торговых агентов на собрании. Одно у нас было общим — это желание познать более глубокие тайны. Нас также притягивала сила, которая была у Иисуса, и мы хотели, чтобы Он поделился ею с нами, но наши мотивы не были всецело чистыми.

В какой-то момент мы позволили нашей зависти обуять нас и обвинили Иисуса в том, что он добивался славы. Мы заявили, что Ему нужно позволить нам творить некоторые из чудес и ставить их нам в заслугу для того, чтобы заставить Его оставаться смиренным. Теперь, по зрелом размышлении, я понимаю, что это нам нужно было быть смиренными. Он просто делал ту работу, которую Он пришёл делать, и она привлекала внимание. В то время нам казалось, что мы заслуживали столько же внимания, сколько и Иисус, и мы хотели получить свою долю.

— Ну, если вы — апостол, и всё это правда, зачем вы рассказываете нам? Полагаю, вы бы держали в секрете всё негативное, что касается вашей истории, — прозаично сказала Элизабет.

— Таковой была наша основная позиция, когда мы пересказывали ученикам евангельскую историю, которая в конце концов была записана в неизменной форме. В какой-то степени мы занимали оборонительную позицию, когда снова и снова всплывал на поверхность рассказ о том, как мы бросили Иисуса в ночь его ареста. Никто из одиннадцати оставшихся апостолов не хотел попасть в окончательный вариант рассказа о событиях, но правда открылась вскоре после воскресения, и её не подавляли. Пётр, однако, страдал больше всех, потому что Иисус фактически предсказал, что он отречётся от Него трижды, прежде чем пропоёт петух. Многие невежественные люди думали, что он из-за этого поступка не достоин быть лидером, и некоторые, кто завидовал его позиции, даже кукарекали петухами, когда он проходил мимо, чтобы напомнить ему о своей ошибке. Пётр выстрадал страшную боль из-за своей ошибки, и, тем не менее, он тоже творил величайшие из чудес среди нас.

Джон продолжал:

— Отвечаю на твой вопрос о том, *почему я раскрываю свою прошлую слабость*. По двум причинам. Джозеф напишет о наших беседах, и в этот раз я должен открыть правду о человеческих качествах той маленькой группы, которая следовала за Мастером. В прошлом мы пытались изобразить себя более великими, чем были на самом деле. Во-вторых, я хочу, чтобы ты поняла, что я просто человек, такой же, как и вы. У меня есть много ответов, но не все ответы. У меня есть в наличие какая-то сила, но не вся сила. Я бы дал тебе больше, чем ты ожидаешь, а не меньше.

Я спросил Джона, не хочет ли он ещё лосося, и он с радостью согласился. Мой интерес к Джону возрастал с каждой минутой.

— Итак, как бы вы сами себя оценили теперь? — спросила Элизабет. — Вы добились каких-нибудь успехов?

— Отдаю должное этому вопросу. Да, я добился немалых успехов. В те давние времена я был как ребёнок в кондитерском магазине. Теперь я скорее как отец, который в детстве переел конфет, и теперь решает, сколько конфет следует давать своему сыну. Моё видение перспективы и способность оценивать сильно улучшились. Но всё же я не могу просто взять и выпалить залпом несколько тайн вселенной, которые я знаю. Высшее знание нельзя просто вливать в вас, как заводят данные в компьютер. Чтобы оно было полностью понято, оно должно пройти подтверждение собственной душой человека.

— А в чём разница между низшим и высшим знанием? — спросила Элизабет.

— Низшее знание имеет дело с фактами и может применяться, как только оно запомнено, например, правописание определённых слов или таблица умножения. Семью семь — сорок девять. Как только человек запомнит это, он может применять это на практике.

Высшее знание имеет дело с принципами и требует определённой настройки на гармонию с духовным "я", чтобы им можно было пользоваться. Например, каждый может научиться записывать ноты, но для того, чтобы сочинить красивую и оригинальную мелодию, требуется настроиться на саму музыку. Каждый может запомнить гаммы, но только человек в ладах с музыкой может приблизиться к пониманию принципа, стоящего за музыкой, и писать оригинальные музыкальные произведения.

— Итак, нельзя, чтобы нам просто сказали первый ключ "Кто или что я?", — заключила Элизабет.

— Правильно. Вы должны настроиться на него, чтобы понять его значение. Моя работа — всего лишь вести вас в правильном направлении. Я — как человек, инструктирующий композитора-песенника. Я могу сказать такому человеку: "Это даже и не звучит как музыка. Попробуй ещё раз", или: "Это звучит замечательно и берёт меня за душу. Продолжай писать". Внутри себя я узнаю, когда вы достигнете требуемого уровня понимания.

— Интересно, — сказала Элизабет. (Я просто сидел, откинувшись, расслабившись и получая удовольствие от того, как Элизабет устраивала Джону допрос.)

— Теперь у меня есть несколько настоящих вопросов для вас, — сказала она задумчиво.

— Задавай, — ответил Джон, очевидно довольный любознательностью Элизабет.

Элизабет залезла в карман своей юбки и вытащила список.

— Вот они. Первый: В чём смысл жизни? Второй: Откуда мы? Зачем мы здесь и куда мы движемся? Третий: Сколько на самом деле в Библии правды? Четвёртый: Существует ли истинная церковь? И если да, то какая? Пятый: Существует ли реинкарнация? Шестой: Христос действительно придёт опять? И если да, то когда? Седьмой: когда вселенная началась и когда она кончится? Восьмой: Кто или что есть Бог, и почему Он не делает сейчас на Земле ничего конструктивного? Например, мне кажется, Его не заботят умирающие от голода дети. Девятый: Ждёт ли эту Землю какое-то будущее, или произойдёт какой-нибудь мрачный апокалипсис, и то, что мы считаем жизнью, прекратит существование? Десятый: Почему Бог допускает страдания, болезни и, в конце концов, смерть? Какой отец позволит своим детям страдать, как приходится страдать некоторым из нас? Возьмите меня, например. Я знаю, что не безупречна, но вокруг полно насильников и убийц, которые находятся в намного лучшей физической форме, чем я. Почему наказана я, а не они?

Джон улыбнулся.

— Это внушительный перечень вопросов. Ты сама их придумала? — спросил он.

— Мы придумали их с мужем вчера вечером, устроив своего рода мозговой штурм.

— По нескольким причинам я буду давать вам каждый раз только понемногу.

Сегодня вечером я приму от вас один вопрос. Выбери тот, который для тебя больше всего значит.

— Я думаю, вы знаете, что это за вопрос, — ровно сказала Элизабет.

— Возможно, — сказал Джон, — но, тем не менее, ты должна поставить свой вопрос чётко.

— Это почему? — запротестовала она.

— Существует принцип, управляющий передачей высших принципов. Ты слышала высказывание Иисуса в Библии: "Просите и вы получите"?

— По-моему, да.

— Если ты хочешь узнать какую-либо тайну, ты должна спросить и знать, о чём спрашиваешь. Тот, кого спрашивают, должен знать, о чём спрашивается, и тот, кто спрашивает, должен желать получить ответ, если он будет дан.

— А если я отвергну ответ?

— Тогда будет, как если бы вопрос никогда не задавался, — ответил Джон.

— Я не уверена, действительно ли вы Иоанн Возлюбленный, но, по крайней мере, вы необычный... Как мне узнать, готова ли я к ответу?

— Когда ты будешь готова принять во внимание всё что угодно, каким бы бредом это не прозвучало, — сказал Джон.

— Так, ответом на десятый вопрос может быть, что Бог на самом деле избалованный космический сопляк, мучающий нас, как ребёнок, который втыкает булавки в пчёл и отрывает крылья мухам?

— Как знать, — сказал Джон, криво усмехнувшись.

— Отлично. Я не гарантирую, что готова, но вопрос готов. Это вопрос номер десять.

— Чётко сформулируй вопрос, — сказал Джон.

— Хорошо. Я повторю его, — Элизабет подвинулась на своём кресле-каталке. — Почему Бог допускает страдания, болезни и безвременную смерть? Почему умирают некоторые невинные дети? Почему некоторые из нас страдают от болезненных недугов, а другие, которые заслуживают страдания, оказываются полными жизни и здоровыми?

— Я отвечу, по крайней мере, на часть твоего вопроса, — сказал Джон. — Ты хочешь знать, в частности, почему ты страдаешь от такой жуткой болезни, в то время как ты была по сути хорошим человеком и не заслуживаешь такой боли. Тебя интересует, почему твоя жизнь, похоже, преждевременно оборвётся, в то время как другие люди могут элегантно стареть со своими супругами. Это то, что ты хочешь знать?

— В сущности, да.

— Я дам тебе частичный ответ сейчас и больше в дальнейшем, когда у тебя появятся дополнительные кусочки головоломки. Ты можешь принять это?

— Думаю, да. Давайте. Покажите, что у вас есть.

Я улыбнулся бойкости Элизабет и взглянул на Джона, с огромным нетерпением ожидая ответа.

Глава 8

Ответ

Джон вдохнул, откинулся на стуле и сказал:

— Кстати, это почти что лучший лосось, который мне довелось попробовать за тысячу лет. И вино тоже хорошее. Напоминает мне некоторые хорошие немецкие вина времён тридцатых годов. Я высоко ценю ваше гостеприимство.

— Спасибо. Услышанное от вас, это много значит, — просиял я.

— Теперь к вопросу, — сказал Джон. — Вопрос, который задала Элизабет, обычно не сильно беспокоит человека здорового, активного и плавно скользящего по жизни. Но рано или поздно каждая душа, на пути его или её прогресса, достигает какого-либо жизненного кризиса или трудной ситуации, и смотрит в небеса на какое-то невидимое существо, и требует: "За что меня, господи???" Или это может быть: "Почему мою жену?" или "За что моего ребёнка?" Он хочет знать, почему это страдание, как ему кажется, выбрало его, а не других, которые, казалось бы, заслуживают этого сполна. Он слышит, что Бог есть любовь, но если Он любящий, почему Он допускает такое?

Джон на секунду сделал паузу и затем продолжал:

— Если вы пройдёте и когда вы пройдёте тридцать шесть принципов, ответ на этот вопрос станет вам совершенно ясен. Например, когда вы поймёте, кто и что есть Бог, это будет хорошим подспорьем, но пока мы будем придерживаться азов.

В афоризмах мира сего скрыты великие истины. К примеру, вы слышали фразу* "Без труда не вытащишь и рыбку из пруда"?

Мы оба кивнули.

— Это утверждение так же хорошо, как и Священное Писание. Думаете, существовал когда-либо олимпийский чемпион, который достиг того, чего он достиг, без немалой боли? Как насчёт успешного бизнесмена, изобретателя, великого актёра? Им всем пришлось пройти через мучительные испытания или принести причиняющие боль жертвы. Но в итоге боль дала отдачу.

---

*) Англ. "No pain, no gain", что дословно означает: "Нет боли — нет роста".

Интересный момент здесь состоит в том, что эти успешные индивидуумы добровольно пошли на боль, потому что у них была вера в то, что боль принесёт прибыль. Бегун мучительно напрягает своё тело, поскольку верит, что результатом будет более сильное тело и, в конечном итоге, радость свершения и победы.

Давай представим себе, что разные части твоего тела имеют своя собственную жизнь и сознание. Рассмотрим свои лёгкие как одну сущность, сердце — как другую, мышцы — как третью и мозг — как четвёртую сущность. Ты — цельная натура и отвечаешь за принятие общих решений относительно того, что хорошо для целого. Скажем, мозг желает читать книгу, мышцы хотят спать, потому что устали, лёгкие хотят немного свежего воздуха, а сердце — романтической любви. Проблема в том, что они не могут делать это всё сразу — они могут делать только что-то одно. Кому решать? Если всегда будет решать мозг, всё тело будет проводить всё время за чтением и никогда не получит свежего воздуха для лёгких. Если сердце будет принуждать тело тратить всё свободное время на любовные истории, это до смерти надоеет мозгу. К счастью, принятие решений передано тебе — всему человеку, управляющему телом. Ты решаешь за тело, принимая в расчёт всё. Твои решения могут и не быть безупречными, но они намного лучше для целого, чем если дать власть частям тела.

— Так вы говорите, что я часть большего целого, и что это более важное целое заставляет меня страдать ради какой-то более великой пользы чего-то более великого, чем я? — спросила Элизабет.

Это часть ответа, — кивнул Джон. — Теперь, чтобы яснее представить себе картину, предположим, что ты собралась стать чемпионкой в беге на длинные дистанции. Когда ты начнёшь тренироваться, ни одна из этих четырёх упомянутых мной жизней не будет счастлива. Во время тренировочных забегов через мозг будет проноситься столько много крови, что он не будет в состоянии думать. Лёгкие будут ощущать себя так, будто они в огне и готовы взорваться. Мышцы будут ныть и чувствовать, что больше не вытянут, а сердце будет качать, как бешеное, думая, что его пытаются. И все эти маленькие жизни выкрикивают вопрос: "Что с нами происходит? Ради чего всё это?"

Потом, месяцы спустя, тело будет в идеальном настрое и будет готово к соревнованиям. Что эти маленькие жизни теперь испытывают по поводу того, что их напрягали? Мозг замечает, что получает больше кислорода, и думает, и функционирует намного лучше. Лёгкие счастливы, что им приходится дышать вдвое реже по сравнению с тем, как было раньше, и дышится намного легче. Мускулы ощущают, что тело кажется намного легче, и им больше не требуется так много отдыха. Наконец, сердце, как и лёгкие, оказывается, может больше отдыхать, и ему не нужно биться так часто или с такой силой, как раньше. В итоге у них всех появляется одинаковая мысль: "Мы прошли через уйму боли, и тогда нам это не нравилось, но теперь жизнь кажется легче, полнее и приносит больше удовлетворения".

— Теперь, — сказал Джон, пододвигая стул ближе к столу, — мы приблизим эту аналогию к нам. Нам может казаться, что мы являемся высшей жизнью во вселенной, и то, что мы делаем, затрагивает только нас. Но это не так. У каждого из нас есть невидимые связи с семьёй, друзьями, городом, страной и с каждой другой жизнью на этой планете и даже во вселенной. Имеются всевозможные высшие тела, в которых мы взаимодействуем друг с другом и производим действие. Мы связаны с этими другими жизнями через Святой Дух, который является окончательным судьёй относительно обстоятельств, которые будут пущены в ход на пользу всему целому.

Элизабет откатилась дальше от стола.

— Так вы говорите мне, что Дух Божий принял решение сделать меня больной, чтобы каким-то образом принести пользу целому? — гневно спросила Элизабет. — Так вот, я не думаю, что моя болезнь приносит пользу кому-либо или чему-либо. На самом деле, она не даёт мне делать много хорошего, что я всегда хотела делать, — её вид говорил о том, что она была готова покинуть комнату.

— Возможно, так кажется, — тихо и терпеливо ответил Джон, — но, чтобы лучше понять, ты должна осознать, что вы оба, вдвоём, проходите через мучительные испытания. Твой муж в какой-то мере мучается больше тебя. Когда любимая страдает, и он в этом очевидно не виноват, и нельзя ничего сделать, это состояние беспомощности очень мучительно. Поверь мне, я знаю. Я был в положении Джозефа давным-давно.

После долгой паузы Элизабет вздохнула, чуть не плача:

— Вы, наверное, правы. Ему ещё и работать приходится намного усерднее, чем раньше, чтобы заботиться обо всём. Теперь он у меня даже делает всю работу по дому. Поверьте мне, это доказательство того, что он меня любит. Тогда я, вероятно, причиняю ему дополнительные страдания тем, что слишком много жалуясь...

— Ты, когда больна, не жалуешься так много, как другие, когда здоровы, — заверил её я.

— В действительности, — сказал Джон, — эта аналогия пока более подходит к Джозефу, чем к тебе. Как в рассказе о четырёх маленьких жизнях, Джозеф, не по собственной вине, оказался женат на человеке с неизлечимой болезнью. Он — как и все мы в той или иной мере. Мы оказываемся в ситуациях, создать которые у нас, казалось бы, нет или почти нет власти, и как только мы в них оказываемся, нам приходится лишь справляться с ними по мере сил. Как мозгу, ему пришлось отказаться от приятных исследований. Как лёгким, ему пришлось усерднее работать, чтобы поставлять кислород или деньги для того, чтобы всё продолжало работать гладко. Как мышцам, ему пришлось стать активнее и взять на себя большую нагрузку. Как сердцу, ему пришлось отодвинуть романтизм на задний план и сконцентрироваться лишь на том, чтобы не дать угаснуть вашим отношениям, интенсивнее качая, чтобы живительная энергия продолжала циркулировать между вами обоими. Позже, прямо как те четыре жизни, Джозеф обнаружит, что у него станет больше свободы, силы и твёрдости, чем было когда-либо раньше.

— Всё это очень интересно, — сказала, качая головой, Элизабет, — но я по-прежнему в неведении, зачем я должна страдать от этой болезни. Не говорите мне, что это просто для того, чтобы у моего мужа мог накапливаться опыт.

— Совсем нет, — ответил Джон. — Однако, отчасти это могло быть причиной, по которой Дух послал заряд энергии, побудившей Джозефа влюбиться в тебя и жениться на тебе. Но польза от твоей болезни для Джозефа — лишь побочный эффект, который мы собираем на дороге жизни, если мы правильно управляемся с ситуациями, по мере того как они приходят.

— Вы ходите вокруг да около, но так и не ответили мне. Почему бы вам не выложить мне всё разом? — дрожащим голосом умоляла Элизабет.

Джон заглянул в глаза Элизабет и ответил, медленно и нежно:

— Когда бы ты ни встретила настоящего достойного духовного учителя, он редко ответит тебе напрямую. Вместо этого, он будет ходить кругами вокруг сути, так что, когда ответ в конце концов делается очевидным, он будет понятен. Это я и собираюсь сделать. Почему плохое, как, например, твоя болезнь, случается с хорошими людьми?

Как я сказал раньше, ты — часть большего целого, которое объединено Святым Духом. Каждому человеку в его индивидуальной жизни полагается выучить один основной урок, развить одну способность или дарование, углубить одно качество. Этот треугольник учения никогда не лёгок и всегда является борьбой. Например, если некий человек родился с природным даром игры на фортепиано, то обычно этот урок не будет непосредственно связан с ним, так как внутренне он им уже владеет. Вместо этого, пианино может быть отвлекающим фактором, чтобы искушать и уводить его от настоящего урока, который может находиться в противоположном направлении, таком как строительство крупных инженерных сооружений. Если его душа ведёт его к тому, чтобы стать знаменитым музыкантом, то урок может быть связан со славой, а не с талантом как таковым.

Элизабет перебила:

— С детства у меня был талант к рисованию. Я никогда не брала никакие уроки, но я могла в момент нарисовать практически всё, что угодно, и это замечательно смотрелось. И как раз, когда я подумала о том, чтобы полнее развить этот талант, я заполучила эту болезнь. Теперь у меня слишком сильно трясутся руки, чтобы рисовать.

— Эта способность, которую ты имела от природы, была твоей искусительницей, чтобы увести тебя в сторону от твоего настоящего призвания: усовершенствоваться и быть более полезной для единого целого, становясь, тем самым, цельной (и святой) натурой.

— Так чему мне положено научиться? — спросила Элизабет.

— Как я сказал, то, что тебе надлежит выучить — это что-то, к чему обычно у тебя нет особого таланта, и чему ты по натуре в некоторой степени сопротивляешься. Когда мера сопротивления становится слишком большой, и ты не слышишь и не видишь посланий, которые шлёт тебе Дух, тогда послание должно быть передано более убедительно. Если ему опять сопротивляются, тогда может быть послано угрожающее жизни заболевание, такое, как твоё, которое заставит посмотреть ввысь и вскричать: "Господи, почему я?"

— Я делала это раньше, — сказала Элизабет. — Так чему я сопротивляюсь?

— Подумай, — предложил Джон. — Подумай о ситуациях, которые могли тебе не нравиться и которые, казалось, повторялись, заставляя тебя делать что-либо или работать над чем-то, чего тебе не особо хотелось.

— Я знаю, какая ситуация у меня, — высказался я. — Я всегда получал удовольствие от творческой работы, в особенности, любил писать во всевозможных жанрах, но всегда меня втягивало в ситуации, где у меня не было время для творческих затей, и в итоге я всегда оказывался в торговле или бизнесе, чтобы зарабатывать нужные мне деньги. Раньше я ненавидел сбыт и бизнес, но сейчас всё больше преуспеваю в этом. Я ценю талант к бизнесу и торговле не меньше, чем талант артиста.

— И поэтому ты здоров, — сказал Джон. — В конце концов ты поддался силам, толкающим тебя в направлении твоего урока, и ты делаешь успехи. Пока ты добиваешься успехов на своём уроке, твоей душе не нужно посылать тебе огромные страдания, чтобы двигать тебя вперёд.

— Чему же сопротивляется Элизабет? — опять спросил я.

— Она должна исследовать свой жизненный опыт, заглянуть внутрь, пообщаться со *спокойным тихим голосом*, выяснить, что она избегала делать, и сделать это.

— Как я узнаю, когда я уже выяснила это?

— Ты почувствуешь, что это очень правильно и хорошо, когда наконец поддашься ему, — сказал Джон.

— Так какой урок в её болезни? — спросил я.

— Каждая болезнь — учительница, — сказал Джон. — Тебе надо посмотреть на недуг, увидеть, где он находится и какое влияние оказывает, чтобы распознать урок. Например, заболевание сердца наверное пытается научить нас чему-то, связанному с сердцем. Сердце — это трон духовной любви. Если тебе пришла пора усвоить смысл и выражение любви, которая на октаву выше страстной любви и собственнической любви, а ты сопротивляешься, то сердце ослабеет как сигнал тебе о том, что твоё проявление любви слабее, чем следует.

— Но у меня есть несколько друзей с проблемами сердца, и они кажутся вполне приятными людьми, — воскликнула Элизабет. — С другой стороны, я знала некоторых жестоких людей, которые, казалось, вообще не ведали, что такое любовь, и, тем не менее, их сердца были здоровы. Как вы это объясните?

— Жестокие люди, которых ты упомянула, ещё не готовы узнать о духовной любви, так что их души даже не пытаются учить их, принося им боль в этой области. Может быть, жестокому человеку надо начать с более простого урока. Может, ему надлежит усвоить лишь ценность того, когда он проявляет привязанность и когда принимает привязанность к себе. Возможно, он страдает от неимоверной боли и неприятия из-за того, что не получает ни от кого ласки. Может, это неприятие просто доводит его до безумия, пока наконец он поддастся и уступит. Для него это большой шаг, а нам невдомёк, почему у кого-то с этим могут быть проблемы.

— А какой урок от рака, — спросил я, заинтересовываясь всё больше.

— А-а, рак, — сказал Джон. — Многие великие души умерли от него, наиболее мучительного из всех учителей.

Все болезни делятся на две категории. Первая — это скопление. Оно вызывается тем, что слишком много удерживается, как при замалчивании или запирательстве. Вторая — это воспаление. Оно вызывается тем, что удерживается недостаточно, и высвобождается больше энергии, чем ты получаешь. Рак вызывается скоплением. Человек держит в себе или подавляет энергию или чувства, которые нужно высвободить, и это сдерживание в себе вызывает новообразование, которое является символом не выпущенного на волю желания или чувства.

Предположим, что вы считаете себя приятным человеком и оказываетесь в контакте с грубияном, который оскорбляет ваши чувства. У вас есть три выбора. Первый: вы можете в ответ оскорбить его чувства; второй: вы можете облегчить свою обиду, высказав этому человеку, как вы чувствуете себя из-за него; или третий: вы можете быть приятным человеком и избежать конфликта, сделав вид, что всё отлично.

Этот третий вариант, которым многие пользуются, является наихудшим выбором из всех. Во-первых, он поощряет грубого человека продолжать своё поведение, а во-вторых, это обман, которому Дух Истины не позволит навсегда остаться в развивающейся душе. Люди думают, что наиболее частая ложь — это "Чек отправлен по почте". Но в реальности самой крупной ложью является сообщение, которое гласит: "Со мной всё в порядке. Вы меня не обидели".

Меньшим душам позволено безнаказанно лгать. Как детям, определённые вещи им сходят с рук из-за недостаточного понимания. Но когда человек достигает определённой ступени на пути развития, эта величайшая ложь больше не допускается, и урок надо выучить.

Рак вызывается многими типами подавления. Оскорблённые чувства, как я сказал, это обширный тип, отречение от чувства — другой, недостаток сексуальной реализации из-за нехватки общения, непонимания или чувства вины — ещё один.

— Вы опять ходите вокруг ответа, — сказала Элизабет. — Я вижу, что этот метод обучения действительно создаёт эффект стимуляции интереса. Теперь мне как никогда любопытно, что же вы скажете о моей болезни.

— Так и должно быть, — улыбнулся Джон. — У каждой болезни есть как физические, так и духовные составляющие, влияющие на проблему. К примеру, люди считают, что контакт с микробами приводит к определённым болезням, тем не менее, два человека могут вдохнуть одних и тех же микробов, и один может заболеть, а на другого они не окажут влияния. Может быть, тот, кто не заболел, находился в лучшей физической форме, но в большинстве случаев он был в большей гармонии со своей душой в той области, в которой эта болезнь даёт урок.

Рассеянный склероз был очень редок сто лет назад и даже сейчас редко встречается в менее развитых обществах. Отчасти причина этого в нашей чрезмерно обработанной и обеднённой пище. Другая причина — химические и ядовитые вещества, воздействию которых подвергается наша цивилизация. Ты слышала о теории, согласно которой зубные пломбы с ртутью могут провоцировать рассеянный склероз, и в этом есть зерно правды, но у Джозефа во рту больше ртути, чем у тебя, и всё же на него это не повлияло. Различие кроется в духовной причине болезни.

Престол этой проблемы находится в мозге и нервной системе. При рассеянном склерозе утрачивается защитная жировая прослойка между мозгом и нервами, вызывая нарушения или потерю связи между мозгом и имеющей первостепенное значение нервной системой.

В духовном плане нашей нервной системе требуется определённая доля защиты от наших мыслей, умственной деятельности и наших страхов, которые наш мозг и чувства имеют склонность усиливать.

По сути, рассеянный склероз вызван неспособностью правильно направлять мысли и страхи в нужные места. Пациент должен понимать, что необузданные страхи и мысли могут быстро распространяться и разрушать защитную прослойку вокруг нервов. Когда несдержанные мысли и страхи непосредственно взаимодействуют с нервной системой, может произойти физическое совпадение, и человек может заболеть.

— Так я, выходит, не получил рассеянный склероз, потому что каким-то образом не позволяю своим мыслям и страхам воздействовать на свою нервную систему? — спросил я.

— Ты создаёшь нужную тебе защиту, отводя внимание от разрушительных мыслей и страхов. Это переключение внимания даёт твоей нервной системе необходимый ей отдых. С другой стороны, Элизабет подавляет нежелательные мысли и страхи. Это даёт ей видимость отдыха нервов, но эффект получается обратный. Вместо этого у неё появляется ещё один обман, оказывающий разрушительное воздействие. От того, что она обманывает себя и делает вид, что определённые мысли и страхи не существуют, создаётся опасная ситуация, и в результате мы имеем ещё одно заболевание скопления.

— Я делаю вид, что какие мысли и страхи не существуют? — спросила Элизабет, подавшись вперёд.

— К сожалению, для меня было бы неправильно полностью объяснить это тебе в этот раз. Я могу учить тебя вокруг да около принципа, но ты должна проделать определённый объём поиска в душе самостоятельно, иначе тебе будет отказано в замечательном опыте роста.

Он остановился на секунду и сказал:

— Дай-ка мне прикоснуться к твоему лбу.

Джон потянулся через стол и дотронулся до её лба кончиками пальцев правой руки.

— Пусть некоторое время течёт энергия, — сказал он, закрывая глаза. Он глубоко, медленно вдохнул и выдохнул мягко и ровно.

Недолгое время мы сидели безмолвно.

— Вот, — сказал Джон, — ты будешь чувствовать себя крепче в течение нескольких дней. Я делаю это для тебя, чтобы дать тебе веру в то, что ты можешь выздороветь.

— Я действительно чувствую себя сильнее! — сказала, явно удивлённая, Элизабет. Переполненная эмоциями, она смотрела на Джона. — Если вы действительно Иоанн Возлюбленный, вы можете меня просто исцелить, как тех, кого исцелял Иисус?

Джон задумался, вороша мысли о своём прошлом.

— Многие исцеления были разрешены в то время, потому что это было исключительно важно как свидетельство о Сыне Божьем. Благо, ставшее результатом этого, перевесило плохое, но у тех исцелённых, которые не были готовы, имелись некоторые проблемы. Тебе также очень важно выздороветь, чтобы ты могла помогать Джозефу в работе, которую ему надо делать, но проблема в том, что тебе понадобится польза от знаний и способности, приобретённые от исцеления, чтобы верно выполнить свою собственную миссию.

— Это означает, что я могу излечиться? — жадно спросила она.

— Определённо, но и ты, и твой муж должны сделать своё дело. Для вас это гонка на время. Ты должна добиться исцеления, пока ещё не поражено взаимодействие между мозгом и телом, или может оказаться слишком поздно. Если ты и Джозеф сможете решить первые три ключа знания до того, как это произойдёт, ты выздоровеешь. С другой стороны, ты можешь излечиться раньше посредством правильных действий, мыслей и веры.

— Разве что-либо подобное, сказанное ей, не усугубит боязнь и ненужные мысли? — спросил я. — Не сделает ли этот стресс только хуже?

— Если правильно обращаться с ним, он заставит её разобраться со своими мыслями и страхами, так что она научится класть их в нужное место, — ответил Джон, поднявшись, чтобы уходить. — Двигаться дальше пока мы не можем. Было очень приятно.

Открывая дверь, чтобы выпустить Джона, я спросил:

— Откуда вы знали, что у меня больше зубных пломб с ртутью, чем у Элизабет?

— В своё время ты поймёшь, — улыбнулся он.

— Давайте, я отвезу вас домой, — предложил я.

— Не надо. Прекрасный вечер для прогулки.

— Но наверное, до места, где вы живёте, пять миль.

— Не важно. Ходить пешком и приводить в порядок свои мысли очень полезно для здоровья.

Уходящий в ночь, он напомнил мне Кейна из серии "Кунг-фу". На этот раз я подумал, что он в самом деле исчез вдали, но я не был уверен. В конце концов, было довольно темно.

Глава 9

Кто мы на самом деле?

Я закрыл за собой дверь и подошёл к Элизабет.

— Что ты думаешь? — спросил я.

— Он интересный, — сказала она. По свету в её глазах, а его мне уже давно не доводилось видеть, я понял, что вернулась надежда.

— Ты думаешь, он взаправду? — осторожно спросил я.

— Я точно не знаю. Кое-что в нём очень убедительно.

— Мне пришёл на ум стих из Библии про Иисуса, — сказал я, убирая со стола. — В нём говорится: "ибо Он учил, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи". Создаётся впечатление, что Джон учит с авторитетом или со знанием, стоящим за его словами, в отличие от любого другого учителя, которого я когда-либо слышал.

— Больше того, — добавила Элизабет, — я определённо почувствовала что-то, когда он дотронулся до меня. Клянусь, я думаю, что смогу встать.

Она подтолкнула вперёд своё кресло.

— Возьми меня за руку, — скомандовала она.

— Ты не собираешься попытаться встать, правда? — сказал я, идя к ней.

— Я чувствую, что смогу встать. Подними меня, — настаивала она.

— Не знаю, — сказал я, подавая ей довольно нетвёрдую руку.

Она ухватилась и потянула. В ответ на её усилие я тоже стал тянуть, пока она не встала прямо в полный рост.

— Я не верю этому! — воскликнул я. — Ты уже месяцами не вставала.

— Я думаю, что могу ходить! — воскликнула она, сделав шаг. Потом сделала второй, отпустив мою руку. Потом медленно прошла через комнату и отдохнула у стены. Она светилась, как олимпийский победитель на финишной линии.

— Это чудо, — вскричал я.

— Джон сказал, что у меня прибавится сил на пару дней, — предостерегла Элизабет, медленно ходя взад-вперёд по комнате. — Поскольку это временно, я думаю, нам надо пойти прогуляться, пока у меня есть силы.

— Думаешь, ты сможешь?

— Есть один способ выяснить, — сказала она. — Достань наши пальто, и давай немного подышим свежим воздухом.

Иногда никак не получается сказать "нет" Элизабет. По меньшей мере, мне надо было потакать ей. Я достал пальто.

— Почему ты полна такой решимости пойти на прогулку? — спросил я.

— Что-то было в голосе Джона, когда он уходил. Помнишь, что он сказал что-то вроде: "Прогулка помогает упорядочить мысли". Он что-то говорил о том, чтобы отложить мои мысли и страхи в подходящее для них место, чтобы они больше не были пагубными.

Затем Элизабет взяла меня под руку, вышла за дверь и спустилась вниз по ступеням с силой и решительностью, изумившей меня. Вскоре мы шли по улице, шагая быстрее, чем я предполагал.

— Давай направимся к подножию гор, как раньше, — предложила она по-детски непосредственным голосом.

В этот момент я не мог расхолаживать её. Мы жили всего в нескольких кварталах от красивых отрогов гор, которые мы так и не смогли обследовать с наступлением её болезни. Мы направились к ним, и, к моему приятному удивлению, у Элизабет, казалось, хватало сил продолжать путь.

— Это так здорово снова быть в состоянии ходить, — она глубоко вдохнула. — Никогда в жизни я не чувствовала себя так хорошо. Даже воздух будто заряжен жизнью.

— Подумай только о всех тех прогулках, на которые мы могли бы сходить вместе, но не получилось, — сказал я. — Знаешь, я никогда раньше об этом не думал, но я вижу, что прогулки могут отвлечь твои мысли от твоих тревог. Просто посмотри на красоту этих мест! Как человек может испытывать страх или беспокойство, гуляя по ним?

— Кажется, я вижу в чём Джон был прав, — сказала Элизабет. — В течение нескольких лет до моей болезни и может даже ещё в большей степени после её начала моё внимание было приковано к проблемам и страхам. Даже когда я, казалось, не принимала их близко к сердцу, моя тревога всё же грызла меня. Если моему мозгу нужен был отдых, я вижу, что он его не получал. С другой стороны, похоже, и твоему мозгу тоже не покоя.

— Не всегда можно сказать, что творится внутри, глядя на кого-то или даже живя с ним, — ответил я. — Думаю, я успешно препятствую нежелательным страхам и мыслям постоянно оказывать влияние на меня. Даже когда у меня мало времени или я нахожусь под сильным стрессом, я выделяю немного времени, когда увожу в сторону свои неприятные мысли и страхи. Они не подавлены, а пребывают как бы в спячке.

И тут будто свет зажётся у меня в голове.

— Может, будет точнее сказать, что я создал для них место и положил их туда.

Джон выразился примерно так же, не правда ли?

— Да, — кивнула она, — он что-то сказал о том, чтобы отправлять наши мысли и страхи в надлежащее место. Я сейчас что-то вроде этого чувствую, как будто мои ненужные мысли и страхи находятся где-то на хранении за закрытыми на замок дверями. Вот сейчас, пока мы гуляем среди этих прекрасных гор, они не имеют надо мной власти. Насколько я помню, я чувствую такое впервые со времени моей болезни.

— Может, это значит, что ты исцелилась, — сказал я с надеждой. Это было чересчур хорошо, чтобы оказаться правдой, подумал я, но чудеса действительно случаются.

— Не знаю. Джон сказал, что сил у меня прибавится на несколько дней. Это как будто чья-то чужая воля, помимо моей собственной, держит закрытыми эти символические двери и временно даёт мне безопасность. Он сказал, что я могу поправиться, если мы разгадаем первые три ключа. Может быть, нам надо серьёзнее отнестись к его экзамену. Ты что-то говорил о важности правильной постановки вопроса. Скажи мне опять точную формулировку.

Мы присели на камни отдохнуть.

— Он был не "Кто я?", а "Кто или что я?"

— И что за ответы ты ему дал, которые он забраковал, как неверные?

— Он собственно не сказал, что они были неправильными, но имел в виду, что мои ответы ничего не значили. Очевидно, существует какой-то корневой ответ, который мне полагается найти.

— Скажи мне ответы, которые ты ему дал, и которые оказались не в точку.

— Сперва я сказал, что я — это человеческое существо.

— Да, когда я смотрю на твой кабинет, я подчас задумываюсь над этим, — улыбнулась она.

— Ты чувствуешь себя лучше, не правда ли? — подколот я.

— Что ещё ты сказал?

— Я говорил: "дух", "душа", "сын Бога". Ни один из них не попал в точку.

— Да, резонно думать, что ты — некоторого рода дух или что-то духовное. Почему он сказал, что это не то?

— Он сказал, что говорить, что я дух, ничего не даёт. Он попросил меня определить дух, и я ничего умного сказать не смог.

— То есть, он хочет, чтобы ты сказал что-то определённое о том, кто ты есть, и, если ты не знаешь, что такое дух, то сказать, что ты дух, ничего не значит?

- Полагаю, что-то вроде того, — ответил я.
- Ты больше не думал о том, кто или что ты?
- Немного думал.
- Что-нибудь придумал?
- Ничего толкового. А ты? Можешь что-нибудь предложить?
- Хорошо. Я всегда считала полезным просто выбалтывать всё, что приходит в голову, составить список и посмотреть, не окажется ли чего-нибудь разумного.
- Я уже в общем-то набросал свой перечень, — сказал я. — Давай пройдемся по твоему списку, может, с позиции женщины.
- Ну, ты ловкач. Свалить всё на женщину, когда сам зашёл в тупик.
- Ладно, посмотрим, что у тебя есть.
- КТО или ЧТО Я? Посмотрим, — Элизабет встала, и мы пошли дальше. — В дополнение к тому, что сказал ты, я могла бы добавить, что я — это мои мысли, мои чувства, моя личность... Я есть то, как я выгляжу. Я — женщина. Ты знал, что многие женщины определяют, кто они, по своему дому? Что семейный очаг — это их продолжение?
- Помнится, ты упоминала мне об этом. Твой список так же хорош, как и мой. Так или иначе, я почему-то не думаю, что мы нашли ответ. Давай запишем наши мысли, когда придём домой, и я представлю их Джону на нашей следующей сессии.
- Видимо, это практически всё, что мы можем сделать.
- Есть ещё одна вещь, которую я думаю сделать.
- Что это? — спросила она.
- Завтра я собираюсь позавтракать с Вэйном. Он был мне хорошим другом долгие годы, и он философ-любитель. Думаю задать ему этот вопрос.
- Элизабет глянула на меня с тревогой.
- Разве Джон не говорил тебе, чтобы ты пока никому об этом не рассказывал?
- Он сказал, чтобы я не рассказывал никому о нём. Он не накладывал никаких ограничений на то, как я могу получать ответы.
- Хорошо, только не делай ничего такого, что может загубить всё дело, — сказала она, сжимая мою руку. — Он сказал, что, если мы освоим первые три принципа, я поправлюсь.
- Джон говорил, чтобы я прислушался к его точным словам, а его точные слова не запрещают мне обсудить это с Вэйном.
- Пока у нас дело идёт не блестяще. Может, Вэйн нам подкинет идейку или две.

На следующее утро я встретился с Вэйном в нашем любимом кафе. Вэйн был моим старым другом, примерно моего возраста, у которого было своё дело. Его бизнес предоставлял услуги по уходу за двором, и он делал для своих клиентов всё понемногу: подрезал деревья, косил траву, защищал от вредителей и так далее. На вид он был простецким парнем и обычно носил ковбойскую шляпу. Глядя на него, вы бы ни за что не поверили, что он проводит некоторое время в размышлениях о смысле жизни. Но он любил встречаться со мной за завтраком, по крайней мере, раз в неделю и просто беседовать о философии, религии, "Новой Эре", политике, смысле жизни и прочем. Мы оба уважали друг друга, как два мыслителя, смотрящие на смысл вещей несколько глубже, чем средний человек. Я надеялся, что этим утром он будет в своей лучшей философской форме.

— Как у тебя прошла неделя? — спросил я, когда официантка усадила нас.

— Лучше и не спрашивай, — сказал он с выражением боли на лице.

Хоть Вэйн и был великим философом, он не вполне довёл до совершенства искусство применения своего интеллекта для благополучного управления своим бизнесом. Всякий раз, когда мы встречались, у него, казалось, была готова трагическая история о какой-нибудь дорогостоящей проделке, совершённой кем-то из его работников. Несколько месяцев назад один работник сбежал с инструментами на сумму около 10000 долларов лишь через пару дней после того, как Вэйн под залог освободил его от тюрьмы. Только на прошлой неделе один из них объявился у него на пороге с женой и детьми потому, что их выселили. Причина? Деньги на оплату квартиры он потратил на наркотики. Вэйн помог ему в этой истории.

Даже несмотря на то, что я чувствовал себя неловко за друга, у которого было столько много проблем в бизнесе, мне всегда было любопытно, что же произошло на этот раз. Я не мог просто так оставить эту тему.

— Ладно, Вэйн. Расскажи мне.

— Я нарисовал Скипу схему — карту двора, чтобы не случилось ошибки.

Прошлый раз он сказал мне, что было недостаточно ясно, так что теперь я нарисовал ему этот чёртов чертёж! — чуть не сплюнул Вэйн.

— Это не тот Скип, который подрезал не то дерево у какого-то привередливого заказчика? — спросил я.

— Ага. Он пообещал, что такого не повторится, если я буду ему всё ясно объяснять, так что нарисовал ему схему, пометив крестиком то место, где была берёза. Инструкция была проста — удалить берёзу в помеченном крестиком месте.

— И он выкорчевал дерево в каком-то другом месте? — догадался я.

Вэйн мотнул головой и проскрежетал зубами:

— Глупый сукин сын выкорчевал берёзу с восточной стороны газона, а не с западной, где у меня стоял крест.

— Так берёзы были с обеих сторон лужайки?

— Да, но я пометил крестом западную сторону.

— Если твоя схема была не чётко размечена, может, он держал её вверх ногами и подумал, что восток — это запад?

Добрый старый Вэйн не выходит из себя, когда я анализирую его проблемы, как подчас случается с Элизабет.

— Именно это он и утверждает, но так читать карту мог только идиот. У меня были обозначены розы с западной стороны, рядом с нужной берёзой. Это как раз ещё один способ, которым он должен был определить нужное дерево.

Я подумал про себя, что, будь я работником, и я мог бы перевернуть карту вверх ногами, но мой друг был достаточно огорчён и без того, чтобы мне подливать масла в огонь.

— Итак, что же собирается делать владелец? — спросил я.

— Нам пришлось вернуться, выкорчевать нужное дерево бесплатно и посадить ему три новых дерева, и он всё ещё недоволен. Он поговаривает о том, чтобы подать на нас в суд, но я думаю, он нас просто хочет нас шантажировать, чтобы выжать из нас всё, что сможет. Последний раз, когда я разговаривал с ним, он сказал, что, если мы будем косить его газон бесплатно в течение года, то, может, он и не начнёт судебный процесс. Мне хотелось его послать подальше, но, полагаю, всё кончится тем, что мы будем стричь его газон. Этот проклятый Скип! Я думал, парень сможет прочитать схему.

— Может быть, в следующий раз тебе следует лично показать ему нужное дерево, — робко предложил я.

— У меня нет времени каждого водить за ручку, — качая головой, сказал Вэйн.

— Тогда, по крайней мере, ты бы лучше помечал восток, запад, север и юг на своих схемах.

— Это ни черта не даст. Некоторые из этих типов не знают, какой стороной вверх карту держать, не говоря уже о том, где на ней запад, — Вэйн сделал большой глоток воды.

Похоже, этот разговор заканчивался так же, как заканчивался на каждой неделе. У Вэйна была серьёзная проблема с одним из своих ребят, и не было возможности ни предотвратить её, ни избежать её повторения. Я был рад, что не просил у него совета по поводу бизнеса. В философии он был силён, как никто другой, кого я знал, а вот бизнес, похоже, не был его талантом. Тем не менее, я восхищался тем, как он держался за него, несмотря на все неудачи. Он, похоже, действительно понемногу становился более ушлым в реальном мире.

— У меня к тебе философский вопрос, — сказал я, меняя тему.

— Всё, что угодно, лишь бы отвлечься от моих парней, — сказал он. — Я сказал тебе, что не хотел говорить о своих проблемах.

— Отлично. Вот такая ситуация, — я подался вперёд и понизил голос, чтобы нас не услышали, — скажем, у тебя было видение, и тебе явился Бог.

— Как выглядел он или она? — спросил Вэйн с глупой ухмылкой.

— Не важно. Просто предположим, что тебе является Бог и предлагает тебе сделку.

— Какого рода сделку? — Вэйн, казалось, переключал своё внимание со своих проблем на философский режим.

Я тщательно обдумал ответ. Про Джона сказать ему я не мог.

— Скажем, Бог говорит тебе, что, если ты сможешь ответить на один простой вопрос, Он исполнит три твоих желания.

— Я мог бы воспользоваться тремя желаниями. Я бы попробовал свои силы в этом. Почему бы и нет? Что это за вопрос?

— Вопрос таков: "КТО ИЛИ ЧТО ТЫ?" А теперь — вот что ответом не является. Это не человеческое существо, не сын Божий, не дух и не душа. Итак, если Бог говорит, что ни один из этих банальных ответов не верен, каким он может быть?

— Такое направление постановки вопросов для тебя не характерно, — сказал Вэйн, подозрительно глядя на меня. — Ты уверен, что тебя не стукнули по башке, и тебе не привиделся Большой Дядя?

— Нет. Ничего подобного, — я старался, чтобы это прозвучало непринуждённо, но не был уверен, заподозрил ли Вэйн, что что-то случилось, или нет. — Просто думал немного. Мне нужен твой серьёзный ответ. Как бы ты ответил на этот вопрос?

— Хорошо. Я вступаю в игру. Не сын Бога, не человек, не дух, не душа. Ну, Иисус сказал что-то интересное о том, кто мы, что не подпадает ни под одну из этих категорий.

— Это может пригодиться. Что он сказал?

— Он сказал, что мы — боги.

— Это звучит, как учение Мормонов.

Я весьма серьёзно изучал различные религии, и Вэйн тоже.

— Да, у Мормонов есть уклон в эту сторону, но кроме них на Земле существуют миллиарды людей с некой верой в то, что человек — это своего рода бог. Однако, большинство христиан считают это учение ересью.

— Но ты говоришь мне, что Иисус действительно сказал это в Библии? Какова на самом деле формулировка?

Вэйн прихлебнул кофе и наклонился вперёд:

— Я точно помню три слова, которые он произнёс: "Я сказал: "Вы боги".

— Иисус назвал нас Богами? — спросил я вполголоса. Я помню, Библия называет нас Сынами Божьими, но Богами? Помнишь, где этот стих?

— Вполне уверен, что он в Евангелии от Иоанна.

— Иоанна? — я поперхнулся, пролив несколько капель кофе себе на колени.

— Осторожно, — ухмыльнулся Вэйн, — ты уверен, что тебе сейчас не привиделось что-то, или что-нибудь происходит? Ты бледен.

Он внимательно посмотрел мне в лицо.

— Последнее время я ни в чём не уверен, — равнодушно произнёс я. — Ты действительно считаешь, что Иисус сказал это в книге "От Иоанна"?

— Как я сказал, я вполне в этом уверен. Иоанн Возлюбленный сам записал это. Он определённо был лучшим писателем Нового Завета. Однако, имей в виду, что большинство христиан не считают, что он всерьёз говорил нам, что мы — боги.

— Ну, а ты что думаешь? Думаешь, мы — боги?

— Посмотри на это так, — сказал Вэйн. — Считается, что Бог — везде, правда?

— Так говорят.

— Ты занимаешь часть пространства, которое называют "везде", не правда ли?

— Да.

— Итак, Бог находится в пространстве, которое ты занимаешь?

— Если Он везде, то ответ: "Да".

— Это значит, что Бог в тебе.

— Опять, да.

— Итак, Бог будет находиться в твоём сердце, мозгу, печени и даже в твоих клетках?

— Ну, они являются частью "везде". Если Бог вездесущ, то, я думаю, Он будет в каждом атоме моего тела, — я следовал за рассуждениями Вэйна.

— Значит, если Бог в каждом атоме твоего тела, то ты сделан из Бога. Отсюда следует, что ты есть Бог. Если он засел в тебя до мозга костей, то он — это ты.

— Так ты думаешь, это правда? Ты действительно считаешь, что мы — Боги?

— Чёрт его знает, — сказал Вэйн, откинувшись назад на стуле. — Я даже не уверен на сто процентов, что Бог существует. Иногда я даже не уверен, нахожусь ли здесь на Земле. Может быть, всё это просто огромный сон, и, когда мы просыпаемся, то нет ничего. Или может, когда мы просыпаемся, то оказываемся в каком-то понятном нам месте. А ещё лучше, может, мы проснёмся на острове южного моря, полном прекрасных девушек, которые будут заботиться о всех наших нуждах, — расплылся в улыбке от такой мысли Вэйн. У бедняги долгое время не было любимой девушки.

— Очень интересный ход мыслей, но этот стих из Библии, который ты упомянул, интересует меня больше всего. Я собираюсь отыскать его, когда приду домой, — возбуждённо сказал я. — Я смутно помню, что читал его, но никогда не задумывался о нём в контексте того, что мы на самом деле можем быть богами.

Мне не терпелось отправиться домой.

— Не принимай это слишком серьёзно и не надейся, что я буду тебе поклоняться, — улыбнулся Вэйн.

Я прервал нашу беседу, помчался домой и принялся изучать Евангелие от Иоанна. Наконец я нашёл эту строфу в десятой главе:

Иоанн 10, 34. Иисус отвечал им: "Не написано ли в законе вашем: "Я сказал: "Вы боги"?"

Иоанн 10, 35. Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание, —

Иоанн 10, 36. Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: "Богохульствуешь", потому что Я сказал: "Я Сын Божий"?"

После недолгого исследования я понял, что "закон", который упоминал Иисус, был книгой псалмов. Иисус вроде бы говорил, что тех, кто получили закон Божий или Священные Писания, называли богами. Может, как раз... может быть, это и был ответ. Мы более, чем люди. Мы боги. Признаюсь, однако, что считать себя богом казалось дико, но, очевидно, ответ, которого хотел Джон, не был всего лишь стандартной формулой воскресной школы.

Я взял в руку Библию и нашёл Элизабет в гостинной.

— Дорогая, я думаю, может быть, у меня есть ответ.

Она подняла глаза.

— Не говори мне, что Вэйн что-то придумал для тебя.

— Действительно, это он предложил. Немного "того", но, может быть, это как раз то, что мы ищем.

— Хорошо. Дай мне его.

— Мы — боги! — воскликнул я. Я едва сдерживал своё возбуждение.

На неё, похоже, это не произвело впечатления.

— Вэйну кое-что такое может прийти в голову, — сказала она, опуская взгляд обратно в книгу, лежавшую у неё на коленях.

— На самом деле, Вэйн это не придумал. Вот, посмотри в Библию.

Я придвинулся поближе к ней.

— Иисус сказал это. Если Иисус это сказал, значит, это обязано быть тем, кто мы есть.

— Дай мне самой прочитать, — сказала Элизабет, взяв Библию у меня из рук. Она прочитала всю главу.

— Я помню этот стих, — через некоторое время сказала она. — Однажды у меня был спор с мормоном, и он процитировал это и сказал мне, что наша судьба — стать богами. Я слегка обалдела и позвонила человеку, отвечающему на любые вопросы по Библии, на радиостанцию.

— Что он сказал? — спросил я с любопытством. Я и не знал, что она звонила на радиостанции по философским вопросам.

— Он сказал, что мы неправильно истолковали Писание, что исходный псалом высмеивал человека за его слабости. Это вроде того, как один человек унижает другого, говоря: "Думаешь, ты такой крутой, не так ли?" Первый человек на самом деле не считает, что второй — такой важный. Он просто издевается.

— Значит, от этого стиха можно отделаться тем объяснением, что Бог подтрунивает над человеком?

— Похоже, так по сути и думает большинство людей, с которыми я разговаривала.

— Дай-ка мне Библию опять, — сказал я.

Я внимательно перечитал Псалом 82* и "Евангелие от Иоанна", десятую главу.

— Не знаю. Я прочитал ещё раз, внимательно вчитываясь, и думаю, что Иисус действительно говорил, что мы боги. Смотри, — сказал я, став на колени возле неё, — Он употребил это утверждение в качестве защиты слов о том, что Он был Сыном Божиим. Иными словами, если те, кто получил закон, боги, то зачем тогда поднимать большой шум по поводу заявления Иисуса, что Он — Сын Божий?

Элизабет посмотрела на меня и улыбнулась:

— Ты, конечно, понимаешь, что есть только один способ выяснить.

До меня дошло.

— Да, да, — сказал я, — мы можем спросить человека, который лично знал Иисуса. Фактически, это тот человек, который и писал Священное Писание! — я рассмеялся. Это было необыкновенно!

— Наверное, в этот момент он на своём рабочем месте, звонит в колокольчик, — сказала Элизабет. — Почему бы тебе не съездить и спросить его?

---

*) В русской Библии — Псалом 81 (примечание переводчика).

Глава 10

Сон

Я подъехал к "Альбертсонс", чтобы опять найти Джона и задать ему вопрос двухтысячелетней давности.

Я завернул за угол и увидел уже знакомую картину — звонаря. Я припарковался, вылез из машины и направился к нему.

— Джон! — сказал я.

Звонарь обернулся. Это были не те колокольчики, и не тот Джон.

— Где Джон? — спросил я.

— Какой Джон? — ответил мужчина, довольно неопрятный мужик, лет на двадцать моложе Джона.

— Тот человек, который работал здесь до вас.

— А-а, тот. Точно не знаю. Ему надо было уехать из города.

— Когда он вернётся?

— Я не знаю. На этой работе люди приходят и уходят. Скорее всего, он никогда не вернётся.

— А кто бы мог знать?

— Можете навести справки в районном отделе.

Я поехал домой, сделал несколько телефонных звонков и, в конце концов, нашёл кого-то, кто помнил Джона. У него, по сути, была та же версия — Джон выехал из города на неопределённый срок и не был уверен, когда вернётся. Он сказал, что надеется, что Джон вернётся скоро, поскольку он был у них лучшим сборщиком пожертвований.

Такого поворота событий я никак не ожидал. Несмотря на то, что я знал Джона всего несколько дней, уже казалось, будто он был старым другом, всегда готовым прийти на помощь, когда я нуждался в нём. Получалось почти так, как будто он был принадлежащим мне джином,... как будто он ещё не пожаловал мне три желания и не имел права брать выходные, пока я от него не добьюсь своего.

— Чёрт побери! — сказал я Элизабет, когда вернулся домой. — Джон уехал, и они не знают, когда он вернётся.

— Ты знаешь, где он живёт?

— Видишь ли, я даже никогда не подумал о том, чтобы спросить его. Кто знает? Может, он просто сидит в какой-нибудь маленькой квартирке на Северной стороне, смотрит телевизор и попивает пиво.

Джон был определённо человеком сюрпризов.

— Но разве же они не сказали, что он выехал из города? Если он настоящий апостол, я не думаю, что он будет лгать.

— Ну, может, он ещё не уехал. Может быть, если бы мы знали, где он живёт, мы бы застали его до отъезда.

— Разве он не сказал, что даст тебе больше намёков через неделю? Неделя со времени вашей первой встречи — это будет следующий четверг. Если он поистине человек слова, то к этому времени вернётся.

— Это только через пять дней. Я хотел поговорить с ним сегодня. Не могу поверить. Мне не терпится снова увидеть Джона больше, чем не терпелось увидеть тебя, когда мы влюбились друг в друга. Никогда не думал, что такое может случиться у меня с другой женщиной и, тем более, с мужчиной, — моё сердце ныло от досады.

Я понял, что сделал заявление, которое, возможно, уязвило Элизабет, и повернулся к ней.

— Прости. Ты знаешь, что ты — самый важный человек в моей жизни. Это просто я почувствовал такую духовную любовь и силу, идущую от Джона. Она казалась такой знакомой и такой благой, а теперь она ушла.

— Я знаю, — заверила меня Элизабет. — Я, вероятно, тоже расстроилась бы, но я чувствую то же самое. Как только ты сказал, что он уехал, я тоже ощутила пустоту, и те дополнительные силы, которые пришли через него, тают. Я не думаю, что смогу опять подняться.

Мне не хотелось снова видеть её слабой. Я схватил её за руку, надеясь, что она сможет сохранить силы, пока не выздоровеет.

— Вот. Давай я подтяну тебя. Ты должна сохранять в себе веру, что ты поправишься.

— Я потянул её, но она не смогла простоять больше нескольких секунд. Она очень сильно тряслась и не могла идти. Я помог ей опять устроиться в кресле-каталке. Я заметил катящуюся по её щеке слезу, когда она произнесла:

— Здорово было денёк хорошо чувствовать себя, но я быстро теряю силы. Думаю, я скоро вернусь к своему обычному состоянию слабости.

— Джон сказал, что это кратковременное чудо должно было придать тебе веру в исцеление. Даже несмотря на то, что оно проходит, нам следует быть признательными за предоставленную возможность увидеть, что чудеса всё ещё могут происходить.

— Возможно, — сказала она, — но вместо веры я чувствую страх. Я боюсь, что больше никогда мы не увидим Джона. Не знаю, почему. У меня какое-то нехорошее предчувствие, как будто внутри что-то оборвалось.

— У меня такое же чувство, — согласился я. — По какой-то причине я ощущаю пустоту, огромную нехватку энергии. Надеюсь, с ним ничего не случилось.

— Если кто-то и в состоянии позаботиться о себе, то, я уверена, двухтысячелетний мужчина сможет, — сказала Элизабет.

— Наверное, это просто мы напридумывали. Нам только надо прожить следующую неделю с верой, что мы его увидим снова не позднее четверга.

— Ты прав, — сказала Элизабет, — мы должны сделать всё возможное, чтобы разгадать первый ключ. Нам надо, по крайней мере, показать ему, что мы приложили максимальные возможные усилия.

— Да, но, думаю, на настоящий момент я сделал почти всё, что мог. Лучшее, что мне удалось придумать, это то, что мы, наверное, боги, как Иисус сказал в Библии.

— Есть ещё один человек, которому ты можешь позвонить. Почему бы тебе не позвонить своему приятелю Лансу в Калифорнии и не прокачать с ним этот же самый вопрос, как с Вэйном?

"Да", — подумал я. Было бы интересно получить мнение Ланса. С Лансом нас связывало долгое прошлое. Довольно долго мы были партнёрами по бизнесу и вместе приятно провели немало времени. Мы также проводили бесчисленные часы за философскими разговорами. Вполне возможно, что он предложит какие-нибудь интересные трактовки первого ключа Джона.

— Это хорошая мысль, — сказал я Элизабет. — Не мешает получить его мнение. Не думаю, что есть какая-либо группа "Новой Эры", с которой бы он не ознакомился.

Поздно вечером мне наконец удалось застать Ланса дома.

— Как дела в большом городе? — спросил я.

— Происходят волнующие события, — сказал он. — Какая жалость, что тебя здесь нет. В эти выходные я провожу семинар. Тебе следовало бы как-нибудь подъехать и посмотреть, чем я занимаюсь.

— Может быть, после того как Элизабет станет получше, — сказал я.

— Как у неё дела? — спросил он.

— Взлёты и падения, — ответил я.

— Передай ей от меня самые лучшие пожелания, — сказал он. — Угадай, о чём мой семинар.

— Я тебя знаю, он может быть о чём угодно.

— Я назвал его: "Вы — Боги: синтез "Новой Эры" и Библии".

Я чуть не выронил телефонную трубку.

— Что побудило тебя выбрать такую тему? — спросил я.

— Ну, как тебе известно, здесь почти все последователи "Новой Эры" думают, что человек является некоего рода богом, который забыл, кто он,... что мы просто должны вспомнить.

— И ты так думаешь? — спросил я с надеждой.

— Да, эта идея по сути правильная. Но что интересно, последнее время я сталкивался с такими религиозными типами, которые цитировали мне Библию вдоль и поперёк. Они говорят, что идея о том, что человек может стать богом, это первая великая ложь Люцифера. Эти типы так меня достали, что я начал опять изучать Библию, чтобы увидеть воочию, что она такая же отсталая, какой её выставляют эти ребята. И знаешь, что я обнаружил?

— Это, вне всякого сомнения, интересно, — подколот я.

— Интересно? Слушай, Библия учит, чёрным по белому, что люди — действительно боги.

— Ты имеешь в виду что-то вроде того, чему учат Мормоны?

— Отнюдь нет. Мормоны по этому вопросу в детском саду и, похоже, теперь уже стесняются говорить об этом учении. Библия не говорит нам, что мы станем богами в каком-то отдалённом будущем, а сообщает, что мы боги прямо здесь и сейчас — очень похоже на многие из учений "Новой Эры". Что меня достаёт — большинство приверженцев "Новой Эры" считают, что всякий, кто верит в Библию или изучает её, пребывает в каменном веке. А верящие в Библию думают, что сторонники "Новой Эры" поклоняются самому дьяволу. Мои исследования выявили гармонию между философией "Новой Эры" и Библией, и, похоже, никто её не видит, вот я и надумал прочитать несколько лекций на эту тему и посмотреть, какой будет интерес.

— Итак, если кто-то спросил бы тебя, кто или что мы, ты бы ответил, что мы боги?

— Это то, что сказал Иисус в Благой книге. И ещё так думает здесь каждый учитель, который вовлечён в "Новую Эру", — сказал он.

Я на минуту задумался:

— Что если бы тебе явился сам Бог и сказал, что этот ответ неверный, и тебе полагается угадать ещё раз? Что бы ты сказал?

— Я никогда не думал, что этот ответ может оказаться неправильным. В нём очень много смысла, — уверенно ответил он.

— Но просто предположим, что он неправильный. У тебя есть ещё какие-нибудь догадки?

— А что ещё это может быть? — спросил он. — В начале был только Бог, и Он сотворил вселенную из Себя. Это значит, что ты сделан из Бога, и ты — часть Бога. Если ты един с сознанием Бога, значит, ты — Бог в той же мере, что и Иисус. В конце концов, Он даже сказал в книге от Иоанна, что нам полагается стать едиными с Богом, как Он сам.

— Ты прав. Иоанн действительно сказал это.

— Да. Из всех авторов Писания, думаю, Иоанн был наиболее выдающимся.

— Я передам это Иоанну, когда увижу его в следующий раз, — сострил я.

— Забавно, — сказал Ланс, не подозревая о правде за моим юмором. — А вообще зачем ты позвонил?

— Чтобы задать тебе вопрос, но ты на него уже ответил.

— Так всегда бывает, когда ты в гармонии со вселенной, приятель, — сказал он, судя по голосу, очень довольный собой.

Мы провели ещё несколько минут, говоря о семье, друзьях и идеях по бизнесу перед тем как распрощаться. Он закончил своей любимой фразой: "Желаю тебе мощного дня!" Я передал разговор Элизабет.

— Похоже, это первое прозрение, — сказала Элизабет.

— Что ты имеешь в виду под "первым прозрением"? — спросил я.

— Я думала, ты читал "Селестинские пророчества". В этой книге говорится об озарениях, которые преобразуют человечество. В первом говорится, что нам следует обращать внимание на совпадения, что они выведут нас на стези, которым нам надлежит следовать.

— Да, теперь вспоминаю, что действительно читал об этом. Это прямо фантастическое совпадение, что и Вэйн, и Ланс — оба дали один и тот же ответ. Особенно интересно, что Ланс ответил на мой вопрос ещё до того, как я его задал. Думаешь, это своего рода знак?

— Похоже, что так.

— Тогда положим, что это знак. Это означает, что нам надо рассуждать в направлении, что мы являемся богами. Если я скажу Джону ответ, что я бог или Бог, будет этого достаточно, или от нас требуется думать глубже?

— Кто знает? — пожала плечами Элизабет. — У меня такой вопрос: если я бог, почему я не могу щёлкнуть пальцами и враз выздороветь?

— Хороший вопрос. Но, судя по тому, что я читал об этом в "Новой Эре", причина в том, что мы — по сути боги, которые забыли, что мы боги. Из-за того, что мы наделены всем могуществом, как боги, а верим в то, что мы — бранные люди, эта вера и делает нас бранными людьми. Когда мы отбросим эту ложную веру, тогда бог внутри нас проявится.

— Итак, всё, что мне надо сделать, это отбросить свою ложную веру, у меня могут появиться силы для самоисцеления?

- Это основное учение современных гуру.
- Звучит слишком просто.
- Действительно, — согласился я, — но простое зачастую бывает самым

правильным.

В тот вечер, когда я пошёл спать, я чувствовал себя очень беспокойно. Я ощущал пустоту с того времени, когда узнал, что Джона не было в городе, но когда я лёг в постель в ту ночь, то моя энергия истощилась даже ещё сильнее. Я чувствовал, как то уходил в небытие, то возвращался в реальность. В конце концов я уснул и увидел необычный сон. Так вот, по моему опыту, некоторые сны — просто сны, но иногда вдруг приходит такой сон, который кажется очень реальным, и ты думаешь, что за ним наверняка стоит реальность.

Я оказался в комнате, окружённый этими плывущими зловредными на вид существами. Лица их были искажены, и они щерились на меня, будто хотели мне навредить. Я искал способ вырваться и обнаружил дверь. Выбежав за дверь, я увидел человека в кресле-качалке, с виду праведного, с доброжелательным выражением лица. Я обернулся и заметил, что злые духи не последовали за мной в эту комнату, и казалось, что добрый человек каким-то образом защищал меня от них.

Я подошёл к этому человеку и спросил: "Кто вы?"

Он оглянулся на меня, и я услышал обращённый ко мне властный голос, который произнёс: "Это мой апостол возлюбленный — Иоанн".

Я изумлённо посмотрел на этого доброжелательного на вид человека. Он был совершенно не похож на моего друга-звонаря, который, как я думал, был апостолом Иоанном. У этого человека были длинные песочного цвета волосы, борода, он был крупного телосложения. Джон был весьма худощав, без бороды, тёмноволосый с лёгкой проседью. Также цвет кожи лица Джона был темнее, чем у этого человека. Этот человек передо мной был несомненно другим человеком — не тем звонарём, которого я знал как Джона. А вот теперь тот голос, который я слышал, который звучал очень властно, говорил мне, что этот другой человек был Иоанном Возлюбленным. Голос этот был чем-то похож на голос Джеймса Ерл Джонса, когда тот говорит: "Это Си-Эн-Эн", вроде того, каким можно представить себе голос самого Бога или Христа.

Я осмелился задать вопрос: "Кто другой Иоанн — звонарь?"

Авторитарный голос ответил: "Самозванец, которого ты встретил, был врагом с начала. Он — принц зла и обмана, который уведёт всех, кто верит ему, в пропасть на погибель. Берегись зла в облике добра. Остерегайся всех тех, кто учит, что люди — боги. Я — единственный Бог", — голос его отдавался эхом, пока я не очнулся от своего сна в изумлении, лёжа в кровати в размышлениях.

Джон в самом деле казался искренним и производил впечатление истинного учителя, и мне никогда не приходило в голову, что он был своего рода дьяволом во плоти. Теперь этот голос, который производил впечатление голоса Бога, показал мне, каким мог быть настоящий Иоанн Возлюбленный, а тот, кого я считал настоящим апостолом, мог быть совсем и не апостолом, а каким-то воплощением дьявола, посланного, чтобы увести меня... куда? Голос сказал "в пропасть на погибель". Это может быть чем-то вроде ада", — раздумывал я.

Складывалось впечатление, что, если этот голос прав, то я буду уничтожен. Если Джон-звонарь был прав, то я продолжу изучение Ключей Знания. Мне не понравился эти альтернативы. Если Джон-звонарь неправ, то я, возможно, потерплю какое-то вечное наказание или гибель... Но если сон был ложным, я могу продолжать учиться Ключам Знания у Джона.

Когда эта мысль пришла мне на ум, я с интересом отметил, что во сне испугался голоса Бога. Я боялся, что он мог быть прав, но не хотел, чтобы он оказался прав. Я вспомнил чувство любви в присутствии Джона-звонаря, особенно, когда он послал мне свои воспоминания и позже учил мою жену. Потом я обдумал то, что чувствовал, когда увидел предполагаемого Иоанна Возлюбленного во сне. Злые духи во сне не последовали за мной в ту комнату, где был Иоанн, и всё казалось мирным, когда я вошёл в ту комнату, где во сне присутствовал Иоанн. Но тот покой был иным по сравнению с умиротворением, которое я ощущал в присутствии звонаря. В присутствии того Джона я чувствовал покой, который пронизывал меня до глубины души, возможно, тот самый "мир Божий, который превышает всякого ума". А в присутствии этого Иоанна во сне мир был такой, какой наступает, когда перестаёт кричать ребёнок. Покой ощущался из-за отсутствия беспокойства, а не из-за какого-либо чувства внутри.

Затем я поразмышлял над голосом Иисуса или Бога, который я услышал, как я думал. Ощущения от этого голоса, казалось, проникали в моё тело снаружи и оттуда пытались добраться до сердца, в то время как звук колокольчиков, который я слышал от Джона, казалось, проникал в самую глубину моего сердца или души и оттуда расходился лучами, пронизывая всё моё существо.

Я вновь сосредоточенно обдумал этих двух Иоаннов и заключил, что главное отличие между ними заключалось в том, что один вызывал чувство страха и ужаса, а другой — чувство любви и умиротворения.

Я думал долго и напряжённо, так как у меня было ощущение, что мне надо было сделать какой-то выбор. После периода абсолютного спокойствия я подумал про себя: "Если мне надо выбрать, я выберу Джона, колокольчики, мысли и слова которого тронули меня за самую душу".

Тотчас же, мгновенно, как только можно себе представить, я ощутил присутствие чего-то около моей кровати. Это было присутствие гигантского зла, в этом я был уверен. Вибрация была такой ужасной и подавляющей, что мне захотелось бежать, но каким-то образом внутри себя я знал, будто какое-то откровение послали мне прямо в мозг, что это могущественное существо из бездны и было тем, кто послал мне этот сон, и кто был обладателем властного голоса. Я как-то знал, что он не знал, что я знал, что он был здесь. Казалось, он стоял у кровати, ожидая, что я "клюну" на иллюзию, которую он создал для меня во сне. Я знал, что правда была открыта мне потому, что я выбрал Иоанна-звонаря, что он был в самом деле Иоанном Возлюбленным, апостолом Иисуса. Мой выбор был верен. Если бы я выбрал другого Иоанна, я бы выбрал представителя тёмной стороны.

Ещё несколько секунд я лежал совершенно неподвижно, затаив дыхание. Я чувствовал, что это существо следило за мной, ожидая ответа. Я ощутил страх — гораздо более сильный, чем когда-либо раньше. Я почему-то боялся, что во власти этого существа было погубить меня, если я не уйду ему. Я провёл ещё несколько минут, успокаивая страх, и сказал себе, что отдам себя в руки истинного Бога, кем или чем бы он ни был. Я неким образом чувствовал, что должен противостоять этому персонажу, который ожидал ответа. "О, Господи, — взмолился я так искренне, как никогда раньше, — что мне делать?"

Тотчас же я почувствовал присутствие другого. Оно казалось очень знакомым. Каким-то образом я знал, что это было присутствие настоящего Иоанна, настоящего Возлюбленного. "О, Джон, ты здесь? — беззвучно спросил я. — Что мне делать?"

Внутренний голос, который, без сомнения, исходил от Джона, произнёс такие слова: "Посмейся над ним".

Я почти что нарушил тишину, изумлённый таким ответом. Он был совершенно неожиданным. Подле моей кровати, возможно, находился дьявол собственной персоной, самое устрашающее существо, которое только можно себе представить, и мне надлежало смеяться над ним! Мне понадобилось ещё несколько минут, чтобы вобрать в себя такое. В конце концов я снова беззвучно спросил: "Ты уверен, что мне полагается посмеяться над этой штукой?"

Ответа не было.

Потом я подумал про себя: "Эй! Что происходит? Я хочу получить какое-либо подтверждение. Может, он увлечёт меня в какой-нибудь огонь и серу, если я насмеюсь над ним. Дай мне знак, что сделать это будет правильно, что мне не грозит опасность".

Ничего.

"Джон! — вскричал я безмолвным воплем, — Мне надо знать, что я не выдумал, что слышал тебя. Пожалуйста, дай мне подтверждение только в этот раз".

Опять ничего.

По какой-то причине я подумал, что мне надо действовать в соответствии с тем, что я уже получил. Я поразмышлял над голосом Джона. Он казался очень реальным, более реальным, чем всё, что я когда-либо ощущал. Моему рассудку просто было трудно это принять. Мне надо согласиться с тем, что представлялось более реальным для моей души, думал я и решил послушаться и посмеяться над незванным гостем, нетерпение которого, как я чувствовал, росло.

Я немного выждал, собрался с духом, приподнялся на кровати и посмотрел в направлении незримого присутствующего. Я подумал о Стивене Райте (моём любимом комике), издал смех, как будто только что услышал хороший свежий анекдот, и сказал вслух: "Ты отменно постарался, сукин сын, но твой дешёвый трюк не сработал! Однако, я нахожу его поистине очень забавным". И я посмеялся ещё немного.

Тотчас же мой смех оборвало негативной силой — мощнее всего, чего угодно, что я чувствовал когда-либо раньше. Это было как будто вихрь отрицательной энергии, что заставило меня вспомнить тасманийского дьявола в шоу "Кролик Багз", с той разницей, что это вселяло ужас, а не развлекало. Я боялся, что эта штука за пару секунд уничтожит моё тело и душу.

Вдруг, со скоростью быстрее света, невидимое существо целиком покинуло комнату, и огонь снизошёл с какой-то небесной сферы и полностью охватил всё, что было мной. Я одновременно был и в огне, и ощущал "мир превыше всякого ума". Я знал, что только Бог мог породить такое чувство. Чувства, которые я испытывал во сне, нельзя было сравнить и с одной миллионной долей ощущений от огня и умиротворения, которые охватывали меня в этот момент.

Пока я наслаждался этим блаженством, ко мне повернулась сонная Элизабет:

— Ты смеялся или мне послышалось?

Я опять засмеялся от радости, которую не мог сдержать:

— Да, моя дорогая, ты в самом деле слышала, как я смеялся. Я чувствую себя слишком замечательно, чтобы не смеяться.

— А ты не мог бы смеяться потише? — попросила она с некоторым раздражением и повернулась на другой бок, чтобы опять заснуть.

— Хорошо, — улыбнулся я, — буду смеяться тише.

Потом я засмеялся таким смехом, который с этой поры стал называть тихим божественным, уплывая в сон — самый мирный, какой я только испытал в жизни.

Глава 11

Встреча друзей

Следующего четверга ждать было долго. У меня был готов миллион вопросов для Джона, но самым важным для меня было просто снова его увидеть. Я хотел поделиться с ним своим сном, хотя и полагал, что он знал эту историю. Проблема теперь состояла в том, что я не был уверен, как связаться с ним. Незадолго до полудня в четверг я поехал к "Альбертсонс" посмотреть, не работает ли он там опять. Я с разочарованием выяснил, что там снова был тот же подменяющий. Конечно, этот подменяющий ничего не знал о том, когда мог возвратиться Джон.

Я вернулся домой, пообедал с Элизабет и поделился с ней своей досадой.

— Ты уверен, что правильно расслышал Джона, что ты увидишь его через неделю?

— Уверен, — сказал я, — но кто знает, какими делами приходится заниматься двухтысячелетнему старцу. Может, ему надо было уехать в Боснию, или случилось что-нибудь ещё.

— Даже в этом случае, если он человек слова, ему следует связаться с тобой сегодня, не правда ли?

— По логике вещей, да. Кто знает! Может быть, из меня не получается хороший ученик, и он махнул на меня рукой.

— Не думаю, — заверила меня Элизабет. — Судя по тому сну, о котором ты мне рассказал, ты, похоже, прошёл какое-то испытание.

— Может, оно и так, — сказал я. — Полагаю, мне бы лучше вернуться к своей работе. Мне надо ехать показывать дом.

Показав дом своему клиенту, я подъехал обратно к "Альбертсонс" и в несколько других мест, где работали звонари. Я искал везде, где только мог придумать, наудачу, надеясь, что Джон был где-то в этом районе. В конце концов, когда мой рабочий день подошёл к концу, я направился домой с мыслью, что связаться со мной было на ответственности Джона. "Будь, что будет", — думал я.

Мы с Элизабет провели тихий вечер вместе. Наконец она перешла к делу.

— Ты больше не думал насчёт первого ключа?

— Я много размышлял, но не думаю, что могу основательно продвинуться вперёд, пока Джон не скажет мне что-либо об идее человека-Бога.

— Что если он скажет, что мы не боги? Ты охватил практически всё остальное. Что ещё осталось?

— Я не знаю. Может, мы просто животные, — саркастически сказал я.

— Может, ты просто шутишь, — сказала Элизабет, — но, я полагаю, мы должны быть открыты для всего.

— Полагаю, что так, — согласился я.

Мы легли спать чуть раньше одиннадцати (что было весьма рано для меня), и я лежал в кровати, пытаюсь уйти в сон, огорчённый тем, что не увидел Джона и ничего не услышал от него.

Затем, когда я погрузился в сон, я услышал колокольчик.

Колокольчик?

Я мгновенно проснулся.

— Я слышал колокольчики! — прокричал я Элизабет.

Она проснулась.

— Колокольчики? Это, должно быть, Джон.

— Да. Это наверняка Джон. Но сейчас, когда я проснулся, я их не слышу.

— Ты всегда слышишь их, когда ты близок ко сну. Постарайся опять заснуть.

— Ты права. Я попробую это, — сказал я. Я пытался снова уснуть, но сон бежал от меня. Через некоторое время я сказал:

— Я не смог бы сейчас спать, если бы от этого зависела моя жизнь.

Элизабет вздохнула:

— Почему бы тебе просто не попробовать полежать спокойно и настроиться.

Может, Джон что-нибудь тебе пошлёт.

— Я попытаюсь, — сказал я. Я неподвижно лежал и пытался настроиться на своё внутреннее я. Поначалу ничего не произошло, затем едва-едва я опять услышал колокольчики. Каким-то образом я знал, что мне следовало сконцентрироваться на звуке, что я и сделал. Когда я сфокусировал внимание, звук стал отчётливее, и у меня в голове сформировалось изображение Джона. Я видел, как он пил чашку кофе в "Денни", сидя в точности на том же месте, где мы беседовали раньше. Почему-то я знал, что он сидел там, ожидая меня.

— Он в "Денни"! — воскликнул я, вставая с кровати и направляясь за своей одеждой.

— В "Денни"? — спросонья спросила Элизабет.

— В "Денни", — твёрдо сказал я. — Я сейчас поеду туда. Может быть, надолго, так что не волнуйся за меня.

Элизабет повернулась ко мне и окликнула:

— Дорогой.

— Да?

— Поблагодари опять Джона за то, что он дал мне веру. Хоть даже я потеряла те дополнительные силы, у меня теперь есть надежда выздороветь.

— Я передам ему, — сказал я.

Через несколько минут я уже подъезжал на машине к "Денни". Я задумался нал тем, было ли в "Денни" чем-то особенное, или это кафе было просто удобным местом. Что ж, этот вопрос был далеко не первым по списку. Входя в ресторан, я отметил, что на настенных часах было без одной минуты двенадцать. Я поспешно прошёл в тот угол, где мы встречались раньше, и вот он попивал кофе, и выглядел в точности так, как я мысленно видел его несколько минут назад.

— Джон, — сказал я, протягивая руку, — никогда раньше я не бывал так рад кого-то встретить!

Джон улыбнулся, когда я сел.

— Не всякий начинающий ученик чувствует такое, — сказал он. — Ты уверен, что я не принц зла и обмана, твёрдо решивший увести тебя в какой-нибудь вечный ад?

— Значит, ты всё знаешь про сон?

— Да. Он не был неожиданностью. Он играет подобную шутку с каждым из моих учеников, которые подают надежду.

— Он? Кто он?

— А кто, ты думаешь, он?

— Ну, я знаю вот что. Кем бы он ни был, он был в состоянии прикинуться агентом Бога; тем не менее, когда я ощутил его истинную натуру, то это была невообразимо зловещая вибрация. Если дьявол существует, то он наверняка им и был.

Джон улыбнулся:

— Во времена Иисуса мы не употребляли это глупо звучащее слово "дьявол". Мы звали его "Супостат". Слово "сатана" в еврейском тексте значит "противник". Сегодня мы назвали бы кого-то вроде Гитлера, Саддама или террориста супостатом или врагом, но было бы глупо звать их дьяволами. В то время мы не употребляли слова-страшилки, легковесные слова или сказочные слова. Мы имели дело с реальными энергиями, реальными существами и реальными ситуациями. Религиозные авторитеты тех дней и были теми, кто боялся мнимых страшилищ.

Я кивнул.

— Я могу определённо сказать, что то существо было "супостатом". Я знал, что он хотел уничтожить меня, когда узнал, что я увидел его истинную сущность.

— Он всё ещё хочет тебя уничтожить. Ты его по-настоящему взбесил, когда насмеялся над ним, — рассмеялся Джон.

— Ты велел мне это сделать! — воскликнул я. — Я не осознавал, что просто бесил его. Только этого не хватало — врага огромной силы из преисподней, — нахмурился я. Джон задумался на секунду, изучая моё лицо.

— Пока ты будешь находиться на стороне света и истины, он будет твоим смертельным врагом со всей имеющейся у него мощью.

Затем, ухмыльнувшись, произнёс:

— Я полагаю, тебе также придётся окапываться, когда сможешь.

— Это не похоже на подставление другой щеки, — парировал я.

— Как сказал Соломон, всему своё время и место. Посредством своего контроля над агентами здесь на Земле, он добился того, что меня убивали и пытали около двадцати раз. Последний раз меня повесили на рояльной струне, первый раз меня сварили в масле. Одного только этого достаточно, чтобы заслужить награду посмеяться над его поражением. Тебе никогда не понять радости, которую ты мне доставил, когда последовал моим инструкциям.

— Думаю, мы его действительно здорово затрахали, — я нервно засмеялся.

— Это не богоугодный термин, — пожурил меня Джон, — но выразиться лучше я бы не смог.

Я отхлебнул кофе.

— Я всё-таки нервничаю из-за этого. Он может попытаться отыгаться на мне.

Боже, будто у меня не хватает проблем в жизни!

— С того момента, как ты раскусил его иллюзию и прошёл испытание, ты стал заклятым врагом. Но не волнуйся. Он не сможет тебе навредить, если ты будешь следовать свету истины и Святому Духу внутри тебя. В настоящий момент ты следуешь самому высокому из того, что знаешь, и ты полностью защищён. Но во времени и пространстве есть точки, вроде точек акупунктуры на теле. Когда доходишь до одной из таких точек, она предоставляет возможность и для добра, и для зла. Например, прошлой ночью тебя посетила мощная сила зла, а также и могущественная добрая сила. Огонь, который ты чувствовал, был тем, что мы обычно называли "крещение огнём". Если ты движешься вперёд, то обязан рисковать возможностью пойти назад.

— Что бы случилось, если бы я попался на эту иллюзию?

— Я бы сдержал своё слово и встретился с тобой сегодня, но из-за того, что ты не прочувствовал бы духовного огня, ты бы отверг меня и те знания, которое у меня припасены для тебя.

— Тогда я бы стал каким-то слугой зла?

— Не в том смысле, каком ты думаешь, — ответил Джон. — Такое бы произошло, если только у тебя на сердце были бы очень эгоистичные намерения. То, что он стремится делать с хорошими в общем людьми — это нейтрализовать их. После того как они нейтрализованы, он обычно оставляет их в покое и переходит к другим делам. Только если человек погружается в пучину великой иллюзии и эгоизма, тогда он может быть осознанно использован Тёмными Братьями.

— Кто такой этот Супостат, и кто такие Тёмные Братья?

— Они просто как ты и я, — ответил Джон. — Они наши братья, но очень своенравные братья. Как тебе известно, во всём должна быть противоположность. Если имеется видимость положительной силы, то эта видимость может сохраняться, если существует видимость отрицательной силы.

— Почему ты употребляешь термин "видимость"?

— Потому что положительное и отрицательное является реальным для тебя в этом мире, но в реальности более высокого уровня существует только одна энергия, и это Бог. В целях обучения важно, чтобы мы имели дело с той реальностью, в которой находимся. Если ты попытаешься разгадать загадки более высокой реальности прежде, чем поймёшь свою собственную, ты можешь запутаться в иллюзии, из-за чего окажешься далеко позади простого реалиста.

Я кивнул:

— Я действительно заметил, что многие умные мечтатели, похоже, ничего не свершают, в то время как тупоумный работяга зачастую достигает удивительно многого.

— Над твоим утверждением стоит подумать, — ровно сказал он. — Я, должно быть, натолкнулся на что-то важное для своего движения вперёд.

— Что, эти Тёмные Братья горят в аду, как рассказывают нам проповедники?

— Они живут в мире без славы, но с иллюзией славы. Чтобы понять, что это значит, ты должен разгадать будущий ключ.

Он подвинулся на стуле и стиснул руки:

— Скажем так. Внутри у каждого из нас есть искра божественного. Когда ты следуешь этой искре, твоя слава, свет, истина и сила любви увеличиваются. Существуют некоторые очень эгоистичные индивидуумы, которые посредством сознательных усилий полностью отгораживают себя от душевного контакта. После этого они полностью отвергают всё хорошее и истинное. Поскольку они — сознательные существа без настоящего духовного контакта, их сознание создаёт мир, являющийся сплошной иллюзией, без истинного света и истинной славы. Они верят, что истинный духовный уровень, созданный Богом, является иллюзией, и что они открыли или создали единственную настоящую реальность. Из-за того, что эта ложная вера столь реальна, у них нет выхода, и всё это делает их индивидуумами в состоянии смерти и распада. Эта затянувшаяся смерть зачастую длится много лет, но после того как она наступит, эта искорка, которая и есть их истинное "я", продолжит существование, и этот человек будет вновь воссоздан на Земле, которая ещё даже не существует.

— Тягостное учение, — ответил я. — Это значит, что горения в аду нет?

— В каком-то смысле есть, — ответил он. — Когда человек отвергает свет, окружает себя иллюзией и затем вступает в контакт с истинным светом, это вызывает духовную боль, вроде как от огня. Как ты думаешь, почему Супостат так быстро удрал, когда Дух снизошёл на тебя в ту ночь? Свет и огонь Духа причиняли ему такую боль, какую тебе и не представить. Даже хотя ему превыше всего хотелось уничтожить тебя, он был вынужден немедленно уйти.

— Это был самый стремительный уход, который я когда-либо видел, — кивнул я.

Джон продолжал:

Когда люди умирают и отправляются в мир иной, они пребывают с другими, свет которых схож с их светом. Многие расстраиваются, когда осознают, за сколь малым светом следовали на этой Земле, и желают идти выше. Это желание ведёт их ближе к присутствию большего света, и это для них очень мучительно. Они хотят двигаться к свету, но приближение причинят боль, как от огня, так что они в аду двояко. Им приходится жить с другими, свет которых меньше, и которые составляют не слишком приятную компанию, и, во-вторых, желание вырваться ведёт их к жгучей огненной боли.

— Они навечно застревают в такой ситуации?

— Нет. Для их прогресса приготовлен путь, но мы можем потратить дни на эту тему. Давай двинемся вперёд.

Джон кивнул проходящей мимо официантке принести ещё кофе.

— Сначала у меня есть ещё один вопрос, — продолжил я, когда она ушла.

— Давай.

— Где ты был? Я не ожидал, что ты так исчезнешь.

Джон нахмурился:

— На самом деле, я тоже этого не ожидал, но я понадобился моему Господину.

— И это будет...?

— Кто, ты думаешь?

— Иисус? — с изумлением спросил я.

— "Иисус" — это современное произношение имени, которое он носил две тысячи лет назад в Палестине. Конечно, проповедники этой эпохи привержены ему, но те, кто входил в Его узкий круг, просто звали Его "Христос", обращаясь к Нему. Когда мне представляется возможность говорить с ним на личном уровне, как сейчас с тобой, я просто зову Его "Джошуа". Изначальное произношение имени Иисуса было вроде "Ияисусе", но это имя теперь весьма устарелое. Пару сотен лет назад он решил использовать "Джошуа" — английский перевод еврейского эквивалента "Иисус", поскольку это имя всё ещё общеупотребительно.

— Джошуа Христос, — улыбнулся я. — К этому не скоро привыкнешь.

— Он не думал употреблять имя "Иисус", кроме как с целью отождествления личности. Всякий раз когда он слышит, как какой-нибудь проповедник произносит или выкрикивает это имя с эдакой религиозной гнусавостью, Он съёживается от отвращения.

— Знаешь, мне всегда было интересно, что Иисус думает о том, как проповедники кроваво расправились с его именем.

Джон на мгновение задумался:

— Будет раскрыто много тайн, связанных с Иисусом, как вы его зовёте, и Христом. Я знаю Его под двумя Его именами, и у Него есть третье, которое знает только Он.

— Какое второе имя, которое ты знаешь?

— Я не могу сказать тебе без Его разрешения, — ответил он тихо.

— Какова цель иметь более одного имени?

— На сегодняшний день я не могу тебе сказать. Это знание содержится в одном из ключей, который ты выучишь в будущем. Я могу рассказать тебе немного о термине "Христос". Это не часть Его имени, а название должности. Наиболее просвещённый учитель, связанный с человечеством на этой планете, занимает эту должность и зовётся "Христос". Джошуа не всегда будет занимать этот пост. Примерно ещё через тысячу лет Он покинет эту солнечную систему, и позицию Христа займёт близкий ученик. Титул Христа без определённого указания на Христа используется многими учениками, которые разделяют друг с другом то, что было названо сознанием Христа. Я — тот, кто может свободно пользоваться именем Христа для себя, при условии, что тот, с кем я общаюсь, не принимает меня ошибочно за мастера-учителя. Тем, кто носит имя Христа, не разрешается преднамеренно обманывать, а неправильное применение этого титула может создавать обман. Самообман, однако, будет часто происходить из-за неправильной интерпретации учения, передаваемого учителями.

— Так почему тебя вызвали столь внезапно? — прощупал почву я.

— Был экстренный случай, — Джон выглядел серьёзным.

— Можешь мне что-нибудь рассказать о нём?

— Немного. Я могу тебе сказать, что сложилась ситуация, когда у неких террористов появилась возможность заполучить ядерное оружие, которое было бы заложено в Вашингтоне, Ди-Си. Это событие не входило в планы и должно было быть предотвращено.

— Что ты сделал, чтобы предотвратить его?

— Даже если бы я и мог тебе сказать, у меня нет времени вдаваться в подробности. Джошуа нуждался в моей помощи, и, к счастью, я мог помочь. Ценой огромной жертвы мне удалось сделать так, чтобы эта встреча с тобой состоялась. Там остались ещё кое-какие мелочи, и мне придётся вернуться, чтобы заняться ими.

— Что, спасение мира от ядерного нападения — это то, чем тебе часто приходится заниматься? — съязвил я.

— Последний раз у нас произошёл кризис, похожий на этот, в начале восьмидесятых, когда учёные работали над нейтронной бомбой. Доведённая до совершенства, в то время она стала бы слишком большим соблазном для любой нации, так что этот вид оружия наряду с несколькими другими надо было сдерживать.

— Что, вы осуществляете контроль сознания людей, чтобы избежать катастроф?

— Ученики Христа или Братство Света никогда не давят на сознание человека. Мы обязаны чтить свободу воли. С другой стороны, Тёмные Братья будут использовать силу всегда, когда чувствуют необходимость, и когда имеется возможность. Подчас они убеждаются, что им всего лишь надо создать небольшую иллюзию, чтобы делать с народными массами всё, что они хотят.

Джон остановился на мгновение,

— Тебе здорово удалось отвлечь меня, а нам надо продолжить заниматься твоим образованием. Ты хотя бы помнишь вопрос, который я поставил перед тобой на прошлой неделе?

— Думаю, так или иначе, я уяснил его. Он: "Кто или что я?".

— Я доволен, что ты запомнил точную формулировку. А теперь ты сможешь дать мне ответ?

— Ну, — нервничая, сказал я, — с небольшой помощью своих друзей и Евангелия от Иоанна, которое, я думаю, написал ты, я заключил, что люди — боги.

— Итак, ты бог с заглавной буквы "Б" или со строчной "б"?

Я на секунду запнулся.

— Ну... Мормоны говорят, что мы становимся богом с маленькой буквы, а "новоэровцы" говорят, что мы Боги с большой буквы.

— А что ты скажешь?

— Хорошо, — я опять споткнулся, прочищая горло, — если я един с Богом, значит, я должен быть Богом с большой буквы. Звучит дико, когда произносишь такое, но это мой ответ.

— Ты уверен в этом ответе?

— Вроде.

— Что заставляет тебя быть "вроде" уверенным?

— У меня было несколько совпадений, указывавших мне в этом направлении. Я решил, что они наверняка произошли не случайно.

— Значит, тебе было несколько знамений, ведущих тебя в этом направлении? — улыбнулся Джон.

— Полагаю, можно сказать так, — ответил я.

— Ты читал, что Мастер сказал о знамениях?

— Думаю, он говорил кое-что, не правда ли?

Джон опять достал свою старую Библию и открыл на шестнадцатой главе "От Матфея".

— Читай стих четвёртый, — сказал он, пихая мне книгу.

Я осторожно взял старинную книгу и прочитал: "Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет..."

Я чуть не выронил книгу.

— Я помню, читал этот стих, но никогда не задумывался над ним в том контексте, который у меня в голове сейчас. Я думал, ответ, что я Бог, мог быть правильным благодаря знамениям, но Иисус говорил, что порочные ищут знамений.

— Ты не искал знамения активно, — обнадежил меня Джон, — но несколько их открылись тебе, и ты решил, что они что-то значат.

— Так ты говоришь, что они ничего не значили? — спросил я, немного расстроившись.

— Это верно, что у каждого случая есть причина или резон, — ответил Джон, — но когда люди видят совпадения, то они зачастую придают им гораздо больше значения, чем следовало бы. Предположим, ты бросаешь кость сотни раз. Рано или поздно выпадет семь три раза подряд. Есть в этом глубокий смысл, или это произошло просто потому, что ты бросал кости много раз, и закон средних говорит, что в конце концов у тебя выпадет три раза по семь?

— Значит, ты говоришь, что совпадения просто случаются время от времени?

— В общем, так оно и есть, но иногда совпадения подстраиваются силой свыше. Но обычно бывает, что, когда совпадение случается у суеверной личности, в нём видят гораздо больше, чем реально обосновано.

— Итак, тот факт, что и Вэйн, и Ланс, и этот Тёмный Брат упоминали человека и богов, был простым совпадением и ничего не значил?

— Не совсем, — ответил Джон, — ты, Вэйн и Ланс были друзьями многие годы, и поэтому настраиваетесь на частоты друг друга, и у вас многие мысли общие. Это значительно увеличивает шансы того, что вы придёте к одинаковым выводам по разным вопросам. То, что произошло с вами тремя, оказалось совпадением в гораздо меньшей степени, чем ты думал. Ты искал ответ и был счастлив, что наконец, как тебе показалось, что-то прыгнуло тебе в руки. Однако, то, что Тёмный Брат уцепился за это, совпадением не было. Это отвечало его цели.

— Так как же тогда насчёт ответа, — спросил я. — Он правильный или нет?

— Давай вернёмся немного назад, — сказал Джон, сплетя пальцы. — Как ты думаешь, почему Джошуа сказал, что порочное и прелюбодейное поколение ищет знамения? Так вот, на самом деле, "порочный" — значит "обманутый", "дезинформированный", "сбитый с толку". Итак, каким образом дезинформирован тот, кто ищет знамение?

— Я никогда не думал о том, чтобы рассматривать знамение в негативном свете. Большинство людей считают знаки положительным обстоятельством.

Джон молчал, очевидно ожидая лаконичного ответа. Я продолжал:

— Хорошо. Надо подумать. Если мы используем знаки для руководства жизнью, то мы используем нечто вне нас. Может, нам полагается смотреть внутрь.

Джон улыбнулся:

— Всё-таки на тебя есть надежда. Думаю, твой свет усиливается. А теперь скажи, что прелюбодейного в поисках знамений для руководства?

— Это трудный вопрос. Я не вижу тут какой-либо связи.

— Здесь полно аналогии, — сказал Джон. — Ответь мне: "Что такое прелюбодейание?"

— Это когда человек предаёт своего партнёра по браку и вступает в половую связь с кем-то ещё, — ответил я.

— И кому надлежит быть твоим духовным партнёром по браку?

— Ты имеешь в виду кого-то, кроме моей жены во плоти?

— Да.

— Может, это Бог?

— Ты прав. Это учение прослеживается повсюду в Библии. Израильтян называют "Невеста Иеговы" по всему Ветхому Завету, а церковь зовётся "Невеста Христа" в Новом Завете. И Израиль, и церковь являются символами тех, в ком есть Дух Божий. Итак, как невеста Христа творит прелюбодейание?

— Может, оставляя Бога и опираясь на что-то другое или объединяясь с чем-то ещё или с другим Богом.

— Очень близко, — сказал Джон. — Брат Света чувствует Дух Божий внутри себя, и он берёт на себя обязательство следовать ему и быть единым с ним, подобно супружеским отношениям. Если он активно ищет знак извне как основной источник руководства к действию, это вызывает смещение внимания прочь от Духа. Таким образом, его Богом становится ложный Бог извне, а внутренний Бог игнорируется и предаётся. Он совершает прелюбодейание против своего единственного истинного источника руководства, что воздвигает чёрную стену между его личностью и Богом внутри.

— Чрезвычайно занятно, — сказал я, снова чувствуя себя Споком. — Значит, "новоэровцы", которые всегда учат про Бога внутри нас, и в то же время постоянно ищут совпадений и знамений, на самом деле учат одному, а делают другое?

— Они в этом не одиноки, — улыбнулся Джон. — На другом конце спектра наиболее религиозные люди тоже ищут знаки, а не ответа Бога на молитвы, чему они, как утверждают, учат.

— Так что, нам следует искать все ответы внутри себя?

— Не совсем. Это означало бы, что окружающий мир не имеет смысла или цели. Назначение внешнего мира в том, чтобы стимулировать тем, что мы испытываем на опыте, а назначение внутреннего — подтверждать. Без внешнего мира нет ничего, что надо удостоверять, а без внутреннего нет источника для установления точки истины во всём.

— Тогда мне кажется, что религиозные фундаменталисты ищут ответы на свои вопросы извне, а "новоэровцы" пытаются искать внутри, но и те, и другие слишком фокусируются на одной из крайностей.

— Ещё один хороший ответ, — улыбаясь, сказал Джон. — А теперь ты захочешь, чтобы я сказал, правильный ли твой ответ.

— Всю неделю мне страшно хотелось это узнать, — я подался вперёд от нетерпения.

— Давай-ка закажем ещё по чашечке кофе, и мы исследуем твои мысли.

Глава 12

Боги для нас

Джон сделал глоток свежего кофе и сказал:

— Ну, а теперь дай мне свой ответ.

— Я решил, что этот ответ обязан быть хорошим, поскольку он — это непосредственная цитата Иисуса, или Джошуа, как ты его теперь зовёшь, и это было написано тобой в книге "От Иоанна", главе десятой. Там Иисус сказал: "Вы боги".

Джон улыбнулся и сказал:

— И каков ответ на вопрос: "КТО ИЛИ ЧТО ТЫ?"

— Думаю, люди есть боги, — поостыв, ответил я.

— Я постоянно прошу тебя прислушиваться к точной формулировке моих слов.

Вопрос таков: "Кто или что ты?", а не: "Кто люди?" Теперь обдумай вопрос и вновь дай ответ.

— Ну, я думаю, я Бог или бог, — сказал я.

— Который из них? Ты Бог или бог?

Я не ожидал, что ответ окажется таким нескладным. Я попробовал опять:

— Мормоны говорят: "бог", а "новоэровцы" говорят просто: "Бог".

— А что говоришь ты?

— Думаю, я Бог, — сказал я с несколько странным чувством.

— Тогда мне следует тебе поклоняться? — ухмыльнулся Джон.

— Нет! Конечно, нет! — воскликнул я.

— Тогда ты уверен, что ты Бог?

— Я не уверен, — ответил я безвольно, — может, я просто бог.

— Значит, ты бог, — Джон снова улыбнулся, и его взгляд выдавал, что он знал что-то, находящееся за пределами моего понимания. — Тогда ты наверняка наделён огромным могуществом. Почему бы тебе левитацией не поднять в воздух вон ту официантку, чтобы продемонстрировать мне своё могущество? А ещё лучше, почему ты не щёлкнешь пальцами и не исцелишь свою жену?

Его последние слова пронзили меня до глубины души. Ничто не изобличало моё бессилие больше, чем тот факт, что я был не в состоянии помочь своей собственной жене. "Какой же я дурак, — подумал я про себя. — Если я Бог или бог, я бы смог излечить свою жену". В сильнейшем душевном волнении, я опустил глаза в пол. Я ощущал себя никем, не то что богом.

Джон с сочувствием смотрел мне в глаза.

— Я не хотел задеть твои чувства. Я просто хотел завладеть твоим вниманием.

— Это у тебя здорово получилось, — сказал я. — Да, я чувствую себя дураком. Я бог не более, чем вот эта пепельница. Если бы я был мизинцем ноги Божьей, я бы исцелил Элизабет. Похоже, я ничего не могу для неё сделать и чувствую себя ничтожеством.

Такого волнения я не ощущал уже многие годы.

— Не позволяй эмоциям отвлекать твой взор от истины, — мягко сказал Джон. — Настоящий искатель истины должен быть отчасти Споком, отчасти капитаном Кирком, и притом обладать решительностью Боунса.

Я рассмеялся.

— Рад, что поднял тебе настроение. Что тут смешного?

— Да вот, представил себе картину: Иоанн Богослов смотрит "Звёздный путь". И меня поразило, насколько это комично — вроде Иисуса, поющего рэп.

Забавно, как подчас можно переключиться с одного чувства на другое, если что-то попадает в нужную точку.

Впервые за время моего знакомства с Джоном, он, казалось, пришёл в недоумение:

— Я должен спросить Джошуа, исполнял ли он рэп в последнее время, — сострил Джон. — А теперь вернёмся к теме. Тебе надо быть отчасти Споком и отчасти капитаном Кирком, чтобы найти истину. Эмоции зачастую переворачивают правду вверх ногами.

— Так мой ответ о том, что я Бог, был правильным или нет?

— Он не был правильным.

— Значит, на самом деле мы не боги?

Джон сделал паузу и сказал:

— А твой ответ, что ты человек, был правильным?

— Ты сказал, что нет.

— Но ты человек?

— Да... То есть, ты хочешь сказать, что мой ответ мог быть правильным, но неверным?

— Совершенно верно. Мы зовёмся людьми, но, так как человек не знает, кто он, то называя себя человеком, он по сути не привносит никакого знания о себе, не так ли?

— Похоже, так и есть.

— Если я скажу, что ты Бог, а ты не знаешь, кто или что есть Бог, это ведь не прибавит тебе знания, не так ли?

— Да.

— Ты, на самом деле, не узнаешь ни на толику больше о том, кто ты, чем ты уже знал, после того как я скажу тебе, что ты Бог.

— Кажется, я понимаю, куда ты клонишь. Ты говоришь, что я должен ответить на этот вопрос чем-то, что по-настоящему скажет мне, кто я. Если я плоть, и я не знаю разницы между плотью и силиконом, я мог бы запросто сказать, что я — силикон. Мой ответ ничего не значит, если я не знаю, что такое плоть.

— Хорошо, друг мой. Может, я использую твой пример для своего следующего ученика. Да, твой ответ должен что-то значить. Говорить, что ты человек, Бог или сын Бога, может и верно, но, если ты не в состоянии объяснить, что эти термины означают, они остаются лишь этикетками без смысла и истинной информации.

Обозлённый тем, что всё ещё не знаю ответа, я заявил:

— Перед тем, как мы двинемся дальше, я хотел бы, чтобы ты разъяснил эту цитату из десятой главы книги "От Иоанна". Среди верующих идёт горячий спор о том, действительно ли Иисус говорил нам, что мы боги.

— К какому заключению ты пришёл?

— Похоже, что Иисус действительно говорит нам, что мы боги.

— Ты прав. Я на самом деле несколько раз был в Его присутствии, когда Он приводил этот довод. После того как Он приобрёл дурную славу в Иерусалиме, к Нему часто обращались религиозные власти, которые слышали, как их последователи выражали веру в то, что Он был или мессией, или богом, или Сыном Божьим, или древним пророком, вернувшимся из мёртвых либо заново рождённым. Часто они говорили с Ним, источая яд, произнося что-то вроде: "Ты думаешь, ты кто, сын Бога?"

Тогда Он отвечал им примерно так: "И что с того, что я в самом деле говорил, что я сын Бога? Почему вы поднимаете шум по этому поводу, в то время как ваш собственный закон Божий в псалмах и писаниях Моисея называет вас богами. Если богами зовутся те, кто всего-навсего получили писание, почему вы считаете, что, когда я говорю, что я сын Бога, то это такое серьёзное заявление?"

Вот, давай посмотрим Псалтирь.

Джон раскрыл свою старинную Библию на псалмах.

— Первый стих интересующей нас главы говорит: "Бог стоит в собрании могущественных; СРЕДИ БОГОВ суд произносит..." Кто эти боги, среди которых Он судит? Это говорится в стихе шестом, который звучит так: "Я сказал: "Вы боги", и все вы — сыны Всевышнего".

Здесь говорится, что боги, которых судит Бог, это те, кто получил писания, как говорил Иисус. На самом деле, в писаниях Моисея есть множество примеров, когда людей, вершащих суд над людьми, называли богами. В современных Библиях они как правило переведены неправильно, но если ты воспользуешься симфонией, содержащей слова на иврите, из обычного христианского книжного магазина, то сможешь доказать себе, что действительно, снова и снова, судей называли богами. Я запишу эти ссылки, чтобы ты сам мог их посмотреть.

Джон настрочил ссылки передал их мне. Там было написано: "Исход 21:6, Исход 22:8-9".

— Вот, везде, где слово "судьи" упоминается в этих стихах, оно происходит от еврейского "Элохийм", того же самого слова, употребляемого в качестве Бога, сотворившего небеса и Землю. Интересно, что его правильно перевели в Библии короля Джеймса, в книге "Исход", главе двадцать второй, стихе двадцать восьмом.

Он подал мне её, и я прочитал: "Не поноси богов, не проклинай правителя народа".

Джон предложил толкование:

— Правителем народа был Моисей, а богами были Моисей и судьи. Поэтому Давид в псалмах называл Бога "тем, кто судит среди богов".

Я добавил:

— Христиане-фундаменталисты думают, что Псалтирь 81:7 опровергает мысль, что люди являются богами. Вот, я прочитаю: "Но вы умрёте, как человеки, и падёте, как всякий из князей". Поскольку этот стих следует сразу за утверждением: "вы боги", они говорят, что "вы боги" — это издёвка.

— Ну а тебе как кажется?

— На мой взгляд, похоже, что Давид говорил, что они были богами, которые вели себя, как простые люди.

— Правильно. А теперь обратись к Исходу, главе четвёртой, стиху шестнадцатому, и читай.

Я прочитал: "И будет говорить он вместо тебя к народу; итак, он будет твоими устами, а ты будешь ему вместо Бога".

Джон пояснил:

— Здесь говорится о велении Аарону стать представителем Моисея и говорить от его имени. Однако, перевод про Моисея плох. На иврите это звучит так: "Ты будешь ему (Аарону) богом".

— Я вижу, почему твоя жизнь, от жизни к жизни, в опасности, — заметил я. — Могу поспорить, что ты заставляешь кое-кого из религиозных людей нервничать, когда ты толкуешь Писание.

Джон улыбнулся.

— Правда не осознанная, и ясно преподнесённая, может вызвать сильное потрясение. Джошуа, или Иисус, был большим мастером по этой части. Библия не отдаёт должное тому, как он разъярил религиозных авторитетов своего времени.

— Могу себе представить, — кивнул я. — Итак, на настоящий момент, из нашей беседы выходит, что ты говоришь мне, что мы боги — в точности, как говорится в Писании, но принятие этого по сути не говорит нам, кто мы, так что это не есть ответ на твой вопрос.

— Верно. Ты и Бог, и бог, а с другой точки зрения, ты становишься богом, но ни одно из этих утверждений не более, чем просто слова для тех, кто их цитирует. Я дам тебе намёк, который поможет тебе лучше понять, что такое Бог. Прочитай Первое послание к Коринфянам, главу двенадцатую, и расскажи мне на следующей неделе, к чему придёшь. Вот, давай я запишу эту ссылку рядом с другими.

— Я обратил внимание, ты много цитируешь из Библии, — заметил я, пока он писал. — Что ты думаешь о других Священных писаниях и философиях мира?

— Я часто пользуюсь Библией, поскольку в этой части света она имеет большой вес. Во всех Священных писаниях и философиях есть доля правды. Я знаком со многими из них и учил с помощью многих из них. Теперь, возвращаясь к теме, у тебя есть ещё какие-либо другие соображения по поводу того, КТО ИЛИ ЧТО ТЫ, перед тем как я дам тебе следующую подсказку?

Я немного подумал:

— Значит, по существу все мои ответы правильные, но они просто ничего не значат. Я — человек, я — душа, я — сын Бога, или даже я бог, или может даже Бог в каком-то тайном эзотерическом смысле, но ни одно из этих утверждений не сообщает ничего, кроме некой туманной мысли. Правильно?

— Совершенно верно. Сможешь додуматься до ответа на этот вопрос, который действительно будет для тебя что-то значить?

— Не уверен, что смогу выдать что-либо вразумительное прямо сходу. Почему бы тебе не дать мне следующий намёк, и я обдумаю его на следующей неделе?

— Хорошо, друг мой. Вот он. Чтобы лучше понять, кто или что ты, полезно знать, чем ты не являешься. Думаю, ты уже заключил, что ты не есть твоё тело, что тело всего лишь транспортное средство для того, что является настоящим тобой.

— Да, я вполне принял это.

— В точности так же, как у тебя есть машина, которая возит тебя по разным местам, у тебя есть тело, которое не является настоящим тобой, являющееся средством передвижения, которое переносит тебя в разные места. Настоящий ты управляешь этим транспортным средством. Чего многие не понимают, так это того, что у настоящего тебя есть и другие транспортные средства помимо твоего физического тела.

Есть ещё две вещи, которыми ты не являешься: ты — это не твои эмоции, и ты — это не твой ум. Напротив, они являются двумя другими транспортными средствами, которыми ты пользуешься, чтобы перемещаться с места на место. Вопрос всё тот же: если ты не твоё тело, не твои эмоции и не твой ум, то что остаётся? КТО ИЛИ ЧТО ТЫ?

— Интересно, — задумался я. — Многие философы-дилетанты, вроде меня, сознают, что мы — это не наши тела, но большинство считают наши чувства и мысли частью нашей вечной натуры. Но ты говоришь, что они не являются частью истинных нас, а только средствами передвижения?

— Правильно, — ответил Джон. — Поразмысли над этим и над теми стихами из Библии, которые я тебе дал, и мы вновь встретимся здесь в "Денни" на следующей неделе в полночь.

— Ты вернёшься к своей работе звонарём? — спросил я.

— Возможно, мне придётся бросить её до конца сезона, — сказал он. — Джошуа требуется моя помощь в принятии определённых мер предосторожности против какого-то терроризма, у которого имеется потенциальная возможность помешать замыслам Бога на Земле. Что бы ни произошло на Земле на твоих глазах в течение нескольких последующих лет, я хочу, чтобы ты знал, что без нашего вмешательства всё было бы намного хуже. Будем надеяться, что за несколько недель мы возьмём события под контроль. Не задавай мне об этом никаких вопросов. На сегодняшний день я могу раскрыть тебе немного.

— Создаётся впечатление, что ты духовный Джеймс Бонд, — улыбнувшись, сказал я.

Джон едва заметно улыбнулся в ответ.

— Элизабет просила передать тебе, что она очень благодарна тебе за то, что ты дал ей надежду.

— Как она?

— На короткое время к ней вернулись силы, но теперь она чувствует себя, как раньше или, может, хуже.

— Узнай у неё для меня вот что, — сказал Джон. — Спроси её, обнаружила ли она свои страхи и мысли, которые скрывала от самой себя, и научилась ли она отправлять их в нужное место?

— Я спрошу, — сказал я.

Джон встал, будто собирался уходить. Он вытащил красный носовой платок из кармана и подал его мне.

— Скажи ей, чтобы она тёрла им свой лоб три раза в день. Это придаст ей дополнительные силы и сделает её жизнь более сносной на следующей неделе. Однако, на следующей неделе ты должен его мне вернуть.

— Я сделаю это, — кивнул я, взяв платок из его руки. — Ты сейчас должен идти?

— Боюсь, что да.

Мы расплатились и вышли за дверь. Когда мы шли по улице, он сказал:

— К машине тебе в другую сторону.

— Я знаю, но мне любопытно. Куда ты едешь и как собираешься туда добраться?

— Отправляюсь на Ближний Восток. Точное место я не скажу. "Каким образом?"

— ты, может, спросишь. Давай зайдём вон за то дерево, и я покажу тебе.

Я прошёл с ним за дерево, откуда нас не могли видеть прохожие. Он совершенно неподвижно встал, закрыл глаза, слегка склонил голову и тихонько прошептал какое-то слово. В мгновение его не стало. Он не постепенно исчезал, сходя на нет, как приведение в кино, а пропал мгновенно.

Не знаю точно, какое слово он вымолвил, он так тихо произнёс его, но оно было похоже на: "Джошуа".

Глава 13

Подспудные страхи

По дороге домой я думал о том, что теперь я никоим образом не могу сомневаться, что Джон — мистическое существо. Я уже был сильно убеждён в его реальности из-за силы его учений и внутренних духовных ощущений, которые он вызывал. Но когда видишь, как кто-то исчезает вот так прямо перед глазами, это даёт осознание высшей реальности, не вызывающее сомнений.

Придя домой, я постарался влезть в постель, не потревожив Элизабет, но безуспешно.

— Дорогой, уже за три. Я волновалась, не сбежали ли вы на пару с Джоном.

— Не вышло. Тебе повезло, что ему нужно было идти. Я мог бы говорить с ним сутками напролёт без сна. Надеюсь, ты поспала после того как я ушёл?

Она промолчала. Это означало, что она не совсем не спала.

— Ты бы хоть послушалась меня насчёт отдыха, — сказал я. — Ты же не спала всё это время, правда?

— Как ты мог подумать, что я буду спать, когда там у тебя шла высоко духовная драма?

— Должен признать, я тоже не смог бы спать.

— Ну как, твой ответ был правильным? Мы боги или что?

Я пересказал ей диалог, происшедший между Джоном и мной.

— Если я правильно поняла, — сказала она, — всё, что все люди думают о том, кто мы, не то, кто мы на самом деле, поскольку это только фразы, которые ничего нам не говорят. К тому же, мы не наши тела, ощущения или мысли. Похоже, больше ничего не остаётся из того, чем мы могли бы быть. Может, мы просто сгустки пустого места.

— Похоже, этот ответ практически столь же хорош, как и любой другой, — сказал я, несколько обзлившись из-за своего бессилия.

— Дай мне попробовать этот платок, — сказала она.

Я достал его и подал ей.

— Он сказал тереть им твой лоб, и он даст тебе сил. Знаю, это звучит как бред, но после того, что я до сих пор испытал с Джоном, я готов пробовать всё, что угодно.

Она взяла его и положила себе на лоб. Потом она стала тереть взад-вперёд, причём её рука на вид становилась всё твёрже. Наконец, улыбка озарила её лицо, как будто она испытывала наслаждение. Она посмотрела на меня и сказала:

— Дорогой, отымей меня.

Воистину, эта просьба удивила меня больше, чем исчезновение Джона. Из-за болезни она уже долгое время не проявляла никакого интереса к сексу.

— Ты уверена? — спросил я.

— Абсолютно уверена, — произнесла она глубоко чувственным голосом.

Мы немедленно занялись любовью с большим наслаждением и сладострастием, а с другой стороны, с самыми сильными духовными чувствами, которые я когда-либо испытывал во время секса. Я могу описать эти ощущения только как божественное единство, недоступная человеку гармония.

После этого мы лежали вместе в тишине, размышляя над происшедшим.

— Если мне никогда не станет лучше, — тихонько сказала Элизабет, — этот момент стоит всей жизни. Как много людей проживают свои жизни здоровыми, и никогда не испытывают такого мгновения, которое только что было у нас.

— Отлично сказано. Но, разумеется, никто другой не женат на тебе.

Мы обнялись и заснули друг у друга в объятиях.

На следующее утро мы оба проснулись бодрыми, хотя и проспали всего пару часов. Похоже, к Элизабет вновь вернулись силы, и она настаивала, что сама приготовит завтрак. Когда мы уселись за стол, она спросила:

— Ну, так ты думал, кто или что мы?

— Немного.

— Так если мы не сгустки пустого места, то чем мы являемся?

— Я думал об этом следующим образом. Если у меня забрать тело, то у меня, может быть, останутся чувства и мысли. Если забрать тело и эмоции, тогда у меня останутся мысли, но если забрать все три, я всё-таки чем-то буду. Я воображал, как выхожу из своих транспортных средств и мысленно представлял себе, что это было. Я знаю и чувствую, что там есть что-то — водитель этих средств передвижения. Некая жизненная сила.

— Может, ты просто сама жизнь, — сказала она.

— Я знаю, что скажет Джон, если я скажу такое. Он спросит: "Что такое жизнь?"

— А над этим вопросом веками бились философы, — сказала она.

— Может, нам следует начать с того, что проще, — сказал я. — Джон попросил меня спросить у тебя, обнаружила ли ты мысли и страхи, которые ты прятала от самой себя, и научилась ли ты отправлять их в нужное место.

— Я, наверное, их здорово прятала, поскольку я отнюдь не уверена, какие они.

— Ты вообще-то о них думала?

— А о чём думать-то? Я считаю, я достаточно открыта по поводу своих мыслей и страхов. Фактически, у меня не много страхов, кроме боязни стать недееспособной от этой болезни.

— Я немного думал об этом. Если ты прячешь определённые мысли и боязни, может быть, они чрезвычайно хорошо укрыты от тебя, как ты сказала. Значит, если ты пытаешься их искать, то их нелегко отыскать, потому что ты их спрятала от самой себя.

— Так ты говоришь, что я их так хорошо запрятала, что не могу найти?

— Может быть, это похоже вот на что. Скажем, у тебя есть лишние двадцать долларов, и ты прячешь их в банке из-под печенья. По какой-то причине ты забываешь, что спрятала их там. Затем, спустя какое-то время тебе нужна двадцатка, но тебе и в голову не приходит где-либо её искать, потому что ты даже забыла, что она когда-либо существовала. Может быть, ты не искала серьёзно эти потаённые мысли и страхи, поскольку ты не веришь, что они вообще существуют. Но в точности так же, как двадцатидолларовая купюра по-прежнему находится в банке из-под варенья, веришь ли ты в это или нет, так и твои скрытые мысли и боязни существуют, дожидаясь, когда будут обнаружены.

— Ты провёл слишком много времени с Джоном. Ты говоришь, прямо как он.

— Спасибо за комплимент, но я знаю тебя давно и чувствую твоё нежелание искать эти потаённые страхи.

— Если они скрыты, и я не знаю, что они существуют, то у них нет силы причинить мне вред. Зачем мне идти нарываться на неприятности?

— Может, ты и не напрашивалась на неприятности. На самом деле ты, вероятно, старалась избегать их. Тем не менее, тебя настигла беда. Если Джон прав, то ты должна понять, что тебе надо снять барьеры и найти то, что ты запрятала.

Вид у Элизабет был такой, будто она хотела ударить меня.

— Ну, если ты так хорошо меня знаешь, вот ты и скажи мне, что я прячу.

— Не уверен, что смогу найти это за тебя. Я думаю, только ты сможешь узнать их, когда найдёшь, но, может быть, я смогу тебя обнадёжить и подтолкнуть в нужном направлении.

— Тогда толкай, у меня самой — по нулям.

— У меня такое чувство, что у тебя есть некие остаточные страхи, связанные с твоим ранним религиозным воспитанием.

— Это глупо. За годы мои религиозные убеждения изменились коренным образом. Например, я больше не боюсь привидений и также больше не боюсь огня и серы в религии давних дней.

— Ты говоришь это, но возможно ли, что ты слишком акцентируешь мысль о том, что ты не боишься огненного ада, и чувство вины ушло от тебя?

— Я думаю, идея, что Бог отправит тебя в геенну огненную, нелепа. Любящий Бог этого не сделает.

— Логически это верно, но то, чему тебя учили в детстве, могло оказать более сильное влияние, чем ты допускаешь. Разве твои родители не были очень религиозными баптистами-фундаменталистами?

— Да, мне надо было, во что бы то ни стало, каждое воскресенье ходить в церковь.

— Помню, ты говорила, что любимым проповедником твоего отца был этакий священник адского огня и вечных мук, который обожал выкрикивать божьи кары. Ты говорила, он изображал всех людей ужасными грешниками, которым предстояло испытать невообразимую боль и страдания, если они не будут следовать Библии и не будут добродетельными на все сто процентов.

— А-га, я ёжусь при воспоминании об этом типе, — ответила Элизабет. — Папаша заставлял всех нас сидеть на первом ряду и выслушивать эту ужасную обличительную речь. За обеденным столом он говорил об этой проповеди и о том, какое она имеет отношение к нашим жизням. Когда я стала интересоваться мальчиками, отец прямо-таки молотком вколачивал добродетель в меня. Он заставил меня почувствовать, что стоит только мне сорваться и совершить половой акт до замужества, то я буду вечно гореть в аду.

Я сделал небольшую паузу и ровно сказал:

— И эти старые учения тебя больше не беспокоят?

Элизабет хмыкнула:

— Конечно, нет. Как я сказала, я выкинула их из головы, как и страшилищ.

— Я не думаю, что ты полностью выбросила их из головы. По крайней мере, я вижу, что память о тех днях всё ещё тревожит тебя.

— У всех есть тягостные воспоминания, думать о которых им не нравится, — сказала Элизабет, выкатываясь на своём кресле из кухни.

Я решил временно сменить тему. Элизабет всё больше занимала оборонительную позицию. Я встал у неё на пути.

— Твоя мать стремилась добиваться во всём совершенства, не так ли? Разве не оказывала она на тебя огромное давление, чтобы ты была идеальным ребёнком?

Элизабет потупила глаза.

— Когда я была маленькой, я старалась никогда не делать того, что расстраивало моих родителей: я, например, никогда не вела себя плохо и не дерзила. Я помню, даже просила у них прощения в форме записочек за то, что в чём-то не стала лучше... Но когда я повзрослела, стала независимее и начала ходить на свидания, оба они, казалось, разочаровались во мне.

— Как разочаровались?

— Не знаю, как и объяснить... Вроде, их невинная маленькая девочка, их идеальное дитя выросла, и невинность пропала. Думаю, я действительно чувствовала себя виноватой из-за секса. После каждого свидания мама учиняла мне допрос с пристрастием, и папе уже было неловко меня приласкать. Я по-настоящему чувствовала их дискомфорт от моей сексуальности. А может, я чувствовала их вину за секс вместо своей собственной, — добавила Элизабет после паузы. — Казалось, я была не в состоянии сделать ничего путного.

— Ты когда-нибудь чувствовала, что они не любили тебя такой, какой ты была, или что их любовь была обусловленной, зависящей от того, насколько ты соответствовала их идее о совершенстве.

Глаза Элизабет стали влажными.

— Да, — тихо ответила она, — и я никогда не соответствовала их стандартам, как бы ни старалась. Им никогда не довелось узнать меня как личность, а спустя некоторое время мне уже этого и не хотелось. Я стала немного бунтаркой, вела разгульную жизнь и, я уверена, узнать эту сторону меня они тоже не хотели. Думаю, это бы их убило.

— Может, в этом и дело! — воскликнул я, вставая на колени перед Элизабет. — Если бы твои родичи знали, кто ты на самом деле, знали бы тебя настоящую, ты думаешь, что это убило бы их. Поэтому ты казнила себя, подавляя истинную себя,... убивая себя настоящую.

Элизабет слегка побледнела.

— Тебе пора на работу. Мы можем поговорить об этом позже.

— Работа может подождать, — ответил я. — Теперь ты видишь, что может существовать какая-то связь между этим страхом открытия, твоим подавлением правды, твоим чувством вины и твоей теперешней болезнью?

— М-м, может быть, — нахмурилась Элизабет, — однако, я думаю, мы вполне неплохо проработали мои дела. Я теперь независимый человек. Мне больше не нужно одобрение родителей.

— Но тебе нужно своё собственное, — мягко сказал я, взяв её за руку. Встав, я сказал:

— Думаю, нам надо исследовать это. Я пойду на работу, но хочу, чтобы ты мне кое-что пообещала. Обещай, что ты подумаешь насчёт чувства вины, которое, может быть, ты ещё ощущаешь за те дни, и о страхе не отвечать требованиям, поставленным перед тобой родителями.

— И какая от этого польза? — гневно посмотрела на меня Элизабет. — Это ничего не меняет.

— Не меняет, но встреча лицом к лицу со страхом может изменить тебя, — сказал я, стиснув её плечо. — Попробуешь? Пожалуйста. Это может излечить твою болезнь.

— Посмотрим, что я смогу сделать, но, думаю, это принесёт больше вреда, чем пользы.

— Поверь мне в этом. Думаю, это верное направление.

Я поцеловал её на прощание и надел пальто, надеясь, что был прав.

Глава 14

Чем мы не являемся

Следующая пара дней были вполне обычными. У меня появилось такое чувство, что Элизабет не хотела, чтобы я продолжал давить на неё по поводу подспудной вины, так что в этой области я залёг на дно. На самом деле, казалось, между нами появилось какое-то расстояние, которого не было до нашего разговора, и я не знал, как закрыть эту брешь.

Я довольно много передумал о том, кто или что я, и с нетерпением ожидал очередного еженедельного завтрака с Вэйном. Может, если мы опять перекинемся идеями, то придёт дополнительное озарение.

На этой неделе я предложил встретиться в "Денни", и мне весьма повезло занять тот же столик, за которым мы сидели с Джоном. "Если бы только Вэйн знал, кто сидел на его месте несколько дней назад", — про себя подумал я.

Вэйн начал разговор.

— Почему ты так непреклонно желал, чтобы мы встретились именно в "Денни"? Мы иногда заходим сюда, когда всё другие заведения закрыты, но не на наши еженедельные дискуссии.

— Просто "Денни" мне нравится больше, чем раньше, — беспечно ответил я.

— Ну... хорошо, — сказал Вэйн с выражением лица, которое говорило, что он не вполне был удовлетворён моим ответом. Он продолжал:

— Итак, ты посмотрел тот стих из Библии, где Иисус говорит, что мы боги?

— Да, он был весьма интересен. Я также нашёл другой стих, который вроде бы говорит, что такое Бог, и подкрепляет то, что ты сказал на прошлой неделе.

Я вытащил Библию и открыл на Первом послании к Коринфянам, главе двенадцатой, которую Джон советовал мне проштудировать.

Вэйн был слегка поражён:

— Не помню, чтобы ты когда-либо раньше таскал с собой Библию в общественных местах.

— Никогда не предполагал, что в ней так много интересного, — сказал я. — Хочу зачитать тебе кое-что интересное, что я нашёл. Позволь, я прочту тебе вот это из писем Павла. В Первом послании Коринфянам, двенадцатой главе, Павел начинает с даров Духа. Затем по поводу этих даров и всемогущества он говорит: "Всё же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно. Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а БОГ ОДИН И ТОТ ЖЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЙ ВСЁ ВО ВСЕХ. Но КАЖДОМУ ЧЕЛОВЕКУ даётся проявление Духа на пользу... Ибо, КАК ТЕЛО ОДНО, НО ИМЕЕТ МНОГИЕ ЧЛЕНЫ, и все члены этого ОДНОГО ТЕЛА, хотя их и МНОГО, составляют ОДНО тело, — ТАК И ХРИСТОС. Ибо все мы ОДНИМ ДУХОМ крестились в ОДНО тело, иудеи или язычники, рабы или свободные, и все напоены ОДНИМ ДУХОМ. Тело же не из одного члена, но из МНОГИХ... И вы — тело Христово, а порознь — члены".

Я поднял глаза.

— Ну, что ты из этого извлёк? — я спросил Вэйна.

— Дай-ка мне эту Библию на минутку.

Вэйн взял её и несколько минут внимательно просматривал главу.

— Забавно, — сказал он, — я читал Новый Завет пару раз, но это, похоже, пропустил. Здесь много глубокого смысла.

— Вот и я о том же подумал, — согласился я. — Расскажи мне, как ты это истолковываешь.

— Мне, пожалуй, понадобится час.

— Вот что, — сказал я, — давай пройдемся по той части, которую я прочитал стих за стихом. Она начинается так: "Всё же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно". Итак, каково твоё толкование этого? — спросил я.

Вэйн сказал:

— Это говорит нам, что у Бога имеется один Дух, и что у каждого человека есть часть его.

— Но что я нашёл интересным, это слово "разделяя". Дух разделён каждому человеку, — сказал я.

— Так, ты, может, думаешь, что вездесущий Бог разделяет Себя на каждую форму жизни? Это ещё один способ сказать то, что я сказал на прошлой неделе. Если Бог вездесущ, то Он везде. В некотором смысле Он разделён на каждую и всякую форму, а в другом смысле Он — просто одна огромная жизнь.

— В этом вроде бы есть смысл.

Потом я продолжал читать:

— "Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а БОГ ОДИН И ТОТ ЖЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЙ ВСЁ ВО ВСЕХ. Но КАЖДОМУ ЧЕЛОВЕКУ даётся проявление Духа на пользу"... Это лишь подчёркивает то, о чём мы говорили. По существу, есть один Дух Божий, работающий через каждого человека.

— Но будет ли это включать порочных людей и, конечно, убийц, тех, кто избивает детей, насильников и так далее? Тут говорится, что Дух работает через каждого человека, — сказал он.

— Думаю, христиане считают, что "каждый человек" означает "каждый христианин".

— Но здесь не говорится: "Каждый христианин". Здесь говорится: "Каждый человек". На самом деле, если Бог вездесущ, то Дух должен присутствовать в каждом человеке, и даже в каждой форме.

— Верно. Но давай придерживаться Павла. Он определённо говорит, что Дух есть в каждом человеке, так что я думаю, это должно включать и порочных людей.

Мгновение Вэйн пристально смотрел на меня.

— Как же дурной человек может иметь в себе Дух Божий и всё же оставаться порочным? Тогда Бог есть зло?

— Может быть, Дух есть во всех людях, даже в порочных, но злые и жестокие люди игнорируют этот Дух. Может, все мы в какой-то степени его игнорируем.

— Возможно, — через какое-то время произнёс Вэйн.

Я продолжал:

— Я нахожу следующий стих интересным: "Ибо, КАК ТЕЛО ОДНО, НО ИМЕЕТ МНОГИЕ ЧЛЕНЫ, и все члены этого ОДНОГО ТЕЛА, хотя их и МНОГО, составляют ОДНО тело, — ТАК И ХРИСТОС". По-моему, занятно здесь то, что, если мы заменим слово "Христос" словом "Бог", у нас будет описание того, что есть Бог.

— Так ты хочешь сказать, что Бог вроде гигантского тела, и каждая жизнь является членом этого тела. Я раньше думал о чём-то похожем на это. Вроде того, что я — только одна из миллионов клеток в некоем живом организме, намного более высшем, чем я сам.

— Скажем, ты — уста тела Бога, и ты говоришь: "Я — Бог". Ты говоришь правду или нет?

— Ну, мои уста говорят: "Я — Вэйн", и они говорят правду, как я им и скомандовал. Достаточно того, что моя часть скажет, что это я.

— Итак, если мы — клетка в теле Бога, то говорить, что мы Боги, для нас не будет правильным. Ты думаешь, это имел в виду Иисус, когда сказал: "Вы боги"? — спросил я.

— Вероятно. Даже несмотря на то, что люди, которых называли богами, были далеки от совершенства, они всё же составляют часть Его жизни.

Я снова заглянул в Библию.

— Это подтверждается последним стихом из тех, что я тебе зачитал: "Ибо все мы ОДНИМ ДУХОМ крестились в ОДНО тело, иудеи или язычники, рабы или свободные, и все напоены ОДНИМ ДУХОМ. Тело же не из одного члена, но из МНОГИХ... И вы — тело Христово, а порознь — члены". Это согласуется с тем, о чём мы говорили.

Презанятно, по-моему, что Библия во всех отношениях подтверждает пришедшую тебе раньше мысль. Мы — клетка в теле существа, намного более великого, чем мы. И действительно интересно, что, похоже, Библия свидетельствует о том, что мы можем говорить, что мы — то самое великое живое существо, которое есть Бог.

— Круто, — с сарказмом усмехнулся Вэйн. — Что ты делал последнее время? Начитался нетрадиционных книжек?

— На самом деле, я последнее время много читал Библию.

— Почувствовал, что надо душу спасти? — подшутил Вэйн.

— Шутки в сторону, я обнаружил там кое-что захватывающее. Для начала, ты знал, что судей во времена Моисея называли богами?

— Не припомню, чтобы об этом говорилось в Библии.

— Не припоминаешь, поскольку она неправильно переведена. В нескольких стихах перевод на иврит даёт "боги", а не "судьи", как переведено в большинстве Библий. Даже Моисея называли богом.

— Звучит так, будто Библия — это книга "Новой Эры", — сказал Вэйн.

— Чем больше я её читаю, тем больше похоже, что она поддерживает философию "Новой Эры", а не стандартные христианские догмы.

— И тем не менее, если ты цитируешь Писание "новоэровцу", он ведёт себя как будто ты в мрачном средневековье, как будто ты — тупая непросвещённая деревенщина. Это в каком-то смысле парадоксально. В Библии много света, которого ортодоксальные христиане не видят, а "новоэровцы" на него даже и не смотрят.

Я подумал, что надо бы немного сменить тему.

— Помнишь вопрос, который я задал на прошлой неделе: "КТО или ЧТО МЫ?". И самый лучший ответ, к которому мы смогли прийти, это что мы — боги. И кто мы в качестве богов? Мы — часть тела этого единого Бога. Отождествляясь с этим телом, мы можем с полным основанием сказать, что мы боги. Но проблема в том, что, хотя это вроде бы говорит нам много, в то же время это говорит нам мало. Например, что такое, вообще-то, единый Бог? Можно ответить: "Жизнь", а что такое жизнь? Я здесь вижу проблему, что все тайны вселенной сводятся к словам, а значения конечных слов — тоже загадки. Следовательно, говорить, что мы боги или жизнь, — ничего не значит, если мы не знаем, что такое Бог или жизнь.

Вэйн ухмыльнулся:

— Ты говоришь практически то же самое, во что я верил большую часть своей жизни. В конечном итоге, мы ничего не знаем наверняка и ни во что не должны по-настоящему верить.

Я нахмурился. Вэйн может быть поистине циничен.

— Я начинаю понимать, почему ты верил так, однако я буду придерживаться своей внутренней веры. А именно, если мы чего-то не знаем наверняка, то это оттого, что мы или введены в заблуждение, или у нас нет полноты фактов. Очевидно, Бог и жизнь — это что-то. У нас просто нет всех подробностей того, чем они являются, — сказал я.

— Как насчёт любви? Думаешь, ей тоже можно дать определение?

— Я думаю, если бы мы полностью понимали любовь, то могли бы дать точное определение. Проблема с любовью в том, что у каждого разное представление о том, что это такое. Родители могут думать, что любовь — это не давать ребёнку конфет, а ребёнок может думать, что любовь — это когда конфеты дают.

— У нас возникает та же проблема с Богом, жизнью и с тем, кто мы. У всех разное представление.

— Думаю, это что-то вроде угадывания, сколько бобов в банке, — сказал я. — У каждого разное мнение относительно их числа, но когда применяется логический процесс подсчёта, определяется их точное количество. После того как точное число найдено, остаётся только один ответ. Все другие ответы являются иллюзией. Одна из моих любимых цитат, цитата из книги "Курс чудес", звучит так: "Правда истинна, и ничто другое не истинно". Когда найдено истинное количество бобов, ничто другое не верно. Когда мы откроем, кто мы, то это безусловно будет правильно, и ничто другое правильным не будет.

— Но ведь может быть более чем один способ описать истину, — сказал Вэйн.

— Как так?

Я подозвал официантку, чтобы принесла ещё кофе.

— Скажем, в банке тысяча бобов.

— Да. Не 1001 и не 1002, а только тысяча.

— Верно, но это число можно описать как десять раз по сто или десять раз по десять раз по десять. Существует множество способов словесно выразить это количество "одна тысяча".

— Точно подмечено, но всё же, как только ты пришёл к правильному числу, правда твоя. Число "тысяча" по-прежнему неизменно, произносится ли оно по-английски, по-испански или как десять раз по сто. Это конкретное число не меняется, меняется только способ его описания. Проблема философии в том, что люди описывают число "тысяча" так, что оно у них звучит как "две тысячи". Но мысль о том, что в банке две тысячи бобов, тысячу бобов не прибавят. Банка по-прежнему содержит одну тысячу, каким бы хитроумным ни был твой язык.

— Ты попал в точку. Такая концепция объясняет, почему лишь очень немногие люди мыслят одинаково.

— И тем не менее, люди мыслили бы одинаково, если бы видели сквозь туман, скрывающий и искажающий истинное количество бобов в банке.

— С этим я, пожалуй, могу согласиться, — сказал Вэйн.

— Итак, если бы могли увидеть правильный ответ на вопрос "Кто или что мы?", то он был бы, наверное, настолько понятен, что мы стали бы единичными в мыслях.

— Это верно, если мы оба смогли бы видеть без искажений и предвзятых идей.

— Давай тогда скажем, что тот факт, что мы боги, не является ответом, поскольку "бог" — для нас лишь слово, мало нам говорящее. Давай также скажем, что мы не наши тела, поскольку наше тело — просто средство передвижения в распоряжении водителя, который и есть наше истинное я. Что остаётся?

— Большинство философов согласны с тем, что мы не наши тела, — сказал Вэйн. — Без наших тел, как говорят некоторые, мы духи или души.

— Но это опять просто слова. Люди до сих пор точно не знают, что такое дух или душа. Скажем, у тебя был внетелесный опыт, и ты плавал над своим телом. Чем ты являешься в этом состоянии, и как ты его можешь точно определить?

— Допуская, что такого рода опыт действительно существует, я бы сказал, что я по-прежнему мыслю, и чувствую, и обладаю некоторого рода сознанием.

— Положим, твои чувства не являются частью твоего истинного я, а являются транспортным средством, как и твоё тело. Положим, сейчас ты отделён от них. Что теперь осталось?

— Думаю, мысли и сознание, — сказал Вэйн.

— Теперь предположим, что и мысли не есть часть твоего истинного я, и ты отделён от них. Что остаётся?

— Откуда ты этого набрался? — встав в тупик, спросил Вэйн. — Наши ощущения и мысли, наверное, выживут, если допустить, что существует загробная жизнь.

— Даже если так, давай предположим, что они лишь транспортные средства, и ты отделился от них. Что останется?

Вэйн откинулся на спинку стула и потянулся.

— Для тебя это необычный ход мыслей. Хорошо. Давай посмотрим. Думаю, всё, что останется, это сознание, может быть, внимание, самосознание. С другой стороны, без мыслей и чувств ты можешь будешь просто сгустком небытия. Трудно сказать.

Я подался вперёд.

— Я в некотором роде думал об этом, когда эта мысль впервые пришла мне в голову, я затем я провёл эксперимент. Я провёл некоторое время в медитации и освободился от всех мыслей, и отключился от всех своих чувств, но я обнаружил, что во мне всё ещё что-то было. У меня по-прежнему были жизнь и сознание.

— Что ж, возможно, ты думал и чувствовал, и не знал об этом.

— Почему бы и тебе не попробовать это? Когда я пробовал, то ощущал себя более живым, чем когда бы то ни было.

— Вот, ты сказал, что ощущал себя живым. Ты всё ещё чувствовал.

— Но то были чувства высшей октавы. Они не были чувствами в нормальном эмоциональном смысле. Я употребляю слово "чувства", так как не думаю, что имеется слово, обозначающее то, что я ощущал, — сказал я.

— Итак, если я стану играть в твою игру, то наши истинные "я" должны быть неким типом сознания, которое может принимать и использовать данные, и пользоваться эмоциями и процессом мышления, как мы с тобой пользуемся компьютерами.

— Ты пришёл, в сущности, к тому же заключению, что и я. Если бы тебе надо было попробовать угадать, ты бы сказал, что мы — это сознание?

— Жизнь, сознание, самосознание, дух... Кто знает? Скорее, умом тронешься, если будешь слишком много об этом думать. Я, пожалуй, буду придерживаться идеи, что мы — боги. Проще и веселее.

Вэйн взял свою пустую чашку и обернулся.

— И если я бог, то прямо сейчас заставлю материализоваться ещё кофе.

Официантка!

Официантка отреагировала и принесла кофе.

— Что ж, — ухмыльнулся я, — ты получил кофе примерно за тридцать секунд. Это, надо полагать, весьма близко пребыванию богом.

— Если бы, — сказал он. — Вот что я тебе скажу. Я не знаю, откуда ты берёшь эту дребедень, но с нетерпением буду ждать, до чего ты додумаешься на следующей неделе.

— И я тоже, — улыбнулся я. — Ещё не знаю, что грядёт, но гарантирую — это будет интересно.

Глава 15

Имя Бога

Остаток недели прошёл без особых событий. Я вроде бы не ждал нашей очередной еженедельной встречи с Джоном с таким нетерпением, как обычно, поскольку знал, что мне надо будет вернуть носовой платок. В течение недели Элизабет не выпускала его из виду. Он всё время был в её владении. Однако, похоже, он ей помогал. К ней вернулись почти все силы, и мы каждый день выходили на короткие прогулки. В добавок к этому она делала большую часть работ по дому и готовила. Я опять начал ощущать нас нормальной супружеской парой, за исключением того, что сегодня был четверг, и мне надо было доставить платок обратно Джону.

В тот вечер Элизабет рано легла спать. Около одиннадцати я поднялся наверх, чтобы проведать её, и отметил, что она мирно спала, крепко зажав платок в правой руке.

Я легонько толкнул её.

— Дорогая, — сказал я, — мне пора забрать платок.

Она крепче сжала его.

— Нет, — сказала она. — Он придаёт мне сил.

— Я думаю, гораздо лучше, если мы отдадим его, чем если будем держать у себя.

— Спроси Джона, могу ли я подержать его ещё немного.

Я сделал паузу и глубоко вдохнул.

— Хорошо. Я спрошу его, но платок я должен вернуть.

— Дай мне подержать его у себя, пока тебя не будет.

— Джон подчеркнул важность того, что мне полагается прислушиваться к его словам в точности. Я думаю, мне надо отнести его назад, но я спрошу Джона, можно ли тебе подержать его подольше.

Я почти что ощутил, как силы покинули Элизабет, как только я взял платок. Я чувствовал себя негодяем, но считал, что это было самым лучшим, что можно было сделать. Я поцеловал её на прощание, вышел в гараж и сел в машину. Как только я протянул руку, чтобы вставить ключ в замок зажигания, я ощутил покалывание во всём теле.

И тут же я оказался сидящим на полу комнаты с минимумом мебели. Я огляделся и увидел Джона, сидящего на стуле у обеденного стола и попивающего чай из чашки.

— Почему бы тебе не подойти сюда и не присоединиться ко мне? — улыбнулся он.

Я встал и пошёл к нему, не вполне понимая, что происходит.

— Чашечку чая? — спросил Джон.

— Конечно. Почему бы нет, — сказал я.

Я посмотрел в окно. Солнце стояло на востоке. Где я находился, похоже, было утро.

— Где я, и почему на небе солнце? Разве сейчас не одиннадцать ночи?

— Вот, выпей это, — сказал Джон, пододвигая ко мне чашку чая. Я взял её, сел и стал попивать маленькими глоточками.

— О-о, в нём действительно живительная сила. Что это?

— По правде говоря, не знаю. Джошуа это приготовил. Есть несколько смесей, которые Ему нравятся.

— Джошуа??? Ты имеешь в виду, Иисус?

— Он самый.

— Он был здесь? — я не поверил своим ушам.

— Всего несколько минут назад.

— Мне можно с Ним познакомиться?

— Это пока не стоит на повестке дня.

— Ты говоришь мне, что Иисус был здесь несколько минут назад и пил чай, как обычный парень?

— Именно это Он и делал, — Джон выглядел так, будто забавлялся этим.

— Но разве Он не вознёсся на небеса или не бродит где-то в мире грядущем?

Джон рассмеялся:

— Тебе ещё многому нужно научиться, друг мой. Но довольно болтовни. Меня время поджимает, и нам надо начинать.

— Ты ещё не сказал мне, где я, и почему утро.

Секунду Джон изучал меня.

— Ты находишься в Тель-Авиве, и здесь восемь двадцать утра.

Я удивлённо уставился на него.

— Вот что я тебе скажу, — с изумлением произнёс я. — Если раньше я не был верующим, то сейчас им стал.

Я опять бросил взгляд в окно. Мы, похоже, находились в самом центре города почти наверху довольно высокого здания.

Джон серьёзно посмотрел на меня:

— Как ты знаешь, когда завязалось наше знакомство, я поделился с тобой некоторыми своими воспоминаниями. Ты не будешь возражать против того, чтобы мне поделиться некоторыми твоими?

Я отметил, что Джон спросил, может ли он поделиться моими воспоминаниями. Несколько секунд я думал над этой просьбой.

— Нет проблем, но есть некоторые вещи, которых я смущаюсь, мысли о них сейчас бродят у меня в голове, и вот так сразу мне не хотелось бы ими делиться.

— Не беспокойся об этом, — улыбнулся Джон. — Я настроюсь только на воспоминания, связанные с нашими взаимоотношениями и учениями. Настоящий учитель будет настраиваться только на воспоминания, высвобождаемые по свободной воле. А теперь подними-ка свою ладонь.

Наши правые руки соприкоснулись кончиками пальцев, и я почувствовал несильное покалывание.

Джон откинулся на стуле и улыбнулся:

— Пока всё идёт нормально.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Тебя подмывало рассказать Вэйну обо мне, но ты не поддался. Это хорошо. Те, кто не умеют хранить тайны, обычно выявляются на этой стадии. Ты поделился с ним рассуждениями по поводу первого ключа, но я этого не запрещал.

— Тогда, значит, это было нормально? — спросил я с нетерпением.

— Более чем нормально. Такого рода совместное участие подготовит тебя к твоей миссии. В будущем ты будешь делиться многим, если будешь верен внутреннему голосу.

— Ты всё время говоришь о миссии. Ты можешь побольше рассказать мне о ней?

— Если останешься верен, то твоя миссия будет охватывать несколько областей.

Одна — это преподавание ключей. Если я скажу сейчас больше, то это будет лишь отклонением от темы. Сейчас нам надо двигаться вперёд. Скажи мне своими словами, КТО ИЛИ ЧТО ТЫ.

Я сделал глубокий вдох.

— Хорошо, вот мои соображения. Если я — не моё тело, ум или эмоции, и если все другие элементы, которые я уже тебе предлагал, не несут достаточного смысла, то, я думаю, всё, что остаётся, — это собственно сознание. Я — это сознание.

— Ты знаешь, что такое сознание?

— Сознание это жизнедеятельность. Жизнь.

— А что такое жизнь?

— Восприятие.

— Восприятие чего?

— Восприятие того, что извне?

— А как насчёт того, что внутри тебя? Что, сознание — это восприятие этого тоже?

Я немного подумал:

— Полагаю, да, — сказал я.

— Итак, сознание — это восприятие вещей снаружи и внутри себя.

— Думаю, что так, — сказал я, не будучи в этом уверен.

— Значит, ты вроде фотоаппарата, делающего снимки снаружи и внутри его?

— Не уверен, — нетвёрдо ответил я.

— Ты ведь чувствуешь, что это неправильно, не так ли?

— Да, это кажется глупым, если подумать. Наверняка мы являемся чем-то более основательным, чем фотоаппарат, — сказал я.

— Ты опять нашёл что-то, чем мы не являемся. Фотоаппарат — это нечто, чем пользуется живое существо, но это ещё один тип транспортного средства, которым пользуется истинное Я.

Я молча подумал несколько секунд.

— Кажется, я зашёл в тупик. Я предложил тебе все варианты, которые когда-либо рассматривал человек, чем он может быть, и ни один из них не является правильным ответом.

Джон улыбнулся:

— Если бы ответ был очевиден, тебе не был бы нужен учитель. Истинный духовный учитель не появится, чтобы учить сентенциям, которые можно с лёгкостью найти в книгах мира сего. Напечатано сотни книг, касающихся божественности человека или идеям о том, что люди — боги. Есть немало других, трактующих стандартные идеи духовности. Джошуа и непосредственно работающие с Ним преподносят учение, только если оно не было явно открыто человечеству, или если это какой-то аспект древнего учения, который современный мир не понимает. Есть много учений, которые ещё не были раскрыты, и есть ещё много, которые были раскрыты в прошлом, но по ряду причин были утрачены. Скоро настанет время, когда древние истины будут восстановлены, и будет раскрыто множество новых.

— Ключи — это новые откровения или восстановленное знание древности?

— Немного того и другого. Для ищущих эти знания будут новыми; но есть некоторые из них, которым сегодня в мире учат в открытую, но полностью значения не понимают. В каждом ключе есть идеи просвещения, и ищущие во всём мире должны настроиться на него. Чтобы разгадать каждый из них, ты не просто должен найти верный ответ, но и продемонстрировать правильное понимание. Судя по твоим воспоминаниям, я вижу, что ты действительно думал о природе Бога, как написано в послании к Коринфянам.

— Да. Нужно ли мне обсудить с тобой мои мысли, или ты можешь читать их из моей памяти?

Джон на секунду закрыл глаза и сказал:

— Твои воспоминания дают мне общее представление о том, к чему ты пришёл. Ты на правильном пути, и в дальнейшем мы больше поговорим о том, кто такой или что такое Бог. Однако, сейчас у нас мало времени, так что нам надо двигаться вперёд. Продолжай размышлять о тайне божественного, чтобы подготовить свой разум к будущему. А пока, ты готов получить свою следующую подсказку?

— Да. Мне действительно очень любопытно, ведь тут я зашёл в тупик. Не могу и представить себе, какой будет следующая подсказка.

— Следующая наводящая мысль крутится вокруг тайны Бога, над которой ты размышлял. Я уверен, что ты помнишь историю о Моисее.

— Да. Я смотрел "Десять заповедей" и читал библейскую историю, — сказал я.

— Помнишь, что делал Моисей на протяжении вторых сорока лет своей жизни?

— Его выгнали из Египта, и он стал пастухом в пустыне. Если мне не изменяет память, ему было около восьмидесяти, когда он освободил израильтян, так что, я думаю, он был обычным человеком большую часть своих вторых сорока лет. Мы не много знаем об этом периоде его жизни.

— Никакая часть жизни ни у какого человека не теряется. В конце концов, извлечь можно всё. Не много написано об этом периоде времени, поскольку это было временем подготовки. Он обнаружил, что его тесть Иофор был человеком мудрым, знающим учения, передававшиеся из поколения в поколение, и многому научился от него и от братской общины, членом которой он был. Одним из главных предметов дискуссий, которые в те годы вёл Моисей на своих тайных совещаниях, была природа Бога. Одной из величайших тайн, которая обсуждалась в то время, была такой: есть ли у Бога имя, и если есть, каким оно могло быть.

Джон продолжал:

— Причина, по которой имя Бога было тогда таким важным делом, заключалась в том, что у евреев, а также и у многих других народов древности, была традиция придавать огромное значение имени человека. В те времена очень серьёзно обдумывали имя, даваемое ребёнку, так как считалось, что имя было связано с судьбой или будет определять судьбу ребёнка.

Например, имя Авраам означало "отец множества", и именно таковым он и стал. Давид значило "возлюбленный", и Давид был возлюбленным Божьим. Имя Иосиф означает "у этого человека будет прирост", и Иосиф, которого продали в Египет, стал самым богатым человеком в мире, а также оставил многочисленное потомство.

Из-за этого огромного интереса к именам одной из величайших загадок для Моисея было само имя Бога. Если бы кто-то мог открыть имя Бога, он держал бы в руках ключ к тому, какого рода существом в действительности является Бог.

Я кивнул. Джон отпил чай.

— За эти сорок лет Моисей провёл немало дней, ухаживая за овцами, наедине со своими мыслями, ставя под вопрос многие таинства того времени. Главной тайной, которая постоянно крутилась у него в голове, была тайна имени Бога. Он снова и снова размышлял и ломал над ней голову.

В конце концов произошло приключение с горящим кустом, когда он вошёл в присутствие Божье и получил эту редкую возможность задать любой вопрос, который хотел. Помнишь, что это был за вопрос?

— Да, — сказал я. — Он спросил Бога, какое у него имя. Знаешь, я всегда недоумевал, почему он задал этот вопрос, но теперь это стало понятно.

— Помнишь, каков был ответ?

— Бог сказал: "Я есмь Сущий".

— И какого рода это имя? — спросил Джон.

— Точно не знаю. Мне всегда казалось, что это был какой-то странный ответ. Думаю, Бог просто говорил, что Он просто ЕСТЬ.

— Бог говорил, что у Него не было имени? — спросил Джон.

— Точно не уверен. Похоже на то. Я слышал, некоторые считают, что Его имя — просто "Я ЕСТЬ".

— Если бы ты был Моисеем, и Бог дал бы тебе такой ответ на твой вопрос, это удовлетворило бы твоё любопытство?

— М-м, наверное, нет.

— Если бы ты был Моисеем, какова была бы твоя реакция?

— Я бы спросил: "Что это за имя такое — "Я есмь Сущий"?"

— Моисей был человеком умным. Почему, ты думаешь, он не попросил какого-либо разъяснения этого неосновательного ответа на вопрос, над которым он раздумывал сорок лет?

Я на секунду задумался.

— Я не думал об этом в таком ключе, но ты прав. Полагаю, это было одной из Тайн.

— Есть две возможности. Первая — может, Моисею в конечном счёте не было так уж интересно, или вторая — он был удовлетворён ответом. Которая из двух, ты думаешь? — спросил Джон.

— Ты говорил, Моисей думал над этим вопросом сорок лет, значит, ему наверняка было очень интересно, но я не могу понять, как он мог быть удовлетворён этим ответом.

— Ты прав, — кивнул Джон. — Моисею было слишком уж интересно, чтобы довольствоваться неполным ответом. Допустим, Моисей остался удовлетворён ответом. Как такое могло произойти?

— Может быть, он понял ответ лучше, чем я.

— Верно. Однако, он действительно понял ответ лучше тебя не потому, что был толковее, а потому, что он услышал не такой ответ, каким он преподносится в разных переводах Библии.

Джон опять вытащил свою старинную Библию и открыл её на третьей главе Исхода, и попросил меня прочитать стих 14. Я прочитал такие слова: "И Бог сказал Моисею: "Я есмь Сущий". И Он сказал: "Так скажи сынам Израилевым: "Сущий послал меня к вам".

— Это близко к стандартному переводу, который можно найти в большинстве Библий, но он очень плохой, и большинство добросовестных специалистов по ивриту знают это. На иврите это читается так: "Я Становлюсь тем, чем Я Становлюсь. Пойди, скажи сынам Израилевым, что Он, кто Становится, послал тебя".

Древний иврит во многом отличается от английского, к которому ты привык. В нём всегда были пробелы, которые надо было заполнять или чем-то очевидным, или по интуиции. Теперь позволь мне в явной форме дать тебе тот ответ, который услышал Моисей. Как ты помнишь, Моисей спросил Бога, какое у Него имя. В ответ на это Бог сказал: "Ты спрашиваешь моё имя, чтобы узнать, кто или что я есть. Я не могу тебе его дать, потому что я Становлюсь тем, чем решил Стать. Пойди, скажи сынам Израиля, что Он, который Становится, послал тебя".

Джон на мгновение остановился.

— Теперь скажи мне, как ты думаешь, каким образом Моисей понял этот ответ.

— Ты, похоже, зажёл лампочку у меня в голове, — возбуждённо сказал я. — Я вижу это вот как. Как ты говорил, в те времена имя раскрывало главную суть того, кем был этот индивидуум, и Моисей ожидал подобного ответа от Бога. Другими словами, он думал, что, может быть, услышит ответ вроде: "Я великий и могущественный" или что-то вроде того. Вместо этого Бог сказал ему, что Он не может дать Моисею стандартного имени, поскольку Он находится в процессе становления тем, чем Он хочет стать. Тем самым, любое имя, данное Ему в какой-то один момент времени, может не подойти в будущем.

— Замечательный ответ! Наверное, у нас в конце концов нашёлся подходящий для дела человек, — улыбнулся Джон. — Твой ответ — прямо в точку. Бог постоянно меняет облик, который Он являет разным частям света в разные исторические времена. К примеру, во время Моисея Он явил облик всемогущего правителя, которому во что бы то ни стало надо повиноваться. Затем, во время Христа, это сменилось на всепрощающего Бога Любви, который пожертвовал Своим единственным Сыном. Это было определённой переменной в презентации Бога, не признанной большинством христиан. Кроме того, Бог представляется миру по-разному во многих других религиях с боговдохновенным началом. Заметь, что в каждой религии имя Бога разное. Это потому, что имя несёт особо важное сообщение для их сознания, которое поможет прогрессу данной конкретной группы или расы.

У Бога много имён, потому что Он — разный для разных людей в разные времена. Таким образом, Он не мог дать Моисею никакого окончательного имени, потому что Он становится тем, чем Он решил стать для сознания той или иной группы или индивидуума.

Я кивнул, но тут меня стукнуло:

— Но разве не говорится в Писании, что Бог не меняется? Похоже, что в действительности Он постоянно находится в стадии изменения.

Джон кивнул.

— Когда пророки писали о неизменности Бога, они говорили людям, что слова Бога на сто процентов надёжны: что Он не обещает людям сегодня одно, а завтра нарушает это обещание. Они не говорили, что Он ни в коей мере не меняется. Я попытался ясно дать понять это в своей собственной Книге Откровений. Я говорил о Боге, раскрывающем новое имя, что Он сотворит новые небеса и новую Землю, и что Он сделает всё заново. Посмотри на Землю и Вселенную вокруг тебя, которая есть Тело Божье. Вся она находится в состоянии изменения и становится новой или обновлённой. Всё изменяется. Поскольку Бог есть всё, и всё меняется, то тогда и Бог меняется.

— Что касается обновления, то это определённо новое учение. Ничего подобного я никогда не слышал ни в какой церкви.

Лицо Джона посерьёзнело.

— Религии мира не верят в новое. Они всегда будут сопротивляться любому новому учению и будут пытаться сохранять старое, даже если неправильность его будет научно доказана, как в своё время церковь преследовала Галилея всего лишь за раскрытие того, что он своими глазами увидел в телескоп.

— Я и сам пришёл к этому выводу. Поэтому я и не хожу ни в какую церковь, хотя в общем верю Писанию.

— Это также одна из причин, по которой выбрали тебя. Любой человек, чей ум заклинило на догме, бесполезен нам в качестве учителя в мире. Может, тебе покажется трудно принять это, но если бы типичный верующий, зацикленный на догме, испытал бы всё, что ты испытал со мной, и выслушал бы то, что ты только что услышал, то я был бы отвергнут, как агент дьявола.

— Даже если бы в мгновение он был бы перенесён на расстояние в полмира? — спросил я.

— Уму непостижима закоснелость тех, кто застрял в религиозных догматах, — качая головой, сказал Джон. — Это продемонстрировал Джошуа, когда Он воскресил из мёртвых Лазаря, после того как тот пробыл в могиле три дня. Вместо того, чтобы обратить религиозных вождей в новую веру, это лишь разожгло их и заставило поторопиться с распятием. Эти руководители также знали без сомнения, что Христос воскрес из мёртвых, так как он после воскрешения явился им, чтобы у них не было оправдания. Даже это не обратило их в веру, и они ещё яростнее боролись с Его последователями. Когда у среднего человека ум застопорен на вере, только уничтожение мира, этой верой вызванное, изменит его. Это может произойти как крах внутренний или внешний.

— В таком ключе я об этом никогда не думал, но определённо вижу, что ты прав. Я не хотел бы менять тему, но какая будет мне подсказка на эту неделю?

— То, о чём мы говорили, и есть подсказка, — ровно сказал Джон.

Я немного подумал, вспоминая стихи из Библии.

— Ты не мог бы мне дать что-либо более определённое? — умолял я.

— Я дал тебе немало пищи для раздумий. Поразмышляй, в особенности над тем, о чём мы говорили касательно Моисея и Бога.

Я задумался на секунду.

— У меня есть ещё пара других вопросов.

— Валяй. У меня есть несколько минут.

— Ты говорил, тебя убивали много раз, один раз даже при Гитлере. Как такое могло произойти с тобой, если у тебя есть способность исчезать? Посмотри, что ты сделал со мной. Ты телепортировал меня на половину земного шара.

Джон улыбнулся.

— Умный вопрос, друг мой. Действуют определённые законы и принципы, которые управляют тем, как можно помогать развивающемуся человечеству. Чем выше оно эволюционирует по духовной лестнице, тем более непосредственно с ним может работать Братство Света. Когда член Братства решает напрямую работать с людьми, он должен подчиниться тем же личностным ограничениям, что и простой народ в целом. Тем самым, когда я непосредственно работал со Штауфенбергом в нацистской Германии, я стал подвержен тем же опасностям, что и он. Единственный для меня способ быть неуязвимым для смерти — это работать на расстоянии через ученика вроде тебя. Если бы я работал с тобой бок о бок, это возбудило бы столько разговоров в силу характера работы, что нас обоих убили бы до того, как была бы выполнена работа. Есть ещё один фактор. В прошлые времена я мог перемещаться из одной части света в другую, и дело с концом. С сегодняшними системами связи, появившись моя фотография в "Нэшнл Инквайрер" или в "Стар" — и с надеждой на анонимность покончено. Так что, принимая всё это в расчёт, мы решили, что лучше всего работать через обычного с виду смертного, такого, как ты.

— Ты имеешь в виду, что я только с виду обыкновенный? — спросил я с интересом.

— Джошуа видит в тебе гораздо больший потенциал, чем ты, может быть, думаешь, — с улыбкой сказал Джон. — Хотя даже твоя жизнь, казалась бы, вполне обыденная, у тебя накопилось немало жизненного опыта, подготовившего тебя к тому, чтобы быть учителем. В свою очередь, ты встретишь и других, которые станут главными игроками на этом участке истории. Некоторые из них так и прожили бы заурядные жизни, если бы не замечательная благоприятная возможность, которую ты предоставишь. Удачные благоприятные случаи порождают величие человеческого духа.

Вот это да! Это дало мне много пищи для размышлений, но я не мог припомнить много жизненных ситуаций, которые подвели бы меня к учительству.

— Звучит ошеломляюще. Так что ты делаешь здесь в Тель-Авиве?

— У нас здесь ученик, такой же, как и ты. Есть ученики и в некоторых других ближневосточных станах. Их основная задача не учить, а оказывать влияние на политических лидеров на пути к миру. Поверь мне, задача у нас сложная, тем более что Темные Братья тоже аккуратно расставили своих учеников. Я думал, смогу, расслабившись, провести немного времени в Бойсе и поучить в своё удовольствие, но, похоже, у нас в последнее время возникли многочисленные кризисы, с которыми надо разбираться. Одна из главных проблем — это распространение ядерного оружия в те страны третьего мира, которые без колебаний применяют его. Эта угроза гораздо больше, чем её представляют ваши руководители. Это всё. Сейчас у меня нет времени рассказывать тебе больше.

Понимая, что время моё истекает, я неохотно вытащил носовой платок из кармана куртки и передал его Джону.

— Моя жена очень признательна за облегчение. Можно ей подержать у себя платок ещё немного?

Джон тихо ответил:

— Поверь мне, я сочувствую ей и тебе тоже, но нужно позволить работать естественным законам. Ей нужно быть наедине со своей борьбой. Позволь мне предупредить тебя, что в течение нескольких последующих недель будет тяжелее, чем ты ожидаешь, но конец будет хорошим, если вы оба будете следовать самому высокому, что вы знаете.

— Это обнадеживает, я полагаю, — сказал я без особой уверенности. "Элизабет так расстроится", — подумал я.

Джон потрепал меня по спине.

— Пора отправлять тебя обратно. Может, на следующей неделе нам удастся провести вместе больше времени.

И в тот же миг я опять оказался на переднем сиденье своей машины. Я вылез и в каком-то оцепенении пошёл к дому. Только через несколько часов я наконец улёгся спать.

Глава 16

Становлюсь

Отправившись в кровать так поздно, я надеялся встать позже обычного, но, трясая за плечо, меня разбудила Элизабет:

— Мои ноги! Я совсем не могу пошевелить ногами!

— Может, они ещё просто спят, — сказал я, сам ещё в полусне.

— Нет, нет. Это хуже, чем раньше. Я едва могу двигать ими сейчас. Помоги мне!

Я ненавижу ощущать себя таким бессильным, но помог ей забраться на своё кресло-каталку.

— Смотри! — заплакала она. — Мои ноги теперь совсем ни на что не годятся.

Даже в самые худшие времена в них была какая-то сила, а сейчас стало хуже, чем когда-либо. Ты принёс платок обратно?

— Дорогая, Джон сказал, что мне нельзя было...

— Что за человек этот тип? Он даёт мне подарок и отбирает его. Теперь мне ещё хуже, чем раньше. Хоть бы я никогда даже и не видела Джона, — горько всхлипывала Элизабет.

Я встал перед ней на колени и крепко взял за руку.

— Не говори так, сладость моя. Благодаря Джону ты твёрдо знаешь, что выздороветь возможно. Он сказал, что если я разгадаю первые три ключа, ты исцелишься. Нам нужно с нетерпением ждать этого времени.

Она на секунду овладела собой и спросила:

— Ну, и ты уже разгадал первый?

— Нет ещё, но подбираюсь ближе.

— Может, и так, а может быть, это какая-то космическая шутка, и ответа просто не существует. Может, мы — никто и движемся в никуда, — сказала она и опять заплакала.

Я на секунду обнял её, а потом поднял за подбородок её лицо и заглянул глубоко в её глаза.

— Я знаю, что ответ есть. Я найду его.

Элизабет отвернула голову.

— Значит, "сознание" — не ответ?

— Нет.

— Так попробуй "ничто" следующий раз. Это ничуть ни хуже чего-либо другого. Ты перепробовал всё, чем мы могли бы быть.

Меня встревожила её холодность.

— Никогда не видел тебя столь негативной.

— Негативной? Ты не знаешь, что такое "негативное", — сказала она с горечью. — Позвони-ка доктору Кеворкяну, и я покажу тебе негативное!

Как только она это сказала, я почувствовал что-то жуткое внутри живота. Мне хотелось бежать от её присутствия как можно дальше. Казалось, будто говорила не она, а какое-то полное ненависти существо. Тем не менее, я знал, что мне нужно было пересилить это чувство показать ей всю свою любовь, какую только мог.

— Твои ноги вернутся. Это только временно, — я попытался приободрить её. — Мы отвезём тебя к врачу. Может, он сможет дать тебе что-нибудь.

— Врач не помогает никогда. Я остаюсь здесь.

— Я позвоню твоей маме, и она сможет подъехать сюда, пока я буду показывать несколько домов.

— Я не беспомощна. Иди, а я позабочусь о себе.

Элизабет выехала на кресле из спальни и покатила к кухне.

Я всё равно позвонил её матери, чтобы приглядывала за ней, когда мне надо было уходить из дома. Мне нужно было делать определённый объём работ, чтобы выжить финансово, и я проводил с Элизабет всё время, которое только мог, но ничего, что бы я ни делал или ни говорил, похоже, не помогало. Она пребывала в самом мрачном состоянии духа, в котором я её когда-либо видел. Почти что казалось, будто она превращалась в другого человека. Понимая, что, может быть, ей уже не много осталось, в каждое свободное мгновение я думал о последних подсказках и о первом ключе. У меня появилось несколько идей, и я задумал поделиться ими с Вэйном за нашим следующим завтраком.

Когда настало воскресенье, Элизабет всё ещё находилась в дурном состоянии и даже не хотела, чтобы я завтракал с Вэйном. Я убеждал её, что мне нужен кто-то, чтобы перебраться идеями, и в важности разгадки ключей, но она, казалось, вела себя так, будто я тратил время впустую. Обычно она бывала очень благосклонна, и это сопротивление, казалось, не было ей свойственно. Я отправился на встречу с Вэйном невзирая на её замечания.

— Как я понимаю, мы опять вернулись на наше обычное для еды место, — сказал Вэйн. — Как прошла твоя неделя?

— Происходило и самое хорошее и самое плохое, — сказал я с натянутой улыбкой.

— И у меня бывали такие недели, — сказал он. — Ну так что, ты решил, что мы — это сознание, или пришёл к соображениям даже покруче?

— Я пришёл к заключению, что ядро нашего существа — это не сознание, но оно использует сознание. Сознание — как фотоаппарат, а наше истинное я — вроде фотографа, который делает снимки.

— Ну, и кто такой или что такое этот фотограф? — спросил Вэйн.

— Пока не знаю. Ты знаешь, что философ Декарт пытался открыть, что в человеке есть такое, что он мог бы назвать истинным, и он предложил фразу: "Я мыслю, следовательно, я существую".

— Да, — согласился Вэйн, — если память мне не изменяет, на латыни эта знаменитая фраза звучала так: "Cogito ergo sum". Декарт, используя процесс исключения, заключил, что единственное, что он знал наверняка, — это что он думал, и, следовательно, он несомненно существовал. Это одна из тех вещей, которые я узнал в колледже. Думаю, интересно, что и Декарт, и Бог — оба свели нашу сущность к фразе: "Я есть". Может быть, мы просто есть, и это великая тайна, которую мы никогда не познаем и не поймём.

— Забавно, что ты это сказал. На днях я изучал слова Бога Моисею, и фраза "Я есмь Сущий" — это неверный перевод. Согласно специалистам-филологам, дословный перевод таков: "Я становлюсь тем, чем Я становлюсь. Пойди и скажи сынам Израилевым, что Он, который становится, послал меня". Принимая это в расчёт, кажется, что сущность Бога, которая может быть и нашей собственной сущностью, как-то связана с процессом становления.

— Стало быть, Декарту, возможно, следовало бы сказать: "Я мыслю, следовательно, я становлюсь".

— Вероятно, это было бы точнее, — сказал я, — но я думаю, за всем этим кроется какая-то тайна, которую мы пока ещё не разглядели. У нас есть сущность, которая становится, меняется или эволюционирует, но я не думаю, что я уже её нашёл.

— Сомневаюсь, что мы когда-либо её найдём, — сказал Вэйн. — Мы просто есть. Выяснить что-либо больше этого будет для нас практически невозможно.

— Не может быть, что невозможно! — сказал я с большей силой и чувством, чем ожидал.

Вэйн опешил:

— Как скажешь, приятель. Ты весьма серьёзно относишься к этому своему поиску, не правда ли?

— Думаю, так. Я не хотел тебя ошарашить. Я своего рода нахожусь под сильным стрессом. Элизабет опять стало намного хуже, мои финансовые возможности для помощи ей ограничены, и мои эмоции на пределе.

— Я сочувствую тебе и ей. Хочешь, заскочу как-нибудь вечером на неделе, и посмотрим, может, я смогу поднять ей настроение?

— Вероятно, это не повредит, но сначала позвони. Последнее время она как-то ушла в себя. Ведёт себя так, будто не хочет никого видеть.

— Иной раз хорошо быть в компании, даже если ты и не в настроении.

— Согласен. А теперь, возвращаясь к главной мысли, — сказал я, подаваясь вперёд, — что, ты думаешь, в нас есть, что "становится"? Это что-то нельзя просто назвать: "Я есть". У этого чего-то должно быть название.

— Если бы я тебя не знал хорошо, я бы сказал, что ты становишься одержим этой мыслью. Вот, мы разговариваем про кризис у твоей жены, а ты переключаешься опять на философию. Это кажется странноватым.

— Ты прав, это действительно кажется странным, но тому у меня есть веская причина.

Я на мгновение остановился, чтобы придумать убедительную причину, которая не была бы ложью.

— Элизабет очень заинтересована в том, чтобы я нашёл ответ. Думаю, если я придумаю что-нибудь дельное, это поднимет ей настроение.

Похоже, Вэйна это не убедило:

— Странный способ поднимать кому-либо настроение.

Я замолчал. Мне было по-настоящему противно утаивать что-то от Вэйна.

— Мы были хорошими друзьями долгое время, — наконец сказал я. — Мог бы ты просто поверить на слово? Это много бы значило для меня и, возможно, для Элизабет.

Вэйн посмотрел мне в глаза.

— Я знал тебя долгое время. Я думаю, тут есть что-то, о чём ты мне не говоришь, но, если это что-то важное, то я буду играть в твою игру.

— Есть кое-что, о чём я не могу тебе рассказать. Всё, что я могу сказать тебе сейчас, это то, что найти ответ на вопрос для меня важно.

— Ну, теперь я действительно сгораю от любопытства, — Вэйн подался вперёд и понизил голос. — Давай. Мне ты можешь сказать. Ты рассказываешь мне всё.

— Как только смогу, я скажу тебе, но только не сейчас.

Вэйн откинулся назад.

— Хорошо. Я пока освобождаю тебя от ответственности, но в ближайшее время ожидаю смачных подробностей. Почему меня не покидает чувство, будто ты считаешь, что у тебя было видение или что-то в этом роде?

Я попытался беззаботно улыбнуться.

— Кто его знает? А теперь я хочу, чтобы ты пошевелил мозгами и сказал мне, нет ли у тебя каких-нибудь более глубоких мыслей на этот счёт.

— Ответь мне. Ты действительно думаешь, что мы в состоянии получить правильный ответ?

— Ты знаешь, что я никогда тебе не лгал. Вот что я тебе скажу. Мне довелось узнать, что мы в силах получить ответ.

— Ты так думаешь? — произнёс Вэйн, прямо смотря мне в глаза.

— Я же сказал тебе, я знаю это, — с силой сказал я.

— Отлично, — сказал Вэйн. — Мы продолжим, предполагая, что в этом ты прав, и что мы и в самом деле можем идти туда, куда доселе не ступала нога человека. Пожалуй, ключ здесь в том, что Бог действительно сказал Моисею, что он становится, нежели чем он просто есть. "Становлюсь" подразумевает действие, движение, развитие, в то время как "Я есмь" предполагает статическое неизменное состояние. Так вот, все известные мне религии считают Бога совершенным и не меняющимся, а "Я СТАНОВЛЮСЬ" подразумевает Бога, который меняется и движется к более высокому уровню. Это значит, что Он не совершенен, поскольку, если бы Он был таковым, Ему не надо было бы развиваться дальше. Быть может, как учат некоторые, люди являются богами именно по той самой причине, что мы несовершенны, а также находимся в состоянии постоянного изменения и эволюции. Может, совершенство Бога — это всего лишь какой-то фокус, прошедший через века, и оно абсолютно ошибочно. Может, Бог попал в этой вселенной в западню и просто пытается найти дорогу домой, как в той песне поётся.

У меня в голове вспыхнул свет:

— Здорово, Вэйн! Не знаю, прав ли ты, но, по крайней мере, ты выводишь нас на новые территории. Теперь давай допустим, что на правильном пути в отношении того, что такое Бог. Если мы поистине боги, то тогда кем или чем мы будем?

— Сложный вопрос. Может, мы — это движение или действие, — сказал Вэйн.

— Знаешь, может быть. Всё остальное, что люди считают нашей сутью, — просто либо транспортное средство, либо прибор, а действие или движение — это не средство передвижения. Ты ведь знаешь, исследуя мир атома, учёные нашли только движение, но не обнаружили ничего, что они могли бы считать твёрдым. Представляешь, все состоит из длин волн в движении, поэтому движение может быть ответом.

— Правильно. Без движения на атомном уровне не было бы ни жизни, ни формы в привычном нам виде.

Я полез в карман за деньгами, чтобы заплатить за свой завтрак.

— Думаю, мы на верном пути. Нутром чую. Спасибо за помощь, Вэйн. Извини, что прерываю наш завтрак, но мне пора.

Я встал, собираясь уходить.

— Почему у меня такое чувство, что мы опять будем об этом говорить? — задумчиво сказал Вэйн, пока мы шли к кассе.

— Ты, наверное, прав, мой друг. Ты, наверное, прав.

Глава 17

Атака темноты

У меня было чувство, что мне не следовало надолго оставлять Элизабет одну и надо было возвращаться как можно скорее. Я убедился, что предчувствие меня не обмануло, когда я вернулся домой и обнаружил, что её кресло-каталка было пустым.

— Элизабет! — прокричал я.

Ответа не было.

Я стал обшаривать все комнаты в доме. Наконец я услышал всхлипывания, доносящиеся из ванной. Я вбежал внутрь и обнаружил Элизабет в углу, с выражением ужаса на лице и высыхающими слезами на щеках.

— Дорогая, что произошло? Как ты вообще забралась сюда без каталки?

— Ты был мне нужен, а тебя не было. Я же говорила, что не хотела, чтобы ты уходил.

— Давай-ка я помогу тебе опять устроиться на кресле, и мы поговорим.

Я поднял её и понёс обратно к креслу-каталке. Она крепко вцепилась в меня, тихонько всхлипывая.

— Ну вот. Теперь я сделаю тебе чашечку чая, и мы поговорим.

Я приготовил нам обоим травяного чая и сел напротив неё за стол.

— Хорошо. Теперь расскажи, что случилось.

Она посмотрела на меня, и внезапно её лицо охватило выражение ужаса, какого я никогда раньше не видел. Она вскричала: "Это он!" и стала откатываться от меня назад так быстро, как только могла.

Я побежал за ней, схватил её и заставил опять посмотреть на меня.

— Смотри на меня! Это я. И никто другой.

— Я видела его лицо. Твоё лицо превратилось в его лицо!

— Чьё лицо? — спросил я с растущим отчаянием.

— Когда ты ушёл, я почувствовала усталость и уснула в своём кресле. Мне снилось, что я была на барахолке, где разные люди раскладывали свою утварь. Я сидела на своей каталке, но ухитрилась переезжать от палатки к палатке, пока не подъехала к одной, хозяином которой, похоже, был Джон. Странно, подумала я, что он был в тёмных солнечных очках, и я подкатилась поближе и увидела, что он продавал всевозможные шарфы и изящные носовые платки. Как только он меня заметил, то сказал: "Я знаю, что ты хочешь". Он взял старинную деревянную коробку, открыл её и вытащил тот старый красный платок.

"Можно я возьму его себе?" — с мольбой попросила я.

"Конечно, он может быть твоим, моя дорогая. Вот, бери".

Он помахал платком передо мной, и я ухватилась за его конец и немедленно почувствовала, как ко мне возвращаются силы, но меня озадачил тот факт, что Джон продолжал держать его за другой конец.

"Ты дашь мне его?" — спросила я.

"Только при одном условии", — сказал Джон.

"И при каком же?"

"Шесть секунд смотри мне в глаза".

Такое требование мне показалось странным, и что-то в нём было непохоже на Джона. Его голос, солнечные очки, эта просьба — всё выглядело поистине странным. Тем не менее, я хотела платок, и его просьба казалась безобидной, так что я согласилась.

Тогда он сказал: "После того, как ты посмотришь мне в глаза в течение шести секунд, ты получишь платок". Он снял свои солнечные очки, и к своему ужасу я увидела, что у его глаз не было ни зрачков, ни радужки. Они были полностью белыми. Я удивилась, но по-настоящему хотела платок, так что посмотрела на него в ответ. Внезапно меня охватило самое зловещее чувство, которое только можно себе представить. Затем я почувствовала, что меня парализовало, почувствовала, как из моего тела высасывается сама жизненная сила. Я хотела отвернуться, но не могла. Каким-то образом я ощутила, что, когда истекнут шесть секунд, я буду обречена на смерть, исчезновение, ад... кто знает, на что.

— Ну так ты смотрела на него в течение шести секунд? — спросил я, страстно желая услышать её ответ.

— Несколько секунд, которые я смотрела на него, в некотором роде казались вечностью, но каким-то образом, внутри, я, похоже, ощущала истинное течение секунд. За время первых трёх секунд лицо этого человека изменилось, и я увидела, что этот человек не был Джоном. Это был более старый женоподобный мужчина с белыми волосами. Примерно на пятой секунде он улыбнулся. Это была улыбка, которую я больше никогда не хочу видеть. От неё по всему моему телу пробежала зловещая дрожь. Казалось, это была улыбка серийного убийцы, который наблюдает, как умирает его жертва и наслаждается моментом смерти. В это мгновение я в своём сердце возопила к Богу, чтобы дал мне сил, и прямо перед началом шестой секунды я получила силы, чтобы отвернуться, и тотчас проснулась.

Я обнял её и сказал:

— Бедненькая моя. Что за ужасное приключение.

— Это ещё не всё, — продолжала Элизабет. — После того, как я проснулась, я поняла, что это было похоже на реальность, однако, утешала себя, что это был лишь сон. Но затем рядом с собой я почувствовала то же кошмарное присутствие, вроде того, что произошло с тобой. Я попыталась отъехать подальше от него, но каталка будто бы стояла на тормозе. Каким-то образом я вывалилась из каталки и стала отползать. Я повернулась и снова посмотрела в сторону присутствия этого существа и увидела неясный контур беловолосого человека, и услышала его произнесённые шёпотом слова: "Ты всё равно мертва, так почему бы не отдать свою жизнь мне".

Я вскричала: "Нет!"

Тогда он сказал кое-что очень странное: "Скажи своему мужу, что я знаю, кто Я ЕСТЬ. Я ЕСТЬ ТО, ЧТО Я ЕСТЬ. Я ЕСТЬ ЛИЧНОСТЬ. Я — личность — это всё, что имеет значение". Потом он исчез, но я всё ещё ощущала его присутствие и приползла в ванную, где ты меня и нашёл.

— Его присутствие ещё здесь? — спросил я.

— Я снова ощутила его, когда увидела его лицо вместо твоего, но сейчас, кажется, оно ушло.

— Забавно, что я чувствовал его присутствие раньше, но не сейчас, — сказал я. — Может быть, зло должно быть выявлено, равно как и добро.

— Я просто рада, что ты здесь, — со слабой улыбкой сказала Элизабет. — Хочу, чтобы ты больше никогда меня не покидал.

Я снова обнял её.

— Подумать только, пройти через эту болезнь уже, казалось бы, принесло тебе сполна боли в жизни и без того, чтобы проходить через что-то вроде этого.

— Вот что я скажу тебе, — с глубоким вздохом сказала она. — Я думала, что узнала, что такое страх, когда выяснила, что у меня неизлечимая болезнь, но это было ничто по сравнению с тем сущим ужасом, который я прочувствовала сегодня. Это как будто вся моя душа была под угрозой, вдобавок к моей жизни.

Элизабет всё ещё трясло, и я крепко прижимал её к себе.

— Я знаю, — кивнул я. — Я чувствовал его присутствие. Воистину, надо пережить это, чтобы понять, какие ощущения оно может породить.

Я глубоко вдохнул и отпустил Элизабет.

— Думаю, нам пора допить чай.

Мы уселись за стол и, подогрев чай в микроволновке, продолжили разговор. Я спросил:

— Это существо сделало интересное заявление о том, кем мы, по его мнению, являемся. Какими словами он выразился?

— Он просил передать тебе: "Я есть. Я есть то, что я есть. Я есть сам я. Я, я сам — это то, что имеет значение."

Я ответил:

— Здесь, по-моему, интересно то, что Джон сказал, что "Я есмь, что я есмь" — неправильный перевод. Интересно сравнить эти два перевода. "Я есмь" предполагает статическое состояние и является ещё одним способом сказать: "Я". "Я становлюсь" подразумевает состояние развития, которое требует смотреть вне себя. В некотором странном смысле мне это стало вполне понятно. Для хороших ребят "оттуда" своё "я" не является решающим, а важно, во что развивается личность в связи со всеми другими личностями. А для "плохишей" своё "я" — это всё, поэтому любая цель, которую они ставят — это только принести пользу своему "я", насколько они понимают.

— Почему, ты думаешь, у его глаз были только белки? — спросила Элизабет, теперь уже спокойнее, но я мог уловить, что воспоминания об этом событии всё ещё приводили её в ужас.

— Не знаю. Может, это символ их слепоты.

— Итак, ты думаешь, что "новоэровцы" не правы, когда говорят, что нам надо по всем вопросам смотреть в себя?

— Может быть, они просто не знают полной правды. С другой стороны, христиане могут быть не правы в равной мере, когда они делают упор на перевод "Я есмь", а не на "Я становлюсь". Похоже, что и "новоэровцы", и христиане непреднамеренно стали уделять чрезмерное внимание нашему "я".

— Забавно, что это зловещее существо, может, скорее помогло нам, чем поставило палки в колёса, — сказала Элизабет, помешивая чай. — Возможно, в конечном счёте, мы просто индивидуальные "я"?

— В некотором роде мы — индивидуальные "я", и для Тёмных Братьев на этом всё и заканчивается. Тем самым, они всё делают корысти ради. А лейтмотив Братьев Света — бескорыстие. Поэтому они видят что-то за пределами себя и что-то большее, чем "я". Почему-то я чувствую, что слово "СТАНОВЛЮСЬ" является здесь ключевым. Может быть, для тех, кто в свете, "я" лишено смысла, так как они находятся в состоянии развития. Поэтому завтра "я" будет не таким, как "я" сегодня.

— А в противоположность этому неразвивающееся "я" завтра будет каким же, как сегодня, — добавила Элизабет.

— На мой взгляд, занятно также, что это как раз и отражает основное представление человека о Боге, что Он тот же самый — вчера, сегодня и навеки. Только подумай, такая концепция делает Бога очень скучным, не правда ли? — задумался я.

— Может, это одна из причин того, что я так упорно отвергала религию. Я всегда наслаждалась новыми приключениями, а всё, связанное с религией, казалось, сосредотачивалось на том, чтобы всё оставалось таким, как сейчас, и чтобы не нарушать спокойствия никакими переменами.

Она остановилась, допила чай и затем спросила:

— Так что вы с Вэйном придумали насчёт первого ключа?

— Похоже, всё, до чего мы до сих пор додумались о том, кем мы можем быть, это что мы являемся некоего рода транспортным средством. Даже как таковое сознание — вроде фотоаппарата, которым пользуется наше истинное "я". Так что мы наконец придумали такое, про что Джон не сможет сказать, что это средство передвижения.

— И что же это может быть?

— Всё создано вибрацией, действием или движением, так что это и есть то, чем мы являемся.

— Мне такой ответ кажется странным.

— А ты подумай об этом. Если бы всё было неподвижным, тогда не было бы взаимодействия, и если бы остановились вибрации, которые образуют атом, ничего бы не существовало. Наверняка мы состоим из некоторого рода вибрации в движении, и если бы она прекратила существование, тогда и мы прекратили бы существование. Следовательно, мы должны состоять из движения как такового. Это объясняло бы, почему мы становимся.

— Может, это и хорошая мысль, но я не чувствую, что она правильная, — нахмурившись, сказала Элизабет.

— Может, она и неправильная, но это самое лучшее, до чего я смог додуматься на настоящий момент. У меня такое чувство, что мы подходим ближе. Думаю, следующий намёк покажет.

— Надеюсь, — вздохнула Элизабет. — Не знаю, на сколько ещё хватит моих сил.

Я взял Элизабет за руку.

— Ты справишься, дорогая. Когда мы разгадаем третий ключ, Джон обязался тебя исцелить.

— Если бы ты смог разгадать хоть первый, это бы меня приободрило, — сказала она. — Похоже, ты пытаешься искать ответ, который ускользал от лучших философов в истории. Что заставляет тебя думать, будто ты можешь выйти за пределы того, что когда-либо делалось?

— Не всякому в помощь был апостол Иоанн, — мягко сказал я.

— Но Джон скитался по земле две тысячи лет. Может, и они пользовались его помощью. Может, это будет сложнее, чем ты думаешь.

"Точно подмечено", — подумал я про себя, пока старался убедить её в том, что мы всё-таки разгадаем ключи.

Глава 18

Тёмные Братья разоблачены

В следующий четверг вечером, когда мы с Элизабет ужинали, и я раздумывал, как мне на этой неделе связаться с Джоном, я услышал стук в дверь. К моему удивлению, это был Джон!

— Надеюсь, что не навязываюсь, — сказал он.

— Нет, нет, заходи. Дорогая, смотри, кто пришёл!

Похоже, Элизабет была приятно удивлена.

— Садитесь ужинать с нами.

— Может, тебе придётся меня уговаривать, — улыбнулся Джон.

— Надеюсь, ты ничего не имеешь против жареного фарша с соусом, — сказал я.

— Если вкус так же хорош, как запах, то совсем не против.

Мы сели ужинать и рассказали ему, что случилось с Элизабет.

— Я знал, что они попробуют что-то вроде этого, — нахмурившись, произнёс Джон.

— Что бы произошло через шесть секунд, если бы она не прервала это? — спросил я.

— Этот противник похитил бы твои жизненные силы, чтобы поднять свою собственную жизнеспособность. Без помощи Братьев Света ты бы умерла через несколько дней.

Элизабет была в ужасе.

— Что, эти деятели своего рода духовные вампиры? — спросил я, следя за её реакцией, а потом за реакцией Джона.

— Совершенно верно, — сказал он. — Ты обнаружишь, что многие рассказы и сказки вашей культуры содержат зёрна правды. Согласно рассказам, вампир крадёт кровь своей жертвы, чтобы дать себе новую жизнь. Теоретически он мог бы жить вечно, если бы у него был бесконечный запас жертв. Эти Тёмные Братья не берут у тебя кровь, но действительно отбирают жизненные силы, что соответствует физической силе крови. Эта украденная жизненная сила позволяет им продолжать существование.

— Тогда что же они делают, проводят своё время в охоте на беззащитных жертв вроде Элизабет? — спросил я, взяв Элизабет за руку.

— Он атаковал Элизабет, потому что пытался добраться до тебя и положить конец нашей работе. Получить её жизненные силы было бы дополнительным призом. В действительности они получают большую часть своей энергии, работая через агентов на Земле.

— Что вы имеете в виду под "агентами"? — спросила Элизабет.

— В точности так же, как ты скоро станешь агентом Братьев Света, на Земле также существуют агенты врагов света, или Тёмного Братства. Просвещённые братья питают массы тех, кто открыт Духу, и вырабатывают прирост энергии, а Тёмные Братья крадут энергию, питаясь за счёт масс, и заинтересованы только в помощи самим себе.

Джон продолжал:

— Когда ты находишься в присутствии тёмного агента, ты зачастую ощущаешь необъяснимую откачку энергии. Иной раз ты чувствуешь слабость и даже должен присесть. Часто под его влиянием человек не может ясно мыслить и буквально не в состоянии произнести ничего, кроме слов согласия.

— Я знаю, — перебил я. — Я ощущал такое несколько раз в жизни, но не могу сказать, что те люди, которые вызывали у меня эти ощущения, были тёмными агентами. Один был широко известным религиозным вождём, другой — правительственным должностным лицом, а ещё один был главой корпорации. У всех них были непогрешимые репутации.

— А ты не заметил, что их всех окружала как бы необычная аура авторитетности? На мгновение я задумался о них.

— Да, особенно я помню авторитетность вокруг религиозного лидера. Помню, я не согласился с ним и не смог заставить себя высказаться вслух. В то время я не мог понять, почему я ничего не сказал.

Джон со знанием дела улыбнулся:

— Им необходимо парализовать твоё сопротивление перед тем, как они смогут красть твою энергию. Когда ты поддаёшься их иллюзорному авторитету, ты практически становишься подчинённым и источником их силы, но их сила не настоящая, поскольку она краденая. Когда человечество проснётся и востребует обратно их силу, всё могущество Тёмных Братьев немедленно улетучится, и противник будет скован более чем на тысячу лет, как предсказано.

— Так как же освободиться от их контроля? — спросила Элизабет.

— Иллюзия авторитета — вот что даёт им силу. У них была власть заткнуть тебе рот, поскольку какая-то часть тебя поддалась этому авторитету. Ты можешь с лёгкостью нейтрализовать любого тёмного агента, полностью освободившись от всего его так называемого авторитета и признавая только один авторитет. Знаешь, какой?

— Бога?

— И где ты находишь Бога?

— Внутри, я думаю.

— Да. Мастер сказал: "Царствие Божие внутри вас есть". Если ты духовно подчинишься любому человеку извне себя, ты рискуешь утратить истинный свет и подвергнуться влиянию ложного.

— Означает ли это, что в идеальном мире у нас не будет вождей и гражданской власти?

— Отнюдь нет. Структура общества не выстоит без вождей, начальников и каких-либо гражданских властей. Ты можешь поддерживать босса, мэра, местную полицию и других, и тем не менее, отдавать всю свою духовную преданность Богу внутри себя. Лишь немногие в состоянии почувствовать разницу между сотрудничеством с властями на благо всему целому и тем, когда уступаешь свою власть авторитету. Ты до конца поймёшь это, только когда успешно нейтрализуешь тёмного агента. Вот тогда ищущий понимает. Ты успешно выполнил это, когда нейтрализовал Тёмного Брата, который явился тебе.

Джон усмехнулся с иронией:

— Поверь мне, ты действительно застал его врасплох, насмеявшись над ним. Он всё ещё шатается после той встречи. Это одна причина, по которой он атаковал твою жену.

Джон сосредоточил на мне свой пристальный взгляд.

— Ты заметил, кем он прикинулся?

— Да, он притворился, что он — это ты, — ответил я.

— Как ты думаешь, почему он это сделал?

— Потому, что ты — величайший духовный авторитет в наших жизнях?

— Да, и это досадно. Элизабет отдала мне слишком много своей власти, и это дало возможность Тёмным Братьям атаковать. Ты должна запомнить вот что: дверь должна быть открыта, прежде чем они смогут зайти. Когда ты научишься держать запертыми все двери, они не будут в состоянии тронуть тебя на духовном и энергетическом уровнях.

— У него были жуткие глаза, — лицо Элизабет исказила гримаса. — Они были белыми без зрачков и радужки.

— Причина, по которой его глаза казались белыми, в том, что они были повернуты внутрь, в себя. Это символ их крайнего эгоизма. Их глаза могут выглядеть нормально, когда они захотят, но когда они пытаются совершить акт предельного себялюбия, то есть взять жизненную силу другого и использовать её, как свою собственную, они поворачивают свои глаза внутрь, на себя. Это помогает им откачивать сифоном твою энергию для их ужасного употребления. Таким образом, если ты когда-либо увидишь, или тебе приснится существо, у которого видны только белки глаз, избегай смотреть на него, как ты избегала бы смотреть на Медузу.

— На физическом плане у агентов Тёмных Братьев есть власть красть жизненные силы? — спросил я.

— У непосвящённых агентов на Земле нет власти убивать отрицательной энергией, но у них есть способность воровать достаточно, чтобы ты почувствовал слабость. А ещё есть на физическом плане горстка Тёмных Посвящённых, которые обладают большим могуществом. Продвинутые Тёмные Братья, такие, как тот, с кем ты только что повстречался, существуют в другой астральной сфере. Как правило, ты встретишься с ними, только если представишь реальную угрозу их планам.

Джон продолжал:

— Этим агентам Тёмных Братства часто даётся успех в материальном плане и престиж в обмен на передачу энергии Тёмным Братьям. Даже несмотря на то, что они преданы эгоизму, у них всё же имеются некоторые очевидные причины помогать друг другу. Верховные владыки в невидимом мире находят определённых агентов полезными, и они знают, что должны бросать им крошки, чтобы заручиться их сотрудничеством; а когда они больше не нужны, то и крошек они больше не получают. С другой стороны, Братство Света предано своим ученикам, а также человечеству, и всегда начеку, чтобы подать руку помощи. Мы, однако, отнюдь не столь могущественны, как многие полагают, и во многих аспектах ограничены в размерах помощи. Для повезло, что я освободился достаточно, чтобы учить тебя.

— Это честь для нас обоих, что ты у нас есть, — сказал я, получив кивок согласия от Элизабет. — Значит, насколько я понял, многие из наших лидеров с высокими полномочиями, постами и влиянием, на самом деле, Тёмные агенты.

— Да. Многие из них. Большинство из них не подозревают, что являются агентами, передающими тёмную энергию, но горстка наиболее опасных полностью отдаёт себе в этом отчёт. Потом мы также должны помнить, что не все лидеры — тёмные агенты. Всегда имеется горстка тех, кто искренне делают всё возможное, чтобы служить. Даже в этой последней категории многие идут по обманчивым путям, и тем самым их добрые намерения нейтрализуются.

— Ты говоришь, — вставила Элизабет, — что я не была бы в опасности, если бы не дала тебе слишком много власти?

— Совершенно верно, — сказал Джон.

— Как же тогда мы можем учиться у тебя, если мы не признаём твоего авторитета?

— Ключ, — сказал Джон, — в том, чтобы понять, что существует только один авторитет. Этот авторитет — Святой Дух, и только изнутри можно войти в контакт с ним. Тем не менее, все люди связаны Духом. Та единственная авторитетность, которая у меня есть, идёт через Дух. Когда я говорю истину, и ты сосредоточен на Духе внутри, ты почувствуешь подтверждение изнутри. Когда ты ощутишь это подтверждение, ты примешь мои слова не потому, что ты видишь меня как авторитет, а благодаря подтверждению через свой собственный авторитет.

Тёмный брат обманул тебя, поскольку ты принимала мои слова и действия, не сверяясь с Духом внутри. Целительная сила носового платка убедила тебя, что ты должна принимать меня невзирая ни на что. Это огромная ошибка, которую всегда делают начинающие ученики. Даже если я всегда прав, ты всё же должна проверять, поскольку может настать время, когда тот, о ком ты будешь думать, что это я, наконец окажется не мною, в точности так же, как произошло при обмане тебя. Таким образом, передача своей власти даже истинному слуге может открыть дверь Тёмному Брату, чтобы тот обхитрил тебя.

— Не могу понять я этих Тёмных Братьев, — качая головой, сказала Элизабет. — Я не понимаю, почему они такие разрушители.

— Главное различие между Светлым и Тёмным Братом заключается в том, что один видит при свете, а другой ищет ощупью во тьме, — ответил Джон.

Я обдумал это высказывание и спросил:

— Что, это ещё один способ сказать, что первый использует свой разум, чтобы постигать истину, а другой использует эмоции, чтобы скрывать правду?

Джон улыбнулся:

— Именно так, друг мой. Представь себе две группы людей, пытающихся найти дорогу домой. Одна группа путешествует ночью, а другая — при свете дня. Какой будет проще всего?

— Конечно, той, которая путешествует днём, — ответил я.

— Всякая разумная жизнь рано или поздно ищет Бога. Даже Тёмные Братья прошли через то, что обе стороны называют "долгой тёмной ночью души", но той ночью они не нашли Его, так что они создали Бога по их образу и, тем самым, установили систему, в которой Бог находится не во Вселенском Духе, а во внешних формах. Таким образом, ты понимаешь, почему Тёмные Братья убедили израильтян соорудить золотого тельца как источник внешней власти.

У всех, за редким исключением, есть свой золотой телец, который крадёт их могущество. Но сияние золота должно в конце концов уступить место чистому белому свету горы Синай, который указывает дорогу домой.

Много ещё предстоит открыть о свете и тьме. Всякий может иной раз судить правильно, а в другой раз обмануться. Чтобы оставаться в свете, требуется непреходящая бдительность. Время от времени я буду раскрывать тебе больше об этом.

Джон отпил кофе.

— Времени у меня мало, так что нам надо продолжить наш урок. Ты уже выяснил, кто или что такое мы?

— Думаю, я уже либо нашёл истину, либо близок к ней, — сказал я, пододвигаясь к Джону. — Когда учёные исследуют материю, они говорят, что не могут найти доказательств существования твёрдых частиц. Всё, что они, похоже, находят на самом микроскопическом уровне — это волны в движении. Если бы все волны стали неподвижны, вселенная бы фактически исчезла. Если бы остановилось движение волн, слагающих меня, я бы вероятно прекратил своё существование. Таким образом, истинный я должно быть движением или действием какого-то рода.

— Очень хорошо, — сказал Джон. — Прийти к этой мысли — важная веха, но ты ещё не добрался до конца. Ответь мне на такой вопрос: "Что находится в движении, и какая такая сила вызывает это движение?"

На секунду я задумался.

— Если не существует такой штуки, как твёрдая материя, тогда в движении находится ничто, если такое возможно. Я полагаю, что сила, приводящая волны в движение, является чистой энергией.

— Но, — сказал Джон, — если твёрдой материи не существует, тогда в движении ничто, как ты говоришь. Поэтому, разве не логично будет резюмировать, что энергия не требуется для движения, так как ничего по сути и не движется?

— Может, я всё-таки была права, — хихикнула Элизабет. — Я полушутя сказала, что мы — ничто, и, возможно, была права.

— Что касается материального плана, да, ты права, — сказал Джон. — Но с точки зрения большей реальности ты — есть что-то великое. Это "что-то", которое производит всё движение во вселенной, — великая тайна. Энергия — не ответ, потому что в действительности ничего плотного, по существу, в движении не находится.

Сейчас я дам тебе две основные подсказки. Первая. У меня в руке ручка. Сейчас я возьму эту ручку и брошу её вон туда, на тот диван.

Джон швырнул ручку на софу.

— Ну, что заставило эту ручку перелететь на диван?

— Очевидно, ты, — сказал я.

— И кто или что я? И не говори: "Джон".

— Так что, это истинный ты швырнул эту ручку?

— Да. То, что есть истинное я, заставило ручку двигаться. Это первая главная подсказка. Вторая — это притча. У вас обоих найдётся несколько минут, чтобы мне рассказать её вам?

— Честное слово, мы никуда не собираемся уходить, — сказал я.

Глава 19

Притча

Джон продолжил:

— Внимательно прослушайте эту притчу и, после того как я уйду, запишите её своими словами. Позже ты опубликуешь её, и для многих она станет вдохновением. Если ты почувствуешь Дух в словах её, ты догадаешься, откуда она берёт начало.

В одну ночь скончались Джим, Майк, Рон и Дэйв. Вскоре после этого они обнаружили, что все они шли по проторенной дороге. Идти по дороге казалось правильным. В конце концов они дошли до развилки. Одна дорожка уходила левее, другая — правее. Некоторое время они стояли, обдумывая, что делать, как вдруг откуда ни возьмись появился человек в белом и дал им указания.

"Добро пожаловать, друзья мои, — сказал он. — Вы подходите к вашему новому дому, и я здесь для того, чтобы проинструктировать вас настолько, насколько дозволено. Вы обратили внимание, что перед вами два пути. Один ведёт в Рай — место более прекрасное, чем вы можете себе представить. Другой ведёт в Ад — землю, полную мрака, отчаяния и гнусных людишек. Всё, что я могу вам сейчас сказать, это то, что вам предстоит выбрать путь, но как только вы доберётесь до места назначения, вы не сможете вернуться назад. Как только придёте в Рай, то останетесь там, или, как только войдёте в Ад, то останетесь там. Могу сказать ещё вот что. Не пугайтесь, поскольку награда, которую вы в итоге получите, будет той, которую вы заслуживаете. Идите вперёд с уверенностью, что, если вы вели праведную жизнь, вы пожнёте то, что посеяли. Вы должны следовать по одному, и каждый должен пройти путь в одиночку".

Сказав это, человек исчез. Эти четверо были поражены этим, в некотором роде случайным, методом достижения Рая или Ада. Наконец, они решили, что должны идти вперёд, и тянули жребий, чтобы определить, кому идти первым. Джим получил возможность идти первым и выбрал дорогу направо. Он думал, что, возможно, она ведёт в рай, потому что правое всегда ассоциируется с добрым. Но по мере своего движения он услышал неистовые крики диких зверей, облака, казалось, закрыли солнце и земля, похоже, задрожала. Он очень перепугался и подумал: "Может, я выбрал неверный путь". Он развернулся, пошёл назад к началу дороги и рассказал остальным о своих приключениях. Затем он решил испробовать дорогу налево. Продвигаясь вперёд на свой страх и риск, он видел всё больше и больше не предвещающих ничего хорошего знаков. Его постоянно терзал вопрос, как далеко он может зайти до тех пор, когда уже не сможет повернуть назад, и с каждым шагом ему становилось всё страшнее и страшнее, пока он не был вынужден отступить назад, к началу.

Видя, что Джим не смог принять твёрдого решения, какой путь выбрать, Рон и Дэйв предложили, что теперь пришла очередь Майка. Однако, Майка парализовал страх, поскольку, по рассказу Джима, ни одна, ни другая дорога не казалась очень райской. "Я немного подумая, — сказал он. — Уступаю очередь кому-нибудь другому".

Теперь на очереди был Рон, и он сказал: "Я выбираю дорогу направо и не возвращаюсь". Следуя своему решению, он прошёл мимо кричащих диких животных, и через темноту, и сквозь грозовые облака, пока не очутился в каком-то месте неопишуемой красоты и спокойствия. Он решил, что оказался в раю, и остался там.

Теперь настала очередь идти Дэйву. Джим сказал, что слышал, как дикий зверь съел Рона, и всех охватил ледяной озноб беспокойства. Дэйв не был уверен, что принял правильное решение, выбирая дорогу налево. Он подумал про себя: "Что бы ни случилось, я пойду этим путём и не буду падать духом".

Чем дальше он шёл, тем становилось всё хуже и хуже. Отовсюду раздавались душераздирающие крики диких зверей, повсюду из грозовых туч били свирепые молнии. Всё же он продолжал путь, пока не дошёл до знака: "Ад". Дорога позади него исчезла, и возврата назад не было. Перед ним открылось приводящее в уныние, тёмное и опасное место, полное обитателей, живущих в обветшалых хибарах. Люди жили в постоянном страхе нападения диких зверей и бродячих банд, которые крали всё, что попадалось под руку. Куда бы он ни пошёл, ему везде говорили, что эта земля проклята дьяволом, и что это навеки, и что будет становиться всё хуже и хуже.

Дэйв долго и напряжённо думал: "Я обещал себе, что не отступлюсь от этого пути и не буду падать духом. Я отказываюсь слушать эти голоса, предвещающие гибель. Внутри меня нет никакого Ада, и моя совесть чиста, так почему же снаружи должен быть Ад?"

И с этого момента Дэйв выступал с уверенностью и учил людей, что им вовсе не обязательно жить в ветхих лачугах, что они могут изменить положение дел, так что им не нужно будет жить в страхе. Он также подверг сомнению их веру в то, что это земля была проклята дьяволом. У горстки людей появилась надежда, и они слушали, но остальные боялись и даже смотрели на Дэйва, как на врага, опасаясь, что он сделает ещё хуже, чем было.

Дэйв собрал тех людей, которые внимали ему. Они отказались принять данные им трущобы в качестве окончательного места жительства и сделали чертежи новых прекрасных домов. Лучшей землёй, которую они смогли найти, было необитаемое болото. Они осушили его и построили себе дома и замечательный город с изобильными садами и прекрасными ландшафтами. Бандиты их не беспокоили, поскольку жители поддерживали и защищали друг друга. Дикие животные стали друзьями, потому что люди лелеяли их. Даже тёмные тучи и грозы начали утихать, и ясные солнечные дни стали обычным явлением.

Люди, которые были против Дэйва, увидели, что было достигнуто, и воспрянули духом; и одна за другой другие части ада преобразились в прекрасные города и пейзажи. Через некоторое время везде, насколько хватало глаз, уже не осталось ничего, кроме красоты и спокойствия.

Дэйв исследовал ставшую теперь прекрасной землю и понял, что нужно было сделать ещё одну вещь. Он подошёл к первоначальному входу, нашёл тот старый знак, на котором значилось: "Ад", сорвал его и заменил новым: "Рай". Как только он это сделал, появилась ещё одна дорога с развилкой и тот человек в белом. Он встретился взглядом с Дэйвом и сказал: "Я думаю, ты знаешь, что ты должен сделать".

Дэйв вспомнил прошлое и сказал: "Я должен опять делать выбор".

"Верно", — сказал человек.

Перед тем как я продолжу путь, вы можете поведать мне о судьбах тех троих?"

Человек ответил: "Рон находится в городе, напоминающем то место, которое создал ты. Он сожалеет об одном: он хотел бы принять участие в его создании. Когда это желание станет достаточно сильным, ему будет предложено опять выбрать дорогу, и он, как и ты, окажется в месте под названием "Ад", и ему будет дана возможность построить Рай.

Джим и Майк всё ещё парализованы страхом, боятся принять решение. Это они по-настоящему находятся в Аду, тем не менее, рано или поздно им предстоит двинуться вперёд".

"А что меня ждёт впереди?" — спросил Дэйв.

"Неизвестность", — сказал человек.

Это утверждение испугало Дэйва и, тем не менее, в то же время привело его в восторг. И без колебаний, он последовал по дороге, уходящей вправо.

Некоторое время никто не произнёс ни слова.

— Это замечательная история, — сказала Элизабет, в её глазах блестели слёзы. — Лучше я помогу мужу запомнить её.

— Прекрасная мысль, — сказал Джон. — А теперь, первый шаг к разгадке первого ключа — это найти первое ключевое слово. Первое ключевое слово служит заглавием этой притчи, а также это и та сила, которая привела ручку в движение. Вторая стадия первого ключа — это твоё осмысление его. Ты должен продемонстрировать определённый уровень понимания ключа.

Внезапно у меня в голове будто зажгётся свет.

— Я знаю это слово! — вскричал я. — Трудно поверить, что я не подумал о нём раньше, но я уверен, что на этот раз буду прав.

— Тебе придётся подождать ещё неделю перед тем, как ты его мне выдашь, — сказал Джон.

— Не понимаю этой твоей просьбы, — сказал я. — Теперь, когда я знаю слово, я хочу поговорить о нём.

— Если ты прав, ты много приобретёшь, размышляя на следующей неделе над полным смыслом этого слова и над принципом.

— Нутром и костями чувствую, что прав. Мне не терпится получить подтверждение.

— Неделя — очень короткий срок, — терпеливо сказал Джон.

— Где мы встретимся в следующий четверг? — с волнением спросил я.

— В "Денни", если не будет изменения планов. Там мы обсудим начало твоей миссии.

— Из-за тебя теперь моё ожидание будет тягостнее, чем когда-либо. Ты раньше уже упоминал миссию. Конкретно, что у тебя на уме насчёт меня? — беспокоило спросил я.

— Это скорее, что у Джошуа на уме. Он планирует открыть миру новые учения, и ты, друг мой, являешься частью этого плана.

— Ну, теперь я весь как на иголках! Почему бы тебе просто не остаться у нас дня на три и ответить на все мои вопросы?

Я чувствовал себя ребёнком в канун Рождества, умоляющим открыть подарки раньше времени.

— В настоящий момент время, которым я располагаю, ограничено. Может быть, мы сможем провести вместе три дня, когда Джошуа отпустит меня на время. А пока, желаю тебе счастливых размышлений на будущей неделе.

Джон направился к двери.

— Разреши задать один вопрос перед уходом, — попросил я.

— Давай, — сказал Джон, поворачивая назад.

— То, что меня атакуют Тёмные Братья, это одно, а вот цепляться к моей жене — это кажется несправедливым. Мы можем что-либо сделать, чтобы защитить её до тех пор, пока мы не узнаем больше о самозащите?

— Не только о твоей жене приходится беспокоиться. Будет и много других, которые будут искать учения света, и ты будешь в этом помогать, и которых "Тёмные" будут стремиться отвлечь и стянуть вниз на свой уровень эгоизма. И ты, и твоя жена, и другие, кто выступит вперёд, смогут кое-что сделать, чтобы прочно держать свой разум на Свету. Конечно, прекраснейшая защита — это стать единым с Духом и быть верным своему внутреннему голосу, но немногие достигли этого в желаемой степени. Существует особая молитва, которая передавалась через века, и которая даст защиту тянущимся к знаниям ученикам. Мы пока ещё не планировали выпустить её в свет, но, может быть, было бы уместно сейчас дать её тебе.

Джон обвёл глазами комнату.

— Мне нужна минутка уединения. Можно воспользоваться туалетом?

— Конечно. Прямо через зал и налево, — заинтригованный, я дал указания.

Когда Джон зашёл в туалет, я не мог удержаться, чтобы не подойти ближе к двери и не заглянуть в щёлку под ней. Я едва-едва слышал какие-то голоса и не мог определить, был ли это только Джон или Джон с кем-то ещё. Показалось также, что свет, пробивающийся из-под двери, усилился. Когда голоса прекратились, я отступил от двери, и вскоре вышел Джон.

Джон выглядел весьма довольным и заявил:

— Сегодняшний день может казаться обычным днём, но в действительности этот день знаменует начало конца наших Тёмных Братьев. Их власть окончится не потому, что мы их уничтожим, а потому, что чистые сердцем больше не будут отдавать им свою власть, и, тем самым, невинные будут защищены. Когда Тёмным Братьям откажут в источнике энергии, которая им не принадлежит, они уничтожат себя. Скажи мне, ты слышал о "Песне 144000"?

— Насколько я помню, это из Книги Откровения. Свидетели Иеговы всё время используют это число.

— Найди-ка мне Библию, и мы прочитаем о нём, — скомандовал Джон.

Я поспешно достал Библию и дал её Джону. Он открыл её на четырнадцатой главе книги Откровения и прочитал:

"Откр. 14:1. И взглянул я, и вот, Агнец стоит на горе Сионе, и с ним сто сорок четыре тысячи, у которых имя Отца Его написано на челах.

Откр. 14:2. И услышал я голос с неба, как шум от множества вод и как звук сильного грома; и услышал голос арфистов, играющих на арфах своих.

Откр. 14:3. Они поют как бы новую песнь пред престолом и пред четырьмя животными и старцами; и никто не мог научиться сей песни, кроме сих ста сорока четырёх тысяч, искупленных от земли.

Откр. 14:4. Это те, которые не осквернились с женщинами, ибо они девственники; это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошёл. Они искуплены из людей, как первенцы Богу и Агнцу.

Откр. 14:5. И в устах их нет лукавства; они непорочны пред престолом Божиим."

Джон в задумчивости закрыл книгу и посмотрел на Элизабет и на меня.

— Я написал это символическим языком почти две тысячи лет назад. Звучит так, будто песню будут петь небесные создания, летающие вокруг трона Бога, но в действительности всякий здесь на Земле, кто распознаёт Дух Божий, текущий сквозь него, очень близок к трону Божию. Может показаться, что песню будут петь мужчины-девственники, но это будут и мужчины, и женщины, которые чисты сердцем. Многие полагали также, что число 144000 является предельным числом, но на самом деле это число одного огромного символического хора, одного из многих, которые в конечном счёте возьмутся на этой маленькой планете. Кроме того, эту песню не будут петь в обычном смысле, на физическом плане, а её будут петь души целеустремлённых учеников. Её следует произносить вслух, и она запечатлется духом внутри. Когда душа фиксирует слова, прекрасная песня посылается Богу, и взамен ищущий получит духовную защиту и помощь.

Глава 20

Песня ста сорока четырёх тысяч

— Значит, ты собираешься научить нас этой песне? — спросил я с нетерпением.

— Да, — ответил Джон. — Возьми ручку и бумагу и запиши слова в точности так, как я их тебе скажу. Это одно из учений, в которое ты не должен вставлять свои слова, а которое нужно точно выучить наизусть.

Я достал письменные принадлежности и приготовился писать.

— Я готов, — сказал я, ожидая откровения.

Джон начал с того, что ненадолго закрыл глаза. Затем он открыл их и медленно произнёс такие прекрасные слова:

"Мы благодарим тебя, Отец, за то, что ты открыл нам твой защитный всеохватывающий свет; что внутри этого света — полная защита от всех разрушительных сил; что Святой Дух Твоего Присутствия проникает нас в этом свете и везде, где мы ни велели бы этому свету снизойти".

Джон сделал паузу и закрыл глаза. И, пока мы с Элизабет изумлённо смотрели, мы стали различать белый свет на расстоянии вытянутой руки от тела Джона, поначалу совсем слабый, но разгорающийся всё ярче и ярче, пока мы с трудом могли смотреть на его сияние. Затем, через несколько секунд, мы заметили, что сияющий свет начал проявляться и плясать и вокруг наших собственных тел. Примерно через минуту трое нас были как три блистающих солнца.

Потом Джон заговорил опять.

"Мы благодарим тебя, Отец, за то, что ты наполнил нас своим защитным огнём Любви; что внутри этой любви — полная защита от всех разрушительных мыслей и чувств; что сознание Христа возвысило нас в этой любви и везде, где мы ни велели бы любви вспыхнуть пламенем".

Джон опять замолчал, и через несколько секунд мы заметили, как ярко-жёлтый, розовый и лиловый цвета добавились к его ауре света. Вскоре после этого мы заметили то же самое и в своих сферах света. Затем мы ощутили огонь сильнейшей чудесной любви. Это были любовь и огонь, которые проникали в самую душу и были очень приятны на духовный вкус; словами этого не описать. Каким-то образом мы с Элизабет почувствовали, что мы вдвоём, вместе ощущаем всё это, и хотя раньше мы не испытывали такой интенсивности её, она казалась весьма естественной и желанной.

Затем, пока мы наслаждались этим величайшим происшествием в нашей жизни, Джон открыл глаза и вновь заговорил:

"Мы благодарим тебя, Отец, за то, что ты в нас, и мы в тебе; что через нас Твоя Воля послана вперёд на крыльях могущества: что через нас Твоя Цель свершается на земле, как и на небесах; что через нас Твой Свет, и Любовь, и Могущество являются всем Сынам и Дочерям Человечества".

На этот раз густой фиолетовый цвет с золотом по краям проявился в его ауре и опять распространился на наше свечение. Вдобавок к ощущению Присутствия Духа и великой Любви, теперь у нас появилось всепоглощающее чувство невероятного Могущества. Если у нас и были раньше какие-то сомнения, существует ли Высшее существо, то они улетучились, когда мы прочувствовали столь сильную манифестацию. Ощущение могущества было столь сильным, что, казалось, наделённый этим могуществом мог, если бы пожелал, щёлкнуть пальцами и заставить мир исчезнуть. Эффект от пережитого был поистине смиряющим.

Джон распротёр обе руки, и свет, казалось, стал циркулировать вокруг нас троих, как будто мы были одной жизнью. Затем он тихонько сказал:

— Спроси себя, когда ты находишься в этом состоянии, возможно ли вообще испытывать какой-либо страх? Ты чувствуешь, что Тёмным Братьям будет невозможно нарушить этот мир?

Я взглянул на Элизабет.

— Сейчас я чувствую, что даже не в состоянии вообразить ничего негативного, не говоря о том, чтобы чего-то бояться.

Элизабет согласно кивнула, улыбнувшись. Она, казалось, потеряла дар речи.

Джон опустил руки, и свет стал ослабевать, но даже когда он пропал, мы продолжали ощущать спокойствие внутри себя. Через некоторое время Джон опять заговорил:

— Друзья мои, вы только что прослушали Песню ста сорока четырёх тысяч у трона Бога. Уже сейчас есть группы ста сорока четырёх тысяч, поющие эту песню на духовных планах, но это — начало духовной песни на земле. Скоро она будет на земле, как и на небесах, и найдётся сто сорок четыре тысячи, и больше, тех, кто ощутит Свет, и Любовь, и Могущество Бога-Отца-Матери, и позволят себе стать нотой музыки небесных сфер.

Обдумав это прекрасное видение, я спросил:

— Что, нам полагается произносить эту песню или молитву регулярно?

— Да, — сказал Джон. — Произносите её вместе по меньшей мере один раз в день и индивидуально — по меньшей мере раз в день. Однако, всякий раз, произнося её, мысленно представляйте всех, кто может петь эту песню души, как если бы они находились в вашем присутствии и наслаждались светом и любовью, которую вы прочувствовали здесь сегодня вечером. Как только каждый новый человек выучивает песню, все вместе укрепятся и зарядятся энергией.

Джон сделал паузу и продолжил:

— Моё время на исходе, и позже я больше обучу тебя по этому вопросу.

Мы попрощались, и вновь наблюдали, как Джон ушёл в темноту.

Этим вечером мы с Элизабет произнесли песню вместе перед тем как лечь спать. Мы не заметили видимого света и не ощутили огня, как тогда, когда Джон произносил её, но мы почувствовали умиротворение... и Элизабет смогла крепко уснуть, не боясь новой тёмной атаки.

Глава 21

Миссия

Следующие три дня мы исправно несколько раз в день читали наизусть песню; затем на четвёртый день что-то отвлекло нас, и мы не подумали о том, чтобы произнести её. Никакой явной атаки мы не почувствовали, но я отметил, что Элизабет вроде бы стала более негативной по поводу своей болезни. В добавок к этому, несколько раз мы вступали в пререкания, что, похоже, вывело нас из духовного расположения духа. На пятый день над нами, казалось, нависла туча. Перед сном никто из нас не был склонен произносить песню, но я чувствовал, что это было важно, так что я подталкивал Элизабет прочитать её вместе со мной.

Когда мы закончили, Элизабет сказала:

— От нас ускользнула гармония с нашими душами. До сих пор я этого не понимала. Давай расскажем её ещё раз.

Мы опять произнесли её, и на этот раз почувствовали, как вернулось спокойствие, которое мы ощущали раньше. Пока мы купались в этой умиротворённости, я сказал:

— Эта песня действительно даёт положительный эффект. Нам надо не забывать произносить её каждый день, тянет ли нас это делать или нет.

Элизабет согласилась, и мы мысленно поручились не забывать рассказывать песню ежедневно.

Кроме тех двух дней, когда мы не произносили песню, неделя прошла весьма неплохо. На самом деле, похоже, она прошла даже лучше обычного. Я продал два дома без обычных проблем и прошёл без сучка, без задоринки через завершение сделки, которая обещала быть сложной. У Элизабет, похоже, тоже стало больше физических сил и, если не считать тех двух негативных дней, её настроение значительно улучшилось.

Вэйн и я были слишком заняты, чтобы встретиться за нашим еженедельным завтраком. В своё свободное время я много думал о том, в чём могла состоять моя миссия, и сформулировал ряд вопросов для Джона. Из того немногого, что Джон рассказал мне, я знал, что мне полагалось каким-то образом преподнести его учения и ключи познания миру, но пока я не принял это достаточно серьёзно, поскольку сам ещё даже не закончил первый ключ. Тем не менее, он сказал мне, что собирался поговорить о моей миссии при нашей следующей встрече. Мне это было действительно любопытно.

На этот раз, в четверг, когда наступил вечер, мы вместе с Элизабет сказали песню. Мы оба ощутили замечательную умиротворённость, и никто из нас не беспокоился, что Элизабет пару часов побудет одна.

Сев в машину, чтобы отправиться в "Денни", я наполовину приготовился, что меня маханут бог знает куда, но ничего не случилось. Без происшествий я доехал до "Денни", зашёл внутрь и обнаружил Джона, пьющим кофе и почитывающим местную газету, в нашей обычной кабинке.

Когда я сел, Джон поднял глаза и улыбнулся.

— Вижу, что ты произносил песню, — сказал он.

— Откуда ты знаешь? — для меня Джон был всегда полон неожиданностей.

— Я вижу это, именно как я тебе и сказал.

— Что ты имеешь в виду под "вижу это"?

— Когда я пел песню для тебя, ты что видел? — спросил Джон.

— Я видел великолепное свечение, пляшущее вокруг тебя.

— Значит, ты видел, что я пел песню?

— Да, надо полагать.

— А ты не чувствовал также, что я пел песню?

— Да, мы испытали самые замечательные чувства, какие только можно себе представить.

— И ты также слышал слова, которые я проговаривал, не правда ли?

— Конечно.

— Истинное пение Песни ста сорока четырёх тысяч совершается на трёх уровнях: физическом, эмоциональном и умственном планах, что открывает дверь духовного. Последнее время ты пел песню, и я вижу твой свет и чувствую твою умиротворённость. Таким образом, я вижу, что ты пел песню.

— Ты можешь подробнее объяснить, что ты имеешь в виду под пением на трёх уровнях?

Джон сделал паузу и сказал:

— Если человек всего лишь запоминает слова и повторяет их только на физическом плане, то он не поёт песню по-настоящему. Вибрации слов, лишь выговариваемых, дают очень малый эффект. В добавок к произнесению слов их надо прочувствовать и обдумать. В некотором смысле ты становишься Словом, которое есть Бог. Последнее, что ты всегда должен делать, это петь песню так, как будто ты находишься в присутствии всех остальных, которые также входят в состав огромного хора. Когда ты делаешь это, то ты открываешь дверь для духовной энергии и становишься истинным певцом песни; ты не только помогаешь себе, но также содействуешь и всем остальным, кто тоже знает и использует песню. Происходит сильное взаимодействие и обмен общей энергией, которая становится доступной тем, у кого на челе написано имя Отца.

— У меня есть вопрос, — сказал я. — Когда ты пел песню, мы наблюдали видимый свит вокруг нас, а когда пели мы с Элизабет, то света мы не видели. Почему так?

— Ты не видел свет, а я видел. Когда я заметил тебя, идущего сюда к кабинке, ты светился, как ангел. Ты видел свет в моём присутствии по двум причинам: у меня больше практики в пении этой песни, и поэтому свет был более интенсивным; во-вторых, твоё духовное зрение в ту ночь было более чувствительным. Если ты разовьёшь своё духовное зрение, ты сможешь видеть свет всякий раз, когда правильно поёшь песню. В будущем ты будешь петь эту песню в группах, и некоторые будут видеть свет, а остальные не будут. Те, кто не готовы, будут чувствовать негативный эффект и бросят хор, и не будут петь её, пока не станут более подготовленными.

— Что является основным показателем, готов ли человек? — спросил я.

— Каждый человек будет сам себе судьёй. Но если кто-то не готов, то он не извлечёт пользу и, тем самым, даже не будет пробовать петь песню регулярно.

— Кажется странным говорить, что мы поём песню, когда мы не поём в обычном смысле.

— С более высокой точки зрения между разговором и пением не много разницы в красоте. Красота песни души с лихвой затмевает самое прекрасное земное пение. Поэтому ты обнаружишь, что некоторые из наиболее духовных людей не обладают хорошим физическим певческим голосом. Это потому, что они уделяли так много внимания внутренней красоте. С другой стороны, существует небольшая группа духовных людей, которые также работали над хорошим певческим голосом, так что в действительности невозможно судить о духовном развитии человека по звучанию его физического голоса.

— Это утешает! — пошутил я. — Если бы обо мне судили по тому, как я пою, то я, наверное, отправился бы в ад.

— На самом деле, ты очень хорошо поёшь. Если бы ты прислушался к своему существу в целом, ты бы это увидел, — улыбнулся Джон.

— Для меня это новость, — сказал я. — Никогда не считал себя хорошим певцом, с какой стороны ни посмотри.

Джон сделал глоток кофе и спросил:

— Думаешь, ты нашёл первое ключевое слово?

— Да. Действительно, думаю, что нашёл.

— Тогда давай его мне.

Я сказал то слово, которое пришло мне на прошлой неделе.

— Ты уверен, что оно правильное? — спросил он.

— Да, достаточно уверен.

— Ты должен научиться доверять внутреннему голосу. Когда ты в гармонии с ним, у тебя не будет сомнений. Что говорит твоё внутреннее "Я"? У тебя верное слово или нет?

— Я по-настоящему уверен, но голову на отсечение не дам.

— Наступят времена, когда тебе придётся свою жизнь и даже большее ставить на внутренний голос. Тебе надо научиться фиксировать его и затем доверяться ему всем своим существом, всем, что у тебя есть. Это единственный способ полностью освободиться от влияния Тёмных Братьев и всей отрицательной энергии. Теперь загляни глубоко внутрь себя и ответь. Ты нашёл правильное ключевое слово? Да или нет?

Я попытался настроиться на тихий спокойный голос, но чем сильнее я старался принять его сигналы, тем больше начинал сомневаться в себе. Воображал ли я подтверждение, потому что очень того хотел, или получал подлинный ответ?

— Думаю, у меня есть правильный ответ, но, честно говоря, не знаю наверняка.

— Хорошо, что ты честен, но, чтобы завершить свою миссию, ты должен научиться слышать внутренний голос и верить ему. Вопрос таков: "Это ключевое слово, которое, как ты думаешь, ты получил, подтверждено твоим внутренним голосом или нет?"

Джон сел прямее и подался вперёд.

— Если ты не сможешь дать мне правильный ответ в течение нескольких последующих минут, тогда нашим взаимоотношениям конец, и ты в этой жизни больше меня не увидишь.

Его слова ошеломили меня, и кровь прилила к лицу.

— Что? После всего, через что я прошёл, ты так просто так кинешь меня, если я не смогу дать тебе правильный ответ здесь и сейчас?

Я не мог поверить его словам!

Секунду Джон изучал моё лицо.

— Я не отброшу тебя, но если ты не в состоянии принимать внутренний голос Духа и верить ему после всего, через что ты прошёл, я должен буду найти кого-то другого для этой работы. Тут нет ничего личного, но мне надо делать дело, и у меня должен быть кого-то, кто доверяет этому тихому спокойному голосу. Сейчас я дам тебе побыть в тишине некоторое время, а потом дай мне ответ.

Джон молчал, и я попытался настроиться на голос, но, похоже, ничего не получил. Заявление Джона лишило меня спокойствия, но я старался сосредоточиться. Через минуту, наполненную моим отчаянием, Джон спросил:

— Какой будет твой ответ?

Я был зол на себя, поскольку время на размышление ничего мне не дало. Я решил действовать наугад.

— Да. У меня есть правильный ответ. Я от него не отступаюсь.

— Твой внутренний голос тебе это подтвердил? — спросил Джон.

В страхе я на секунду остановился. Никогда в жизни мне так сильно не хотелось солгать, но, если бы я сказал Джону, что получил что-то, это было бы ложью, и он наверняка узнал бы это. Я с болью сказал ему правду.

— Я пытался получить подтверждение, но вернулся с пустыми руками. Я провалился?

— Ещё нет. Сейчас я дам тебе пару минут на размышление. Ты уверен, что у тебя есть ключевое слово? У тебя есть подтверждение от души, и ты ему веришь? Твой следующий ответ будет окончательным. Я отойду в туалет. Когда вернусь, то буду ожидать от тебя ответа.

— Не торопись, — сказал я вслед уходящему Джону.

Такого стресса никогда раньше я не испытывал. В прошлом, если я хотел получить какую-то внутреннюю ориентировку, то всегда старался находиться в обстановке, где не было отвлекающих факторов, но сейчас это казалось невозможным. Тем не менее, я пытался освободиться от помех и услышать внутренний голос: "Я думаю, что знаю слово. Оно верное? Господи, помоги мне. Пожалуйста, подскажи, правильное ли оно!"

Ответа не было. Никакого. Такого нулевого результата мне в жизни не доводилось получать. Вот, мне представилась возможность, может, самая замечательная за две тысячи лет, и я её мог скоро упустить. Кроме того, я наверняка потеряю Элизабет, так как никогда не получу первые три принципа. Я почти что заплакал, но сдержал слёзы и заставил себя продолжать. Джон мог вернуться с минуты на минуту.

Я откинулся на стуле, закрыл глаза и мысленно вернулся к тому вечеру в прошлый четверг, когда Джон преподал нам притчу и песню, и когда ко мне пришло то ключевое слово. За секунду я заново пережил те несколько славных мгновений.

Тут же я понял, что у меня был ответ, которого ожидал Джон. В тот же самый момент Джон вышел из туалета.

Он небрежно уселся в закутке, сделал очередной глоток кофе и спросил:

— У тебя есть подтверждённый ответ?

— Да, есть.

— Какой он, друг мой?

— Я не получил подтверждения сегодня вечером, потому что уже получил подтверждение в то время, когда получил слово. В тот момент, когда я его получил, я был абсолютно уверен, но в течение недели моя вера пошатнулась, и я стал сомневаться в себе. Когда я позволил своим мыслям вернуться к тому моменту на прошлой неделе, я заново осознал, что определённо получил верное ключевое слово. Мой ответ утвердительный. Я уверен, что ключевое слово правильное, и оно было подтверждено моим внутренним "я".

— Значит, сомнений нет? — сказал он.

— Теперь я уверен, — твёрдо сказал я.

— Что, если бы я сказал тебе, что ты не прав?

На секунду я почувствовал, как по телу пробежал озноб страха, но затем обрёл самообладание.

— Я бы сказал, что это ты не прав, так как знаю, что внутренний голос мне подтвердил, и даже Бог не в состоянии этого отнять.

Впервые с того времени, как я познакомился с ним, Джона, казалось, проняло. Глаза его стали влажными, когда он обеими руками схватил мою правую руку и произнёс:

— Долгий голод по правде закончился, брат мой. Ты готов помогать нести великий свет на Землю. Добро пожаловать в Братство.

Мы с Джоном сидели в тишине, держась за руки, как мне показалось, целый час, хотя я знал, что это длилось меньше мгновенья. Во время этой интерлюдии мне не надо было спрашивать его, было ли правильным моё слово. Я знал, что оно было правильным. Я увидел историю жизни Джона за прошедшие две тысячи лет. Меня невыразимо поразило, через какие трудности он проходил, чтобы помочь человечеству. Но больше всего меня задело за живое, что то и дело его работа терпела крах из-за отсутствия содействия со стороны тех, кого он учил. Иногда те, кому полагалось работать на братство Света, были просто инертны и ленивы; иной раз они стремились к собственной славе; порой их парализовывал страх; и, наконец, как ни прискорбно, бывали случаи, когда работники теряли свой свет и переходили на сторону тьмы, и стремились разрушить всё то, что приносит человечеству свободу и свет.

И ещё я увидел, что время от времени, раз в несколько сотен лет, у Джона появлялся преданный соратник или два, и сердце его радовалось, и его вера в человечество возрождалась. После этого меня переполнили чувства по поводу надежд и ожиданий, которые Джон связывал со мной. В тот же момент я порвал контракт:

— Ты ожидаешь от меня большего, чем я ожидаю сам от себя. Я не хочу подвести тебя, как это делали другие.

— Никогда, никогда не допускай, чтобы страх потерпеть провал препятствовал твоим действиям. Помни урок той притчи. Всегда действуй в соответствии со своим самым высоким знанием, и ты будешь учиться на своих ошибках и, в конце концов, добьёшься успеха.

Я подождал, пока отпустит ком в горле, и сказал:

— Одно беспокоит меня, что ты, такой великий учитель и человек, всё-таки вновь и вновь терпел неудачи за прошедшие две тысячи лет. Ты действительно веришь, что мы можем добиться успеха на этот раз?

— Прошедшие две тысячи лет были периодом обучения и подготовки Работников Света. Сейчас мы стоим на пороге новой эры и новой энергии. Лейтмотивом прошлых двух тысяч лет была жертва, начавшаяся с жертвы Христа. Сейчас мы входим в новый величественный период, где мы сможем насладиться плодами той жертвы. Новый лейтмотив — это служение. Может быть, величайшее, записанное когда-либо, изречение Джошуа — то, что самый великий в царствии небесном будет самым великим слугой. Самые великие в Братстве Света — это те, кто обладают наибольшей способностью и желанием служить.

Казалось, что за прошедшие две тысячи лет мы терпели неудачи, поскольку учились и демонстрировали жертвы, но теперь издан указ, что мы будем учиться и демонстрировать служение. Чтобы служить, мы должны добиться успеха, следовательно, на этот раз добиться успеха — нам назначено судьбой. То там, то сям будут сбои, но наш конечный успех практически гарантирован.

Джон улыбнулся мне, будто я был частью этого успеха.

— Итак, надо полагать, я прошёл своего рода экзамен?— спросил я.

— Да, ты прошёл. Чем выучить ключи, важнее научиться доверять тому, что подтверждает тебе Дух. Когда тебе дано подтверждение, то, как правило, тебе не будет дано ещё одно, пока ты не станешь верен тому, что уже получил. В прошлый четверг тебе было дано подтверждение ключевого слова, и у тебя возникло искушение сомневаться в нём. Поэтому, когда ты попытался получить подтверждение вновь, оно не пришло. Сомнения воздвигают стену между тобой и твоей душой. Ты совершенно правильно сделал, когда вернулся назад к моменту получения и вновь проанализировал его. Ты сделал то же самое, когда Тёмный Брат попытался обмануть тебя: ты мысленно вернулся назад к тому, каков был голос Духа, и сравнил его со своим видением. Немногие овладели этим процессом. Почти каждый хочет подтверждения истины снова и снова, вместо того, чтобы довериться подтверждению, которое уже получили. Если ты не веришь подтверждению, полученному вчера, откуда нам знать, что ты поверишь повторному подтверждению сегодня?

Джон продолжал:

— Настоящий ученик не будет искать новых подтверждений снова и снова. Он найдёт их естественным путём, когда станет жить по высочайшему свету, который он уже получил.

Джон подался вперёд и понизил голос, после того как наша официантка наполнила наши кофейные чашки.

— С твоего разрешения я повторяю. Это, может быть, самый важный совет, который ты когда-либо получишь. Всегда живи согласно самому высокому свету, который ты уже получил. Если будешь так жить, то получишь больше, во веки веков. А если нет, то твой прогресс застопорится и не сможет продолжаться, пока ты не вернёшься назад, проанализируешь свой свет и затем станешь жить в соответствии со нормой этого света.

Я немного подумал.

— Я всегда старался так делать, но до настоящего момента не понимал полного смысла этого правила. Ну, так скажи, с первым ключом я разделался, или что?

— Ты нашёл первое ключевое слово. Теперь твой следующий шаг — понять сам ключ. Я хочу, чтобы на следующей неделе ты подумал об этом конкретном слове, как о ключе к знанию, и почему оно определяет суть твоего существования. Почему оно является причиной всего движения во Вселенной — от планеты до ручки и до атома?

— Я чувствую, что удостоен привилегии продолжать это после того страха, который ты мне задал, — сказал я, облегчённо засмеявшись.

Джон ободряюще улыбнулся.

— Ты мне задал страху куда больше. Я бы, наверное, чувствовал себя хуже, теряя ученика с предназначенной ему миссией, чем ты, теряя благоприятную возможность. Как-никак, я гораздо лучше знаю подоплёку всего этого, чем ты.

— Так ты собирался рассказать мне больше об этой миссии, — настаивал я.

— Да, — сказал он. — Существует несколько стадий, и все сразу раскрыты не будут. Мы хотим, чтобы ты концентрировался на работе, которая под рукой, а не каком-то будущем событии, которое в настоящий момент кажется несбыточным.

— Тогда в чём же заключается первая стадия?

— Первая стадия — чтобы ты написал несколько книг, дающих миру новые учения и ключи.

Я почесал в затылке.

— Думаю, ты не понимаешь, насколько я занят. Чтобы платить по счетам, включая медицинские расходы на Элизабет, я теперь работаю семь дней в неделю, нередко по двенадцать-шестнадцать часов в сутки. Я не только должен вкалывать, как сумасшедший, чтобы зарабатывать деньги, но и мне приходится делать всю работу по дому с того времени, как заболела Элизабет. Я буду счастлив делать всё, что ты не попросишь, если ты материализуешь несколько слитков золота, чтобы мои руки стали свободны.

Джон улыбнулся.

— Я помню те несколько сладких лет с Мастером — как часто мы давали Ему ответы вроде этого. Знаешь, что Он обычно говорил нам в ответ на это?

— Что?

— "О вы, маловерные".

Я хмыкнул.

— Ну, со мной это должно быть: "О вы, у кого мало времени". В сутках ведь только двадцать четыре часа.

— Ты говоришь мне, что для тебя невозможно выкроить время, чтобы написать книгу?

Я немного пораздумал. А чем чёрт не шутит!

— Хорошо. Нет ничего невозможного. Я найду какой-нибудь выход.

— Давай вначале рассмотрим практические возможности. Ты можешь заложить свой дом, чтобы высвободить немного денег, которые высвободят какое-то время?

Я нахмурился.

— Ты шутишь? У меня всё заложено под завязку!

— Как насчёт друзей и родственников? Кто-нибудь из них поможет?

— Большинство из них уже считают, что я слишком не от мира сего. Нет. Ни один не одолжит мне денег на написание книги. Мне придётся им врать, и я знаю, ты этого не хочешь.

— Иметь дело с материальной стороной жизни — это то, с чем даже учителя высочайшего класса испытывали трудности, — хмуро сказал Джон, — но, в особенности в эту эпоху, мы признаём, что это — необходимость. Всё что тебе надо сделать — это найти время написать книгу или две. Так вот, в силу определённых духовных законов мы не можем просто взять и материализовать тебе бруски золота или какое-либо другое богатство, но мы твёрдо верим, что многие люди заинтересуются учениями и будут готовы покупать книги. Когда это произойдёт, у тебя будет достаточно поступлений, чтобы развязать тебе руки, чтобы ты мог проводить полный рабочий день как ученик, учитель и писатель.

Я сделал большой глоток кофе.

— Может, мне удастся посидеть лишний часок-другой каждый вечер, пока я не окончу книгу. Я найду способ это сделать. Должен сказать, что я годами планировал заняться писательством и просто не был в состоянии найти время, но я знаю, что это важно. Когда мне надо начинать?

— Прямо сейчас.

— Но я даже не завершил первый ключ.

— Это не обязательно. В первая книга расскажет о твоей встрече со мной, и чему ты научился до настоящего момента. Ты не будешь раскрывать первое ключевое слово в первой книге. Одна из причин — тебе надо будет распространить много экземпляров первой книги бесплатно, сделав её доступной в Интернете, или любым другим способом, который ты сможешь придумать. Таким образом, ищущие смогут скачать книгу и оценить, что их ждёт впереди. Если после этого им станет интересно, они смогут купить или печатный экземпляр или будущие книги, которые ты напишешь. Это снабдит тебя деньгами и развяжет тебе руки, чтобы начать другие проекты, которые мы для тебя задумали.

— Итак, мне полагается начать писать незамедлительно и описать всё в точности так, как произошло? Проблема здесь в том, что никто в это не поверит. Они подумают, что эта книга — произведение иллюзорного мечтателя.

— На самом деле, ты прав даже в большей степени, чем думаешь. Раньше мы дважды делали попытки представить наши передовые учения в открытую, и обе жалко провалились. Мы обнаружили, что гуру "Новой Эры", которые просто всё сочинили из своего подсознания, добились большего успеха, чем два наших ученика. Дополнительной проблемой было то, что наши ученики были настолько честны и прямолинейны, что они были скучны.

— Я уверен, что ты не просишь меня быть нечестным.

— Отнюдь нет. Даже Джошуа выпал бы из света, если бы попросил тебя такое сделать.

— Так о чём ты просишь?

— Мы просим тебя написать беллетристику, — ответил Джон.

— Беллетристику? Но ведь ни одно из этих произошедших фантастических событий не является вымыслом, — воскликнул я.

— Это так. Но некоторые из них слишком фантастичны, чтобы тебе о них писать, а иные лишены определённого очарования, необходимого для привлечения аудитории. Поэтому мы хотим, чтобы ты создал любые персонажи и события, какие захочешь, чтобы сделать книгу интересной. Поскольку ты опубликуешь книгу, как беллетристику, ты не будешь непорядочным, творя персонажи, ситуации и события, необходимые для того, чтобы сделать рассказ интересным. Есть, однако, один критерий, которого ты должен придерживаться.

— Какой? — спросил я.

— Вся цель твоих произведений будет состоять в том, чтобы преподнести учения, важные для грядущей эры мира. Таким образом, тебе даётся строгий наказ ничего не изменять в учениях, которые будешь получать от меня или любого другого будущего духовного учителя. Тебе полагается преподносить их настолько ясно и честно, насколько ты способен. Даже несмотря на то, что ты опубликуешь свои произведения как фантастику, найдутся многие, кто почувствует, что учения сами по себе истинные, и многие захотят узнать больше.

— Самая невероятная часть всего этого приключения — это ты, — улыбнулся я. — Следует ли мне рассказать всё про тебя?

— Мы оставляем это на твоё усмотрение. Тебе, вероятно, понадобится изменить меня до некоторой степени, возможно, во многих отношениях. Если необходимо, ты можешь сказать, что встретил Геркулеса или богиню Луны, — что угодно, что, по-твоему, сделает рассказ интересным. Просто будь верен учениям, которые ты получил.

— Ты и Христос намного мудрее меня. Почему они поручают столь важное задание мне?

— Учения для человечества должны прийти через человечество, через простых смертных вроде тебя. Всякий раз, когда мы нарушали это правило в ходе мировой истории, то всегда дело заканчивалось катастрофой.

— Я думал, что ваши духовные учителя непогрешимы. Похоже, что даже Христос может сделать ошибку.

— Истинное совершенство заключается в способности успешно завершить задачу. Когда кто-либо находится в процессе выполнения работы, ошибки всегда будут, но это не мешает конечному продукту быть безупречным. Взгляни на этот мир и его обитателей. В нём есть много несовершенства, сотворённого самим Богом, но конечным результатом всего этого будет совершенство сверх всех ожиданий.

"Хм-м, интересно", — подумал я.

— Так значит, вы вынуждены полагаться на простого смертного вроде меня, чтобы нести слово?

— Да. Самое близкое, насколько я могу подойти к тебе, это в качестве учителя, и даже тогда ты должен быть активным участником: задавать вопросы и искать ответы. Ты должен истинно хотеть познать каждый шаг на пути своего прогресса.

— Ну, должен признаться, у меня есть сильная мотивация, поскольку от этого зависит жизнь моей жены.

Джон улыбнулся:

— Уверен, что ты бы изо всех сил гнался за истиной, даже если бы её жизнь от этого не зависела.

— Возможно. Полагаю, мы это выясним, когда она выздоровеет.

— Я верю, что ты сможешь ей добиться этого выздоровления. Только помни — всегда следуй высочайшему из того, что знаешь. Этот принцип включает и целительство. Кстати, сейчас она с волнением ожидает твоего возвращения. Тебе надо идти домой, чтобы она могла спокойно поспать.

— Пожалуй, ты прав, — сказал я. — Я попытаюсь приготовить первую главу к нашей встрече на следующей неделе.

— Не приноси мне её, пока не будет готова вся книга, — сказал Джон.

— Почему?

— Чем меньше будет моего влияния, тем ярче она выйдет, даже если будет написана в слабости твоей. Я прочитаю её, когда закончишь, но воздержусь от редактирования.

— Разве ты не сможешь по крайней мере высказать мне своё мнение?

— Я скажу, получил ли я удовольствие от неё или нет. Когда закончишь, мы посмотрим, сколько ещё я смогу раскрыть.

Он встал, чтобы уходить, и сказал:

— На сегодня довольно.

— Я увижу тебя на следующей неделе? — спросил я с надеждой.

— Мы просто опять встретимся здесь в "Денни", если не получишь никаких иных известий.

— Буду ждать с нетерпением.

Джон повернулся ко мне лицом.

— Об одном только попрошу тебя, когда приступишь к этому заданию.

- О чём? — спросил я.
- Напиши хорошую книгу. Постарайся, чтобы мне не было стыдно.
- Я сделаю тебя сказочно интересным, — улыбаясь, ответил я.

Книги Джозефа Дж. Дьюи (J. J. Dewey)

Вы только что прочитали "Бессмертный", Книгу I. Наше печатное издание включает в себя эту книгу и вдобавок большую по объёму Книгу II в одном томе. Ниже приведены цены (в американских долларах) на различные публикации (на английском языке).

Бессмертный (Книги I и II)	19.95
Потерянный ключ Будды (Бессмертный, Книга III)	19.95
Ключи знания, том 1	19.95
Ключи знания, том 2	19.95
Ключи знания, том 3	19.95
Ключи знания, том 4	19.95
Ключи знания, том 5	19.95
Ключи знания, том 6	19.95
Собрание огней	19.95
Молекулярные взаимоотношения	19.95
Боги Библии	14.95

Стоимость пересылки включена в цену. При зарубежных заказах (из-за границы США) добавьте 5 долларов за первую книгу и по 3 доллара за каждую дополнительную.

Для заказа посылайте чек или наложенный платёж в компанию "Great AD-Ventures" по адресу: **США, штат Айдахо, г. Бойсе, 83707, п/я 8011 (P.O. Box 8011, Boise, Idaho, 83707 USA)** или звоните по телефону **1-800-390-5687**.

Мы принимаем кредитные карты "Мастер Кард", "Виза", "Дискавер" и "Америкэн Экспресс".

Если вы хотите получить бесплатную электронную копию книги "Бессмертный", Книга I, вы можете скачать её бесплатно с <http://www.freeread.com>.

Об информации о бесплатной дискуссионной группе в Интернете, откуда извлекаются эти произведения, обращайтесь по электронной почте: book@freeread.com.